

Ш.ДИЛЬ * ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ *

И * Л

Государственное издательство

иностранной

литературы

Ш. Диль *
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Перевод с французского и предисловие

доц. Б. Т. ГОРЯНОВА,

под редакцией

проф. С. Д. СКАЗКИНА

1 9 4 7

Г о с у д а р с т в е н н о е и з д а т е л ь с т в о

И Н О С Т Р А Н Н О Й   Л И Т Е Р А Т У Р Ы

Москва

CHARLES DIEHL
LES GRANDS PROBLEMES
de
L'HISTOIRE BYZANTINE
PARIS, 1943

Франция заслуженно завоевала себе авторитет классической страны научного византиноведения. Еще при Людовике XI (1461—1483 гг.) в Париже Георгий Героним преподавал греческий язык, а его ученики, среди которых были знаменитые гуманисты Гильом Бюде, Рейхлин и Эразм Роттердамский, копировали греческие рукописи; их копии долго выдерживали конкуренцию с типографскими изданиями. В 1539 г. в Париже была основана Парижская королевская типография, и отлитые здесь шрифты, созданные на основе рисунков лучших переписчиков рукописей, надолго стали образцами форм греческого алфавита. При Франциске I (1515—1547 гг.) была основана королевская, ныне Национальная, библиотека с ее богатым отделом греческих рукописей. В XVI в. во Франции издавались многочисленные произведения византийских историков и писателей.

Для изучения византийской истории много было сделано при Людовике XIV (1643—1715 гг.). Собранная суперинтендантом Фуке библиотека из 30 тыс. томов, в том числе 1050 греческих рукописей, была после его опалы конфискована и попала в королевскую библиотеку. Преемник Фуке Кольбер использовал дипломатических и консульских чиновников для сбора греческих рукописей. Филипп Лабб (1607—1667 гг.), Жак Гоар (1601—1653 гг.), Комбефиз (1605—1679 гг.), Фабро (1580—1659 гг.)

опубликовали большое количество неизданных византийских источников.

Но особенного расцвета достигло византиноведение во Франции благодаря трудам Дюканжа (1610—1688 гг.). Ему принадлежит огромный «*Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*» в трех томах и такой же капитальный труд по средневековому греческому языку, до сих пор служащие незаменимым пособием для медиевистов, главным образом для византинистов, работающих над латинскими и греческими средневековыми источниками. Дюканж особенно интересовался эпохой крестовых походов. Он опубликовал важный для своего времени труд по истории Константинополя во время Латинской империи (1204—1261 гг.). Результатом его многолетней работы над исследованием роли Франции в общеевропейских предприятиях на Востоке явились изданная им хроника историка IV крестового похода Виллардуэна и ряд других хроник, служащих ценными источниками для изучения этой эпохи.

В XVIII в. византиноведение переживает упадок. Идеологи буржуазии Монтескье и Вольтер изображают византийскую историю как самый мрачный эпизод средневекового варварства, а английский историк конца XVIII в. Гиббон рисует эту историю как непрекращающееся разложение. Тридцатитомный труд французского историка XVIII в. Лебо (*Ch. Le Beau, Histoire du Bas Empire, 30 vol., Paris, 1757—1784*), представляющий скудный пересказ большого материала византийских хронистов, мог вызвать только ослабление интереса к византийской истории.

Вторая половина XIX в. характеризуется резким поворотом в научном византиноведении. Исследователи-византинисты переходят к систематическому изучению социально-экономической истории Византии, классового и сословного строения византий-

ского общества. В дальнейшем развитии византиноведения большую роль играет научное творчество выдающегося французского византиниста Шарля Дилья (1859—1944 гг.).

Шарль Диль оставил большое литературное наследство. Полный список его научных трудов содержит свыше 300 названий, в том числе ряд капитальных монографий. По своему направлению Диль с самого начала своей научной деятельности примкнул к представителям позитивистской историографии, методология которой отражала историческое мировоззрение либеральной буржуазии. Все положительные стороны позитивистской историографии — широкое использование вспомогательных исторических дисциплин, повышение качества их применения, сравнительно-исторический метод исследования, усиление внимания к «экономическому фактору» — все это стало неотъемлемыми чертами научного творчества Шарля Дилья. Несмотря на то, что позитивистская историография оставалась на идеалистических позициях, она все же была реалистической, стремилась к объективному изучению исторического процесса. Шарль Диль, наряду с другими представителями прогрессивной позитивистской историографии, верил, что в исторической науке применимы точно такие же методы исследования, как в любой другой отрасли науки. На протяжении всей большой жизни Дилья это было основной чертой его научного творчества.

Серьезную научную подготовку Диль получил во Французской школе в Риме в 1881—1883 гг. Основной задачей этой школы являлось изучение сохранившихся памятников эпохи византийского господства в Италии. Собранные здесь Дилем материалы позволили ему выступить в 1889 г. с первой крупной монографией «*Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne*». Эта капитальная работа до настоящего времени остается лучшим исследова-

нием, посвященным эпохе византийского господства в Италии в VII—VIII вв. С самого начала научной деятельности Диль интересовала не только политическая и социально-экономическая история Византии, но и история византийского искусства. Изучив большое количество фресок в византийских монастырях Апулии и Калабрии, Диль в 1894 г. издал обстоятельную работу о византийском искусстве в Южной Италии «L'art byzantin dans l'Italie méridionale». Продолжая изучение истории византийских провинций, Диль представил на конкурс, объявленный в 1894 г. Французской Академией, свою работу по истории византийского господства в Африке «L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine», которая получила высокую оценку и была премирована. Интересуясь внутренней историей Византии, Диль не мог пройти мимо вопросов административного устройства Византийской империи и, в первую очередь, мимо фемного строя, игравшего такую большую роль в византийской государственной системе. Сюда относится его работа о фемном строе «L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin» и появившийся в печати в 1896 г. в Париже сборник «Etudes d'histoire du moyen âge dédiées à Gabriel Monod». К этому же разделу относится его работа о византийском сенате «Le Sénat et le peuple byzantin au VII et VIII siècles», напечатанная в 1924 г. в первом томе международного византиноведческого органа «Byzantion», и ряд других работ. Диль внес много нового в изучение административного строя Византийской империи. Вместе с тем необходимо отметить идеализацию административного аппарата Византийской империи, игравшего, по мнению Диль, прогрессивную роль на всех этапах ее истории. С идеализацией государственно-административного аппарата не может согласиться советское византиноведение, которое видит в нем орудие угнетения низших классов в руках византийского

феодалного государства. Изучая в своих работах социально-экономический строй Византии, Диль правильно считает борьбу между крупным и мелким землевладением, с одной стороны, феодальной знати с центральным правительством, — с другой, основной линией развития общественно-экономического строя империи. Тем не менее Диль, как и остальные буржуазные византилисты, не мог показать в своих трудах основные особенности византийского феодализма. В освещении общественно-экономического строя Византии он механически переносит готовые формулы социальных отношений западноевропейского феодализма, злоупотребляет теорией «влияния» Запада на Византию. Эта сложная и недостаточно изученная проблема еще ждет своего разрешения. Ее может решить лишь советская историческая наука, советское византиноведение, вооруженное марксистско-ленинским методом исторического исследования.

В 1901 г. появилась большая работа Диля «*Justinien et la civilisation byzantine*», премированная Французской Академией и переведенная на многие языки. В 1902 г. вышел и русский перевод этой работы «Юстиниан и византийская цивилизация VI века». Наряду с широким анализом внешней и внутренней политики Юстиниана I (527—565 гг.) Диль в этой работе создал яркую картину византийской культуры VI века. Международная научная критика единодушно дала высокую оценку этому труду, остающемуся лучшим произведением, посвященным столь важной в истории Византии эпохе, несмотря на то, что вокруг нее и до появления труда Диля и после него создана была большая научная литература.

В 1905 г. вышла книга Диля «*Etudes byzantines*», сборник исследований по различным вопросам Византийской империи. В этом сборнике автор уделил особое внимание малоизученной эпохе Палеоло-

гов. Поздняя история Византии и до настоящего времени остается наименее освещенной в историографии. Заслуга Дилья в том, что он впервые поставил перед исследователями задачу изучения эпохи Палеологов, напомнив о наличии большого неисследованного фонда источников по истории этого периода и наметив наиболее актуальные темы, нуждающиеся в монографических исследованиях.

Будучи не только одним из крупнейших ученых, внесшим большой вклад в научное византиноведение, но и блестящим стилистом, Диль оставил несколько книг, которые известны широкому кругу читателей как прекрасные образцы художественной литературы. К этому разряду работ Дилья в первую очередь должны быть отнесены появившиеся в 1906—1908 гг. «Figures byzantines», известные русским читателям по нескольким переводам («Византийские портреты»). Вся византийская история представлена здесь в виде серии блестящих биографических очерков византийских императоров и императриц, людей из различных слоев византийского общества, очерков, посвященных описанию придворного быта, жизни византийского города, византийского феодального поместья.

Диль был не только историком, но и выдающимся искусствоведом. В списке его трудов мы встречаем ряд работ, посвященных отдельным вопросам истории византийского искусства. Вышедший в двух изданиях (в 1910 г. и в 1926 г.) «Manuel de l'art byzantin» дает тщательный обзор памятников византийского искусства.

Диль был организатором многих коллективных работ по истории Византии. Его заслугой является также организация университетского преподавания истории Византии. В 1899 г. впервые была учреждена кафедра византиноведения в Парижском университете, и Диль впервые начал читать в Сорбонне курс истории Византии. Научные заслуги Дилья

получили всеобщее признание. За свою работу о Юстиниане он еще в 1901 г. был избран членом-корреспондентом, а в 1910 г. — действительным членом Французской Академии. В 1925 г., по представлению главы русского византиноведения академика Ф. И. Успенского, Академия Наук СССР избрала его своим членом-корреспондентом. Диль был действительным и почетным членом многих иностранных академий и научных обществ, постоянно принимал участие в международных конгрессах византинистов, неизменно возглавляя французскую делегацию.

Многолетняя исследовательская и педагогическая работа Диля позволила ему приступить к созданию обобщающих трудов по истории Византии. К этому разряду относится вышедший в 1920 г. краткий очерк истории Византии и главы по истории Византии в IV томе «Cambridge medieval history», вышедшей в 1923 г. Наибольшее значение имеет появившаяся в 1936 г. работа Диля «Le monde oriental de 395 à 1081», написанная им совместно с востоковедом Ж. Марсэ и составляющая часть многотомной всеобщей истории, издаваемой под редакцией Глотца. Этот труд Диля — лучшая обобщающая работа по истории Византии из числа появившихся за последнее время в западноевропейской научной литературе.

Шарль Диль был чрезвычайно разносторонним историком. Мимо его внимания не прошел буквально ни один вопрос политической, социально-экономической и культурной истории Византии. Глубокое знакомство с византийскими источниками, в которых он чувствовал себя полным хозяином, высокая техника исследования, соединенная с исключительной образностью изложения, способствовали широкой популярности его трудов среди ученых всего мира и всестороннему развитию научного византиноведения.

Книга, которая сейчас предлагается вниманию советского читателя, представляет собою перевод вышедшей в 1943 г. последней работы Диль «Les grands problèmes de l'histoire byzantine» и является как бы его научным завещанием. В этой работе Диль поставил перед собой задачу подвести итоги многолетней исследовательской работы византинистов всех стран по различным проблемам византийской истории. Какой широкий круг проблем охватывает эта работа Диль, видно из оглавления книги, где перечисляются эти проблемы. В этой книге Диль в первую очередь поставил своей целью определить место, принадлежащее Византии в истории средних веков, роль, которую она играла в международных отношениях средневековья и в истории человеческой культуры. Как и каждого исследователя, занимавшегося историей Византии, Диль прежде всего интересовал вопрос о различии в судьбах Западной и Восточной Римской империи, о причинах большей устойчивости последней, позволившей ей просуществовать свыше тысячи лет после падения Западной Римской империи. В решении этого вопроса лучшие прогрессивные представители буржуазного византинизма, в том числе и Диль, близко подошли к марксистскому определению причин «живучести» Восточноримской империи, усматривая их в том, что в Византии мы не наблюдаем падения городов и городской торговли, возвращения к натурально-хозяйственным формам, характерным для раннего средневековья на Западе. Эти условия позволили в первые века истории Византии сохранить централизованную монархию с разветвленным и широко развитым административным аппаратом, роль которого, как мы уже отмечали, Диль чрезмерно идеализирует. Однако при решении этого вопроса у Диль выпадает революция рабов и колонов. Именно указанные им же самим причины позволили Восточноримской империи устоять перед революцией рабов и

колонов. Но обходить вовсе этот вопрос, как будто он и не существовал для Византии, значит грешить перед исторической истиной.

Как в своих прежних трудах, так и в этой сводной работе Диль, подводя итоги изучения вопроса о роли славянской иммиграции в развитии общественно-экономического строя, правильно изображает рост славянских элементов в составе населения империи и указывает, что Византия выиграла от прилива новых сил. Но вслед за большинством буржуазных ученых Диль недооценивает роль общественного строя древних славян в процессе феодализации Византийской империи. Между тем этот вопрос правильно решен в трудах классиков русского византиноведения В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, а вслед за ними и в последних работах советских византинистов. Советское византиноведение не может признать и той схемы периодизации византийской истории, которую дает Диль. Этот вопрос Диль, как и большинство буржуазных византинистов, решает, исходя из отдельных периодов возвышения и упадка империи, а не из этапов в развитии процесса ее феодализации.

От многих буржуазных историков-византинистов Диль выгодно отличается правильной оценкой прогрессивной роли иконоборческого движения в Византии. Подводя итоги изучения этого движения в научной литературе, Диль склоняется к положительной характеристике деятельности иконоборческих императоров, проводивших широкую программу социально-экономических и общественно-политических реформ. Подобная характеристика совпадает с оценкой, которая дается этому движению в советской марксистской исторической науке.

Византийская империя была многонациональным государством, что создавало центральному правительству большие трудности в проведении внутрен-

ней политики. В настоящей книге Диль тщательно анализирует политику византийского правительства, имевшую целью достижение политического единства среди населения империи. Приобщение варварских элементов к более высокой византийской культуре, стремление превратить греческий язык в общепринятый язык для всего населения империи, распространение общей православной религии путем широкой организации деятельности церковных миссий Диль изображает как орудия византийской политики в деле ассимиляции варварских элементов населения.

В книге Дилиа изложены основные итоги изучения политического, военного и административного устройства Византийской империи, ее религиозной жизни, освещен еще мало исследованный вопрос о взаимоотношениях церкви и государства в Византии. В отличие от многих исследователей, считавших, что полное сращивание духовной и светской власти в руках императоров (т. н. «цезарепапизм») является особенностью Византии по сравнению с Западом, Диль отмечает борьбу между духовной и светской властью и освещает роль, которую играла эта борьба в политической жизни империи. Широко показано развитие административного аппарата империи. Взяв в качестве отправной точки реформы Диоклетиана и Константина, Диль останавливается на отдельных этапах развития органов управления, доводя свое изложение до последних преобразований государственного аппарата в поздней Византии при Палеологах. В этой книге, как и в основных работах Дилиа, мы встречаем ту же идеализацию административного аппарата империи. Значительное место, по сравнению с общим объемом книги, занимает анализ социально-экономического строя Византийской империи. Здесь подведены итоги многолетних исследований по внутренней истории Византии, аграрным отношениям, промышленности и торговле.

Рост крупного феодального землевладения, расширение иммунитетных привилегий феодальных владений, постепенное превращение их в почти независимые от центральной власти округа, наделенные большими административно-судебными полномочиями, Диль рассматривает как основную линию развития византийского общественного строя. Этот процесс вел в конечном счете к распадению империи на ряд независимых владений, что, по мнению Дили, послужило одной из основных причин гибели империи. С некоторыми утверждениями Дили нельзя согласиться. Положение крепостных париков не могло быть лучше положения свободных крестьян, и большинство исследователей, в том числе и советских византинистов, занимавшихся аграрной историей Византии, приходило к совершенно противоположным выводам. Нельзя изображать т. н. «меры в защиту мелкого крестьянского землевладения» как заботу византийского правительства о крестьянстве. Эти меры принимались в эпоху Македонской династии и в последующие периоды лишь тогда, когда правительство стремилось найти опору в борьбе с крупным феодальным землевладением. Но общая картина социально-экономического строя империи дана Дилем правильно, хотя, бесспорно, многие вопросы в этой сложной проблеме остаются еще нерешенными, и над решением их должны будут работать советские ученые-византинисты.

Читатели данной книги найдут в ней обзор византийской внешней политики, а также форм и приемов византийской дипломатии. История византийской дипломатии изучена еще недостаточно, несмотря на то, что она играла первостепенную роль в международных отношениях средневековья. Тем не менее Дилю удалось в ярком очерке наметить основные черты византийского дипломатического искусства и читатели несомненно прочтут этот раздел с большим интересом.

Успехи византиноведения привели уже давно к определению того места, которое принадлежит Византии в истории мировой культуры. Византия в течение тысячелетия сохранила богатое наследие античной культуры и передала его народам всей Европы. Но она создала и свою собственную разностороннюю и оригинальную культуру. Диль в своем очерке убедительно опроверг сохранявшееся в течение долгого времени мнение о застойности византийской культуры, ее исключительно церковном характере, лишенном всякого развития и прогресса.

Подводя итог своим прежним трудам и работам других исследователей, Диль настойчиво подчеркивает наличие всепроникающего воздействия византийской культуры на окружавшие Византию народы. При этом Диль чрезмерно преувеличивает влияние Византии на общественно-политический строй «варваров — славян». Так, утверждение, что «эти варварские племена становились настоящими народами» под воздействием Византии (стр. 31) является, несомненно, грубым искажением исторической истины. Столь же неправильны встречающиеся на страницах этой книги безапелляционные заявления, что Русь «целиком» находилась в сфере политического влияния империи.

Нельзя также согласиться с оценкой роли фанариотского духовенства после завоевания турками Балканского полуострова. Оно не только не было орудием национально-освободительной борьбы, но являлось в руках Турецкой империи орудием гнета и подавления национальной культуры славянских народов Балканского полуострова.

Последняя глава предлагаемой вниманию советских читателей книги Дили, носящая заглавие «Проблемы современного византиноведения», интересна, главным образом, для специалистов. Она содержит перечень проблем, которыми, по мнению

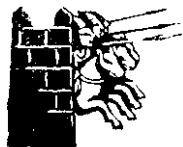

Диля, следует заниматься византинистам. Но она представляет большой интерес и для более широкого круга научных работников в области истории и для студентов исторических факультетов. Она покажет им, как много имеется еще нерешенных вопросов в изучении истории Византии, она, может быть, направит их научные интересы в ту область исторической науки, где исследователей ожидает непочатый край работы.

Научное творчество Диля — большой и ценный вклад в мировое византиноведение. Капитальные монографии, сводные обзоры византийской истории, многочисленные исследования по различным вопросам истории Византии и ее культуры, созданные Дилем в течение его долгой жизни, целиком посвященной научной работе, поныне не потеряли своего значения, и ими долго еще будут пользоваться ученые всех стран. Освоение и критическая переработка большого литературного наследства Диля советскими историками на основе марксистско-ленинской методологии будут содействовать дальнейшему развитию советского византиноведения и превращению его в одну из важнейших отраслей советской исторической науки.

Б. Т. Горянов

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ГЛАВА I

МЕСТО ВИЗАНТИИ В ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В то время как на Западе, в V веке, Римская империя пала под ударами варваров и в Галлии, Испании, Африке, Италии варварские короли заняли место правительства цезарей, на долю Византии выпала особая судьба. Правда, и она подверглась вторжению варваров: гуннов и славян в V и VI вв., аваров в VI и VII вв., арабов и болгар в VII в. Эти вторжения лишили ее, на время или навсегда, важнейших ее областей, а внутри империи утвердились варварские племена, которые, впрочем, скоро слились в единое целое с населением Византии. Но Константинополь никогда не был в руках завоевателей, никогда варварские вожди не занимали места византийских императоров, и в столице монархии попрежнему была жива память о Риме, римская традиция. Византийский император всегда смотрел на себя как на законного наследника и преемника цезарей, имеющего исключительное право на титул императора; он упорно отказывался признать это право за Карлом Великим, Оттоном, Фридрихом Барбароссой, в которых видел лишь узурпаторов. Не раз Византия ставила себе целью полностью восстановить исчезнувшую Римскую империю. Юстиниан лелеял гордый замысел вернуть империи потерянные провинции Запада; ему действительно удалось отвоевать Африку, Италию, часть Испании и снова превратить Средиземное море во внутреннее море.

Завоевания эти, конечно, оказались эфемерными — Африка к концу VII в., большая часть Италии к середине VIII в. ускользнули из рук имперской власти, — но память об этих грандиозных предприятиях долго жила в Византии. В X в. византийцы часто называли славного императора VI в. Великим Юстинианом; в XII в. Мануил Комнин гордился, когда его называли новым Юстинианом, — он тоже мечтал о присоединении Италии к Византийской империи и даже замыслил снова сделать Рим столицей империи. Конечно, во всем этом было много иллюзий; но во внутренней организации империи все еще держалась римская традиция, римские учреждения продолжали действовать и, изменяясь с течением времени, сохраняли свои черты во многих византийских институтах. С другой стороны, наряду с римской традицией сохранялась и крепла эллинская. Запад забыл греческий язык, — известно выражение: *graecum est, non legitur*; между тем в Византийской империи он был настоящим национальным языком; даже те, кто не принадлежал к греческой народности, говорили на нем или понимали его, и с конца VI в. латинский язык, бывший еще во время Юстиниана языком императорских новелл, уступил в императорских указах место греческому. Выдающиеся произведения классической греческой литературы оставались основой образования; Гомер был настольной книгой всех школьников, даже женщины зачитывались его произведениями. В Константинопольском университете комментировали наиболее известных греческих писателей, а с XI в. преподавали философию Платона, предвосхищая таким образом на целых четыре столетия возрождение платонизма в Италии XV в. Немало других памятников воскрешало греческую античность. Константинополь изобилует произведениями греческого искусства, захваченными Константином для украшения своей столицы в наиболее

известных святилищах. Эти изумительные памятники искусства делали еще более живучим величие эллинской традиции.

Но несмотря на эти памятники римской и греческой старины, Византийская империя была средневековым государством, восточной империей, расположенной на границах Европы, где она непосредственно соприкасалась с азиатским миром. Некоторые ее провинции, Египет, Сирия, даже часть Малой Азии, были эллинизированы лишь довольно поверхностно; они не могли не оказывать глубокого влияния на направление византийской идеологии. С другой стороны, Византия поддерживала тесные связи с Арменией, с сассанидской Персией, позднее с арабским миром, и все эти восточные государства оказывали влияние на Константинополь. Так античная традиция смешивалась с влиянием азиатского Востока, и в их взаимодействии родилась оригинальная и блестящая византийская культура.

Чтобы составить себе представление об этой культуре, достаточно ознакомиться с обликом некоторых больших городов империи, прежде всего — ее столицы. Константинополь был исключительно богатым и цветущим городом. Еще в начале XIII в. Роберт де Клари писал, что «две трети благосостояния мира сосредоточены в Константинополе, а одна треть рассеяна по всему свету». В мастерских, руководимых корпорациями столицы, византийская промышленность производила предметы утонченной роскоши, которыми Византия снабжала весь мир. Процветала и торговля. Константинополь, расположенный на стыке Европы и Азии, был огромным рынком, где встречались народы Балканского полуострова, западных областей и азиатского Востока; русские привозили туда зерно, меха, икру и даже рабов; арабы из Багдада продавали там драгоценные шелковые ткани как своего производства, так и из далекого Китая; на большом городском рынке,

между форумом Константина и площадью Тавра, целый день кипело оживленное движение. В замечательном порту Золотого Рога становились на якорь корабли самых различных стран, и на берегу залива, как и на берегу Мраморного моря, кипела непрекращающаяся торговая деятельность. Не менее блестящей была Фессалоника. Каждый год перед праздником св. Димитрия открывалась большая ярмарка, и город наполнялся толпой иностранцев. Живое описание этой ярмарки сохранилось в любопытной книжке XII века, «Тимарионе».

В долине реки Вардар возникал на несколько дней город из дерева и полотна, длинные улицы которого с утра до вечера были полны оживленной толпой. Сюда приезжали из всех средиземноморских стран. Здесь можно было встретить разноплеменных жителей балканских стран и придунайского края, треков, варваров Скифии, итальянцев и испанцев, кельтов из заальпийских стран и с далеких берегов Океана. Все они привозили продукты своих стран, ткани Беотии и Пелопоннеса, товары Италии, продукты Финикии и Египта, роскошные испанские ковры и все то, что по Понту Эвксинскому отправлялось через Константинополь из больших городов Крыма. Эта масса людей и животных создавала разноголосый шум: ржали лошади, ревели быки, блеяли овцы, хрюкали свиньи, лаяли собаки. Фессалоника в эти дни была одним из величайших рынков империи. Другие византийские города являли подобную же картину, свидетельствующую о блеске византийской торговли.

Этому материальному благосостоянию соответствовал расцвет литературы и искусства. Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с историей византийской литературы, чтобы убедиться, насколько широки и разнообразны были пути развития византийской мысли. Мы встречаем там писателей подлинно высокого достоинства, богосло-

вов, философов, духовных и светских ораторов, ученых, поэтов и особенно историков, большинство которых было людьми бесспорно талантливыми. Мы находим здесь оригинальные и новые явления, например, религиозную поэзию, созданную Романом Сладкопевцем на заре VI в., или византийский эпос, шедевром которого является поэма о Дитенисе Акрите, сходная в некоторых отношениях с французскими *chansons de geste*. С другой стороны, в VI столетии наступил первый золотой век византийского искусства; вторым золотым веком были X—XII столетия, и, наконец, свидетелем последнего возрождения этого обновившегося и преобразившегося искусства был XIV век; ошибаются те, кто упрекает это искусство в неподвижности и однообразии, кто утверждает, что оно ограничивается бесконечным повторением мотивов творчества нескольких великих художников. Это было живое искусство, продолжавшее развиваться на протяжении столетий, способное к новым поискам и открытиям: в архитектуре оно создало новые типы церковных зданий, увенчанных куполами, великолепно украшенных мозаикой или фресками, где византийская живопись, передавая темы священной иконографии, сумела создать замечательные композиции; оно произвело предметы изящной и утонченной роскоши, прекрасные пурпурные ткани, отличавшиеся блеском красок, секрет производства которых Византия ревниво охраняла; миниатюры, украшающие знаменитые рукописи; тонко выточенные изделия из слоновой кости, бронзовые изделия, оправленные в серебро, эмаль переливающихся оттенков, изделия из драгоценных металлов. Все это придавало особый блеск византийской культуре, без сомнения, одной из самых ярких и, может быть, единственной, которую в течение долгого времени знали средние века.

Величие Византии создавалось не только ее

культурой, но и ее военной силой. Защищенный мощным поясом укреплений, великой стеной, построенной Феодосием II, развалины которой и теперь остаются одним из шедевров военной архитектуры, Константинополь был великолепным военным плацдармом, способным оказывать сопротивление натиску любого врага; действительно, до турецкого завоевания 1453 г., он был взят только один раз, в 1204 г., латинянами четвертого крестового похода. А сколько нападений приходилось ему отражать! Он победоносно оборонялся от натиска славян, аваров, арабов, болгар, русских. В VII в. он выдержал продолжительную осаду арабов, длившуюся пять лет — с 673 до 678 г., а в начале VIII в. — осаду, продолжавшуюся с 717 до 718 г.; этими двумя замечательными победами он сломил порыв арабского натиска и помешал мусульманам вторгнуться на Балканский полуостров, а через него, может быть, и в сердце Европы. Но Византия сыграла еще и другую роль: в течение веков она была на востоке оплотом христианства против ислама. Известно, какое место занимала религия в умах византийцев, какая горячая вера, порою даже суеверие, воодушевляла их. Они не сомневались, что империи обеспечена защита свыше. В глазах византийцев Константинополь был «богохранимым городом»; богородица была его признанной хранительницей, и весь мир знал, что во многих случаях Влахернская икона, выносившаяся в торжественной процессии к городским укреплениям, воодушевляла воинов и обращала варваров в бегство. То же происходило и в Фессалонике, где св. Димитрий, патрон и хранитель города, лично, по рассказам летописцев, участвовал в сражениях и обращал в бегство славян и аваров. И, действительно, порою в часы тяжелой опасности казалось, что Византия жила в атмосфере чуда. Византийский император был не только представителем бога на

земле, но и его наместником, высокой миссией которого была борьба против неверных и обращение в православие еретиков и язычников. Византийские императоры всегда имели в виду эту двойную задачу, и за несколько веков до крестовых походов Византия предпринимала и осуществляла дело, за которое впоследствии с воодушевлением взялись крестоносцы. В VII в. войны Ираклия против огнепоклонников-персов носят характер подлинной священной войны. В X в. отвоевание Крита у мусульман сопровождается благочестивыми молитвами и чудесами, и военная победа дополняется обращением побежденных неверных в христианство. Еще в X в. воинственные императоры Македонской династии предпринимают смелое наступление против мусульман: Никифор Фока, Иоанн Цимисхий расширяют границы империи в Сирии до Антиохии, а в Малой Азии до Евфрата и дальше, дополняя военную оккупацию хорошо налаженной религиозной организацией. Императорские армии, под командованием великих полководцев, содействуют осуществлению этих обширных замыслов. В начале XI в. Василий II разрушает болгарское царство и доводит до Дуная границу империи, утраченную с начала VII в. В XII в. Комнины еще раз предпринимают в Анатолии успешное наступление против турок-сельджуков. Конечно, в конце XI в. поражение при Манцикерте (1071 г.), где император Роман Диоген попал в руки мусульман, оказалось для Византии тяжелым ударом; в XII в. еще более тяжелым бедствием явилось поражение Мануила Комнина при Мириокефале (1176 г.). Эпоха Палеологов была лишь медленной агонией; но даже в эти времена Константинополь еще не раз выдерживал натиск турок, и в 1453 г. героическая защита города под руководством Константина XI озарила последним лучом славы военные анналы Византии.

Естественно, что византийская империя пользовалась огромным престижем во всем средневековом мире. В то время как большинство крупных городов современной Европы были еще маленькими, бедными городишками, Константинополь был единственным большим христианским городом Европы. По словам Виллардуэна, этот «город возвышался над всеми остальными, как их господин», и византийцы охотно называли его просто «городом» (ἡ πόλις), то есть городом по преимуществу, единственным городом. И они по праву гордились им. Константинополь был замечательной столицей. Он славился множеством знаменитых церквей, из которых наиболее известна св. София, «великий храм», как ее называли обычно. Она была так прекрасна, что, по словам одного византийского писателя, «когда говорили о ней, не могли говорить более ни о чем другом». Город изобиловал знаменитыми монастырями, из которых многие были центрами культуры и искусства; он обладал большим количеством драгоценных реликвий, более многочисленных, говорит один современник XIII в., чем те, которыми владел весь латинский мир; в глазах путешественников посещение Константинополя являлось почти столь же благочестивым делом, как посещение святых мест. Это был, конечно, восточный город. В бедных кварталах вились узкие улицы, прикрытые сводами, лишённые по ночам освещения, утопавшие в грязи, где вязли экипажи и пешеходы. Здесь ютилось несчастное население, среди которого, говорит один византийский писатель, было столько же воров, сколько бедняков. А рядом простирались проспекты, пересекавшие весь город, роскошные дворцы окаймляли большие площади с высокой колонной в центре. Здесь можно было видеть общественные здания классического стиля, изящные дома, построенные по сирийским образцам; улицы и портики были заполнены античными

статуями, — и все это составляло удивительный ансамбль. Поэт X в. Константин Родосский справедливо хвалил «город Константина, знаменитый и почитаемый, царствующий над миром, поражающий множеством чудес, красотой высоких зданий, видом великолепных церквей, галереями длинных портиков, высотой колонн». Блеск императорских дворцов, большого священного дворца и позднее Влахернского, создавался разнообразием построек, красотой окружавших их садов, мозаикой и живописью, украшавшими помещения. Всем этим Константинополь привлекал к себе всеобщее внимание. Весь мир грезил о нем, как о городе чудес, окруженном золотым сиянием; о нем мечтали в туманах Скандинавии, на берегах русских рек, которыми северные искатели приключений спускались к несравненному Царьграду; о нем мечтали в феодальных замках далекой Франции, куда героические поэмы, например поэма о путешествии Карла Великого в Иерусалим, доносили чудесную весть о славе Византии; о нем грезили в венецианских банках, где знали о богатстве византийской столицы и о выгодных сделках, которые можно совершать на Босфоре. И со всех сторон мира Константинополь привлекал к себе иностранцев. Скандинавские викинги приходили сюда, чтобы служить в императорской гвардии, и рассчитывали составить себе здесь состояние; русские записывались в императорскую армию и флот и давали им хороших солдат; армяне входили в состав лучших корпусов византийской армии. В Константинопольском университете вокруг знаменитых учителей толпились ученики со всей Европы, иностранцы, стекавшиеся сюда из арабского мира и даже иной раз с Запада. Константинополь, по одному меткому определению, был Парижем средних веков. Его чудеса приводили в восхищение путешественников. Виллардуэн первый хорошо рассказал нам о том впечатлении,

которое Константинополь произвел на крестоносцев в 1204 г. «Многие из тех, кто никогда его не видел, взирали на Константинополь с изумлением, не веря тому, что в мире действительно существует такой богатый город, особенно когда их очам открылись высокие опоясавшие его со всех сторон стены и великолепные башни, богатые дворцы и величественные церкви — а их было столько, что никто не мог бы и представить себе, если бы не видел своими глазами этот широко раскинувшийся город, царствующий над всеми остальными».

Этому блеску Византийская империя обязана была широким распространением своего влияния в средневековом мире.

Миссионерская роль составляла одну из причин славы Византии. Уже в VI в. греческие миссионеры несли христианство в самые отдаленные края — от берегов Крыма до верховьев Нила, к народам Нубии, вплоть до оазисов Сахары. В IX в. поле их деятельности было еще шире. В это время Кирилл и Мефодий, которых называют апостолами славянства, несли православную веру и богослужение из Византии к славянам Велико-Моравского государства. В это же время при деятельном участии патриарха Фотия была обращена Болгария; немного спустя ее примеру последовали сербы. На Балканском полуострове христианство стало господствовать почти повсюду; вскоре оно распространилось и за Дунаем среди племен Валахии и Молдавии. В X в. Русь в свою очередь приняла христианство; киевский великий князь Владимир крестился в Херсонесе; он женился на византийской принцессе и обратил своих подданных в христианскую веру. Всем этим варварским народам Византия несла не только религию: она распространяла одновременно идею государственности, формы управления, новое право, регулирующее общественные отношения, просвещение вплоть до создания алфавита —

кириллицы, ставшего основой их письменности. Греческие учителя преподавали в школах, греческие священники совершали богослужения в новых церквях, построенных по византийским образцам и украшенных великолепными мозаиками византийских художников. Вслед за евангелием на славянский язык переводились главные произведения византийской литературы; они служили образцами, подготовлявшими в этих странах возрождение национальной литературы. При дворах варварских правителей вводились пышные костюмы, титулы, сложный церемониал византийского императорского двора. Киев гордился тем, что подобно Константинополю он имел свою св. Софию и свои Золотые Ворота. Так эти варварские племена становились настоящими народами, нравы и историю которых описывали византийские ученые, и Византия поистине была для всей восточной Европы такой же великой школой, как папский Рим — для западной.

Влияние Византии распространялось не только на славян. По ту сторону Босфора, в Армении, это влияние обеспечивалось тесными политическими сношениями и созданием многочисленных епископств с греками во главе; оно достигало и арабского мира, где византийские победы и авторитет Константинополя нашли отклик среди мусульман. Наконец, даже Запад был всецело под влиянием Византии. Церкви Равенны, даже Рима, обнаруживали в своей архитектуре и мозаиках следы восточного влияния. В Риме существовал целый греческий квартал, где было несколько византийских монастырей. Рим VII и VIII вв. представлял собой полу-византийский город, а базилика церкви Санта-Мария-Антика у подножья Палатина и прекрасная часовня св. Зенона в церкви св. Праксиды показывают, что там еще долго оставалось в силе греческое влияние. Венеция, с другой стороны, по своим

нравам и вкусам была вполне греческим городом; базилика св. Марка, построенная по образцу константинопольской церкви св. Апостолов, украшенная сверху донизу византийской мозаикой, еще и теперь дает нам в мерцании своего пурпура и золота наиболее точное отражение того, чем был в X и XI вв. византийский храм. Аббаты Монте-Кассино и римские папы, норманнские короли Сицилии и венецианские дожи посылали в Константинополь за архитекторами для постройки храмов, за мастерами мозаики для их украшения и поручали привозить из столицы на Босфоре предметы роскоши, в которых они нуждались: двери, украшенные барельефами, драгоценные раки с блестящими украшениями из эмали, точеную слоновую кость, прекрасные ткани, из которых изготовлялись покрывала для алтарей или одежда для правителей. Во всей южной Италии, которая до конца XI в. составляла часть империи, господствовало греческое влияние. Греческие монахи, скрываясь от вторжений арабов или от преследований иконоборцев, основывали там сохранившиеся до сих пор монастыри и скиты, украшенные фресками с греческими надписями. Греческие епископы управляли там церквами; греческое богослужение совершалось повсюду; греческий язык был официальным и даже общепринятым языком страны; и даже тогда, когда норманнские короли сменили византийских наместников, учреждения еще долго сохраняли византийский отпечаток, и греческий язык еще долго употреблялся как в официальных актах, так и в обиходе. В столице Сицилии Палермо норманнские короли с гордостью носили великолепное облачение византийских императоров и строили украшенные мозаикой церкви — Марторану и Палатинскую часовню, — в которых можно проследить влияние византийской иконографии и византийского искусства. Оно перекинулось и за пределы Италии. В X в.

византийская принцесса Феофано, жена императора Оттона II, привезла с собой в Германию греков, познакомивших ее двор с византийской культурой. Дело дошло до того, что сын Феофано, молодой император Оттон III, ввел среди своего окружения титулы и церемониал византийского священного дворца. Рукописи, которые в X в. раскрашивались школами Рейхенау и Трира, в XI в. школами Регенсбурга, носят отпечаток влияния Византии и ее искусства. Во Франции, не говоря уже о церкви Жерминьи-ле-Пре (Луара), украшенной в начале IX в. чисто византийской мозаикой, на юго-востоке группа церквей с куполами, в том числе церковь св. Фрон-Периге, показывает, как много Запад заимствовал у византийских образцов в середине XII в. Наконец, в XIV и XV вв. Запад познакомился с греческим языком через Византию; византийские гуманисты привозили в Италию рукописи с шедеврами греческой классической литературы, и, в то время как до того университеты Запада знали только Аристотеля, с которым они знакомились через посредство арабов, теперь им стала известна философия Платона. Византиец Марсилий Фичино, по желанию Козимо Медичи, основал во Флоренции платоновскую академию. Вплоть до зарождения итальянского искусства XIII в. чувствуется влияние византийской иконографии и византийского искусства, и можно сказать, что Дуччио Сиенский и сам Джотто были в некотором смысле только гениальными византийцами. Было бы наивно отрицать это длительное влияние византийской культуры, — наилучшее доказательство той видной роли, которую играла в истории средних веков Византия.

Г Л А В А II
ОСНОВАНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
ЕЕ ГРАНИЦЫ И НАСЕЛЕНИЕ

I

11 мая 330 г. Константин торжественно провозгласил новой столицей империи Византию, получившую отныне название Константинополя. Выбор императора был весьма удачен. Географическое положение Константинополя представляло большие преимущества. С военной точки зрения он был расположен лучше, чем Рим, откуда трудно было наблюдать за далекими восточными границами и оборонять их, если понадобилось бы, от готов, угрожавших им в Европе, и от персов — в Азии. Находясь на стыке Европы и Азии вблизи берегов Черного моря и восточного Средиземноморья, он по своему местоположению обещал стать важным центром торговли, крупным международным рынком. Открытие новой столицы сопровождалось пышными празднествами, и император повелел ежегодно отмечать годовщину его большим религиозным торжеством; конные состязания и другие церемонии придавали празднеству особый блеск и великолепие. Чтобы украсить новую столицу, Константин велел построить величественные здания и несколько христианских церквей, из которых наиболее известной был храм св. Софии. По его приказу были созданы большие площади, в том числе форум Константина; в центре его возвышалась высокая бронзовая колонна, увенчанная золотой статуей, державшей в руке фигуру,

которая изображала судьбу города. Император украсил Константинополь шедеврами античного искусства, вывезенными из самых известных языческих святилищ. Наконец, он перенес из Рима в Константинополь многие учреждения, в частности сенат, и велел построить для недовольных этим перемещением сенаторов дворцы по точному образцу их римских жилищ. И на официальном языке Константинополь стал «новым Римом».

В этой новой столице императорская - власть также изменила свой характер. Уже давно развивалось новое представление о власти государя; Константинополь завершил этот процесс, доведя его до крайнего предела. Император становился отныне государем по божественному праву, он был избран богом и обладал абсолютной властью; его личность считалась священной, и ко всему, что его окружало, ко всему, что он делал, прилагался тот же эпитет; императорский дворец назывался священным дворцом, указы, издаваемые государем, совершаемые им деяния, охрана, его защищавшая, также именовались священными. Чтобы подчеркнуть этот новый характер власти государя, простая одежда цезарей была заменена пышным облачением императоров: одетый в пурпур император держал в руке скипетр и носил на голове корону, сверкавшую жемчугами и драгоценными камнями; несколько позже, церемония помазания императора окончательно подчеркнула характер царской власти, как отражения власти божества. Великолепный церемониал, сложный этикет окружили государя, отделив его от остального человечества. Победа христианства внесла в этот процесс еще одну новую черту: император с этих пор сделался христианским государем, его миссией было распространение веры, защита ее против всех врагов и покровительство церкви. Константин осыпал церковь своими милостями, никогда не отказывая ей в защите; церковь же взамен

этого согласилась стать под контроль государя и примирилась с его вмешательством в церковные дела. Христианство стало таким образом поистине государственной религией. Этот двойной характер императорской власти сохранялся в течение всего тысячелетнего существования Византийской империи.

Несмотря на перенесение столицы из Рима в Константинополь Римская империя, управляемая одним императором, сохраняла свое единство. Но различие между восточной и западной частями империи с течением времени все углублялось. Поэтому, когда в 395 г. умер император Феодосий и ему наследовали его два сына, империя разделилась на две части — Запад, управляемый Гонорием, и Восток, где воцарился Аркадий. И когда в V в. Западная Римская империя погибла под ударом варварских нашествий, когда в 476 г. сошел с исторической сцены последний римский император, осталась лишь Восточно-римская империя. Родилась Византийская империя, по определению Рамбо, «средневековое государство, расположенное на крайней границе Европы, по соседству с азиатским варварским миром».

II

Каковы были границы этой империи? Чтобы составить себе об этом представление, достаточно ознакомиться с *Notitia dignitatum*, относящейся приблизительно к 400 году. Восточная империя делилась на две префектуры претория, Восточную и Иллирийскую. Каждая из этих префектур включала в свой состав некоторое количество диоцезов, управлявшихся викариями. В префектуре Востока насчитывалось пять диоцезов: диоцез Востока во главе с *comes Orientis*, диоцез Египта, управляемый августальным префектом, и диоцезы Азии, Понта и

Фракии. Каждый из них делился на определенное число провинций: 15 для Востока, 6 для Египта, 11 для Азии, 11 для Понта, 6 для Фракии — всего 49. Эти провинции управлялись чиновниками, называвшимися *consulares* или *praesides*; лишь в виде исключения провинцию Азии возглавлял проконсул, под властью которого были Малая Азия, прибрежные острова и Геллеспонт. Иллирийская префектура имела меньшее протяжение; она делилась на два диоцеза—Македонию с 6 провинциями и Дакию с 5, всего 11. Здесь, как и в Азии, существовало исключение для Ахеи, правитель которой носил звание проконсула.

Взглянув на карту, можно с точностью проследить границы империи. На севере рубежом была линия Дуная от устья до слияния с Савой; затем граница спускалась по Саве к юго-западу до Сирмия, шла по течению Дрины и кончалась линией, примыкающей к Адриатическому морю, между заливом Каттаро и озером Скутари. Эта граница отделяла Восточную империю от западной Иллирии, которая была одним из диоцезов префектуры Италии и принадлежала Западной империи. В этих рамках весь Балканский полуостров составлял часть Восточной империи. Однако, когда Западная Римская империя пала, и особенно в VI в., при Юстиниане, предпринявшем ее восстановление, Восточноримская империя отодвинула свою границу на запад до берегов Адриатического моря, и вся Далмация стала одной из ее провинций.

В Азии, в результате договоров, заключенных с персами в 363 и 387 гг., граница следовала приблизительно по следующей линии: она начиналась у Черного моря, от устья реки Чорох, идя по ее нижнему течению и оставляя империи узкую полосу на побережье; затем она направлялась с севера на юг, пересекала Аракс (Карасу), оставляя империи Феодосиополь Армении (Эрзерум) и Арсаний (Мурадсу),

следовала вдоль по течению реки Нимфия (Далманчай) до ее слияния с Тигром, оставляя на западе Мартирополь (Майяфаракин) и Амиду (Диарбекир). Отсюда, по линии, проходящей между Дарой на западе и Низибией на востоке, она достигала течения Аборра (Хабур), по которому шла до Цирцеиума на Евфрате; наконец, через Сирийскую пустыню она направлялась к юго-западу, проходя на восток от Пальмиры до Басры, и достигала восточного берега Красного моря у 25° северной широты, очерчивая от залива Акаба до точки, где она кончалась, узкую полосу вдоль побережья.

В Африке империи принадлежал Египет до Фив и первой катаракты; отсюда граница, поднимаясь к северо-западу до точки пересечения 30° северной широты и 22° восточной долготы, направлялась к Киренаике и кончалась у моря, которого она достигала у южного конца Большого Сирта.

III

Из каких элементов состояло население этой обширной империи? Здесь можно было найти самые различные национальности: большинство населения составляли греки или полностью эллинизированные народы, но жили здесь и славяне, армяне, каппадокийцы, семиты, египтяне. Несомненно, на всех этих людей эллинизм наложил общий отпечаток: греческий язык был языком церкви, торговли, даже литературы — это был действительно национальный язык, на котором почти все говорили и который, по крайней мере, все понимали. Большие греческие города встречались во всех частях империи; кроме Константинополя, Александрии, Антиохии, Эфеса, Фессалоники, было много других; влияние эллинизма сказывалось в этих цветущих городах очень сильно. Но за кажущимся единством существовали глубокие различия, внушавшие правительству империи

серьезную тревогу, причины которой следует вкратце объяснить.

Вторжения варваров в V в. не внесли больших изменений в этнический состав европейской части Восточной империи. Вестготы Алариха, гунны Аттілы, остготы Теодориха перешли ненадолго границы империи; но они только прошли через нее и скоро направились к западу, оставив позади себя на Балканском полуострове лишь некоторые племена, не последовавшие за общим движением; это были те, кого называли готогреками. Вторжения гуннов, славян, болгар, аваров в VI в. повлекли за собой большие бедствия, и не раз их отряды появлялись под стенами Константинополя. Правда, полководцы империи постоянно отбрасывали пришельцев от границы; но страна каждый раз жестоко опустошалась, жители истреблялись тысячами или уводились в плен. Прокопий подробно описал зверства, жертвами которых они были, и, если верить его свидетельству, «в каждом из этих нашествий было убито или уведено в рабство свыше 200 тысяч римлян, так что эти провинции стали похожи на скифские пустыни». В этой опустошенной, обезлюдившей стране находилось место для новых поселений; начиная с VII в. туда притекали варвары. Во время Ираклия хорваты и сербы заняли всю западную часть Иллирии; другие славяне расположились в Македонии, в долинах Вардара и Стримона, и вокруг Фессалоники, которую они тщетно стремились захватить и которая оставалась греческим городом; их племена заселили всю область, образовав небольшие почти независимые государства, которые византийцы называли «славениями»; императорам VII в. пришлось силой заставлять их признать свою власть. Другие славяне проникли в Фессалию и даже в Пелопоннес; с другой стороны, их пиратские набеги коснулись азиатского побережья и частично даже Малой Азии.

Другие славянии существовали на северо-востоке полуострова—например, государство Мизии; когда в конце VII в. болгары овладели этой областью и слились там со славянами, изменения в этнографическом составе еще углубились. Без сомнения, местное население сопротивлялось славянизации Балканского полуострова и оказывало нередко большое влияние на славян. Последствия славянизации оказались очень тяжелыми для империи: они стали особенно заметными, когда в конце IX в. царь Симеон основал большое Болгарское царство, существовавшее до начала XI в., и когда в XIV в. царь Стефан Душан основал могущественное сербское государство, оспаривавшее у Палеологов гегемонию на Балканском полуострове.

В Азии положение было совершенно иное. В отличие от Балканского полуострова Анатолия не испытала вторжений варваров, и ее население, оставшееся более однородным, состояло в своем большинстве из греков или из эллинизированных народностей; тем не менее и здесь происходили довольно значительные изменения в этнографическом составе. Вся область к западу от линии, соединяющей устье Галиса с Родосом, была почти полностью греческой и долго оставалась такой. Но к востоку от этой линии положение резко менялось. Здесь можно было встретить армян, калпадокийцев, кикийцев, исаврийцев, семитов, в равной мере далеких от эллинизма. На всей этой территории персидское возрождение при династии Сассанидов пробудило старые национальные традиции, а христианство, враждебное греческому язычеству, еще их укрепило: проявлялись новые стремления, развивались национальные черты, яркие следы которых можно найти в литературе и искусстве этих областей. К югу от Анатолии находились Сирия и Египет, области еще более беспокойные. Почти целиком заселенные семитами, они были мало связаны с Кон-

стантинотюлем и ненавидели его эллинский дух; они стремились к национальной автономии; таким образом, в провинциях рождалась оппозиция, облекавшаяся обычно в религиозную форму, под которой скрывались, однако, политические претензии. В Месопотамии, Сирии, Египте эта оппозиция, проявлявшаяся в постоянных волнениях, борьбе партий, смутах, восстаниях, которые жестоко подавлялись, имела тяжелые последствия для империи; она способствовала быстрому успеху арабских вторжений VII в., потере Сирии и Египта. Тем не менее греческая Малая Азия сохранила крепкую связь с империей, вследствие чего она надолго оставалась опорой монархии. Только в XI в. здесь произошли этнографические изменения, подобные тем, которые имели место в VII в. на Балканском полуострове. В это время, в результате вторжений турок-сельджуков и вскоре после них турок-османов, в Анатолии появились новые народности, сильно изменившие этнографический состав страны.

Еще один факт, которого не следует забывать, завершил эти изменения. Из религиозных и политических соображений византийские императоры нередко переселяли из одной области в другую значительные массы населения. В VII в. мардаиты Ливана были выселены из своих областей и водворены одни на южной границе Малой Азии, в области, которую называли фемой Кивирреотов, другие в Европе, в областях Никополя и Кефалонии. В это же время император Юстиниан II переселил 30 тыс. славян из Македонии в Вифинию. В VIII в. иконоборческие императоры, чтобы ослабить в столице влияние, благоприятные почитанию икон, призвали из Азии в Константинополь большое количество сирийцев и армян, за которыми последовало появление в столице павликиан. В IX в. император Феофил водворил в Македонии, в долине реки Вардара и в окрестностях Охриды, турков-вардариотов и переселил из Азии

в Европу 30 тыс. персов, которых распределил между различными областями Балканского полуострова. В X в. Иоанн Цимисхий создал в Филиппополе большую манихейскую колонию, процветавшую еще в начале XII в.

Таким образом, византийской национальности в собственном смысле слова не существовало, и это отсутствие единства было предметом серьезных забот имперского правительства. Перед ним вставала сложная задача преодолеть эту причину ослабления империи. В дальнейшем мы увидим, какими средствами императоры стремились решить эту проблему и насколько им это удалось.

ГЛАВА III ПЕРИОДЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Чтобы составить себе правильное представление о Византийской империи, необходимо охватить сначала в кратком очерке основные периоды ее истории. Это покажет, что в противоположность распространенной точке зрения Византийская империя обладала необычайной энергией и подлинным величием и что, несмотря на испытанные ею тяжелые поражения и жалкую гибель, она знала также чаще, чем принято думать, периоды блестящих успехов, широко распространенного влияния, дни неоспоримой славы, когда, по выражению одного византийского поэта, «старушка империя казалась молодой девушкой, украшенной золотом и драгоценными камнями».

Перенеся в Константинополь столицу монархии, Константин подготовил рождение Византийской империи. Этому процессу способствовали и события, которыми ознаменовался V в. Большие вторжения, не вполне пощадившие Восточную империю, которой по временам угрожали Аларих, Аттила, Теодорих, были для нее все же менее опасными, чем для Запада. Но и для нее они имели серьезные последствия. Падение Западной Римской империи и основание на ее развалинах германских государств постепенно отбросили к востоку все, что оставалось от древней Римской империи. С другой стороны, религиозный кризис, выросший на почве ереси монофизитов, до такой степени ослож-

нил, особенно после Халкидонского собора (451 г.), взаимоотношения между империей и папством, что между Константинополем и Римом возник настоящий раскол. Когда император Зенон с целью смягчить религиозную борьбу опубликовал «эдикт единения» (482 г.), когда император Анастасий занял непримиримую позицию по отношению к папству, уже начала складываться концепция чисто восточной независимой империи, с теми характерными чертами, которыми впоследствии отличалась Византийская империя: это была концепция абсолютной монархии по образцу восточных, с сильно централизованной администрацией и с церковью, в которой официальным языком был греческий и которая стремилась обособиться в независимый организм, хотя, с другой стороны, целиком зависела от государства. Эволюция, увлекавшая Византию в сторону Востока, казалась близкой к завершению.

Длительное правление Юстиниана (527—565 гг.) прервало это развитие. Македонский крестьянин, вступивший на трон цезарей, был действительно последним из великих римских императоров. Две господствующие идеи направляли его политику: идея империи и идея христианства. Он поставил себе грандиозную задачу восстановить целостность погибшей Римской империи. Действительно, ему удалось отвоевать большинство потерянных на Западе провинций и снова превратить Средиземное море в римское озеро. Он хотел, с другой стороны, быть олицетворением закона, наиболее полным воплощением абсолютной власти, непогрешимым законодателем и в своей законодательной деятельности успешно продолжал работу великих римских юристов. Юстиниан стремился восстановить взаимопонимание с папством и, видя в себе представителя бога на земле, считал своей миссией защиту христианской веры;

он сурово преследовал еретиков и вмешивался во все церковные дела, которыми управлял деспотически. Юстиниан создал для Восточноримской империи VI в. ореол ни с чем несравнимой славы, и церковь св. Софии, которую он велел построить и роскошно украсить, еще и сейчас остается величественным символом этой славы. Но слишком пренебрегая Востоком, не заботясь об опасностях, которые с этой стороны угрожали империи, истощая в своих предприятиях финансовые и военные силы империи, Юстиниан причинил ей больше зла, чем добра; императрица Феодора, уроженка Востока, отдавала себе более ясный отчет в положении империи. Она старалась положить конец религиозной распри, сгладить уступками политические разногласия и этим путем создать более единое, однородное и сильное государство, которое могло бы успешнее сопротивляться арабскому вторжению. Как бы то ни было, после смерти Юстиниана империя была в плачевном положении: в Азии усиливалась персидская угроза, в Европе возрастала опасность со стороны аваров; финансы были разстроены, армия почти обессилена. VII в. является одним из самых мрачных периодов в истории Византии.

Ираклий (610—641 гг.) своими блестящими победами над персами укрепил престиж империи, но через пять лет после триумфа, с большой торжественностью отпразднованного в 629 г., на нее снова обрушилось арабское вторжение. Сирия, Месопотамия, Египет, Армения были потеряны для империи; Малая Азия также подверглась вторжению, и арабы дошли до Халкидона; власть на море ускользала из рук византийцев, а на Западе они потеряли Испанию и немного спустя африканские владения; в Италии, где в руках лангобардов находилась большая часть полуострова, обострились взаимоотношения с папством, что предвещало по-

терю этой провинции в близком будущем. Правда, Константину IV удалось героическим сопротивлением (673—678 гг.) сломить под стенами Константинополя натиск арабов; но на северо-востоке полуострова болгары, пересекшие Дунай, основали за счет византийской территории свое государство, ставшее вскоре одним из самых могущественных на Балканском полуострове. В этой территориально уменьшившейся империи происходят в то же время глубокие изменения: в области администрации взамен римских учреждений в интересах обороны установлена система фем, возглавляемых военными правителями, — эта система сохранилась в Византии до конца ее существования; в области социальных отношений эллинский элемент все глубже проникает в язык, идеи и нравы, христианский элемент становится преобладающим в государстве, усиливается роль церкви в государственной жизни, растет монашество. Эти изменения, глубоко обновившие империю, разумеется, не всегда и не во всех отношениях имели положительное значение. Развитию суеверия соответствует одичание нравов; военные восстания, перевороты свидетельствуют о растущей деморализации, и двадцатилетняя анархия (695—717 гг.) ставит под угрозу самое существование империи. Но в этот смутный период решающее значение имел один существенный факт: на смену Римской империи, этой формации всемирного характера, пришла Византийская империя, уменьшенная территориально, но более собранная, избавленная от мертвого груза западных владений и от опасности западного сепаратизма и способная существовать под властью энергичного правителя. Она нашла его в лице Льва III, положившего начало Исаврийской династии (717 г.).

Исаврийские императоры (717—867 гг.) с большим блеском осуществили реорганизацию империи.

Часто иконоборческих императоров судят сурово, не отдавая себе отчета в том, что их религиозная политика была лишь частью предпринятого ими дела восстановления империи и что их деятельность не исчерпывалась страстной и жестокой борьбой с иконопочитанием. Лев III и Константин V были энергичными и суровыми правителями, безжалостно преследовавшими своих противников; но это были в то же время великие полководцы, сломившие в 717 г. натиск арабов и помешавшие им пройти в Европу, а также с успехом сдерживавшие наступление болгар; эти правители проделали большую законодательную и административную работу, которой зачастую отдавали справедливость даже их противники. Несомненно, эта политика не всегда была удачной: во внешней политике разрыв с Римом, потеря Италии, восстановление Римской империи Карлом Великим были большими промахами, отбросившими Византию на восток; внутри борьба вокруг икон, продолжавшаяся более столетия (726—842 гг.), поддерживала в империи опасное брожение, которым пользовалась церковь, чтобы освободиться от императорской власти. Но в конечном счете императорская власть вышла из этого смутного периода окрепшей, и, когда в 842 г. был восстановлен религиозный мир, в империи, казалось, наступила пора процветания, какого она давно уже не знала. В правление Феофила (829—841 гг.) византийский двор соперничал с Багдадом халифов роскошью своих зданий, великолепием священного дворца, блеском своей культуры. Литература и искусство обновились и подготовили почву для возрождения X в. Константинопольский университет, восстановленный к 850 г. Вардой, вновь становится центром блестящей культуры. Влияние Византии сильно сказывалось среди славян Моравии, среди болгар, которым византийские миссионеры несли христианскую веру; византий-

ская церковь все более и более принимала национальный характер, еще сильнее подчеркнутый расколом, который был подготовлен Фотием (867 г.). Во внешней политике, несмотря на угрозу со стороны болгар в начале IX в. и потерю Крита (826 г.), лишавшую византийцев господства на морях, возобновилось наступление против мусульман в Малой Азии, и все предвещало великолепный апогей, который при Македонской династии должен был дать империи полтора века процветания, величия и славы.

К счастью для Византийской империи, ею в эти сто пятьдесят лет управляли выдающиеся императоры: Василий I, основавший новую династию, затем узурпаторы Роман Лекапин, Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, сохранившие, однако, жизнь законным представителям и уважавшие их права, и, наконец, Василий II. На всех рубежах империи эти правители достигли выдающихся успехов. В Азии граница после наступления на мусульман отодвинулась от Галиса до Евфрата и Тигра, была завоевана северная Сирия, и Иоанн Цимисхий довел свои победоносные полки до ворот Иерусалима. Отвоевание Крита возвратило Византии господство в восточном Средиземноморье. В Европе Василий II в результате тридцатилетней войны (986—1014 гг.) разрушил болгарское царство, оспаривавшее у Византии при царях Симеоне и Самуиле гегемонию на Балканском полуострове. Никогда со времени Юстиниана Византийская империя не знала подобной экспансии. Она простиралась от Дуная до Антиохии и Сирии на севере, от присоединенной Армении до отвоеванной южной Италии; вокруг империи группировались вассальные государства: итальянские и славянские, кавказские и армянские; Русь, обращенная в христианство с 989 г., вошла целиком в сферу влияния Византии. Внутри был восстановлен порядок, крупные феодальные

восстания подавлены, императорская власть окрепла как никогда; литература и искусство получили блестящее развитие. После смерти Василия II (1025 г.) нетрудно было бы при твердом и разумном правлении продлить это замечательное процветание. К несчастью, управление империей попало в руки женщин и посредственных правителей, и скоро начался упадок. Результатом недоверия центральной власти к крупным феодалам, поддерживаемым армией, было разложение высших военных учреждений; лучшие полководцы попали в немилость, и власть перешла в руки бездарных гражданских правителей. Патриарх Керулларий воспользовался слабостью императорской власти для разрыва с папством, что окончательно освободило православную церковь от подчинения Риму (1054 г.). С другой стороны, империи снова угрожала серьезная опасность извне: на западе норманны овладели Южной Италией, еще принадлежавшей Византии; на востоке турки-сельджуки вторглись в Малую Азию, и поражение при Манцикерте (1071 г.), где император Роман Диоген попал в руки мусульман, угрожало потерей всей Анатолии. В Икони был основан султанат сельджуков, а в это время в Константинополе множились придворные интриги, происходили дворцовые перевороты, восстания. В 1081 г., в то время как за престол боролись три претендента, сельджуки дошли до берегов Босфора и стали против Константинополя. Все призывали спасителя. В это время Алексей Комнин овладел императорской властью и основал новую династию (1081 г.).

И снова в продолжение целого столетия Византией управляли выдающиеся императоры: Алексей и Иоанн, отличные полководцы, хорошие администраторы, способные дипломаты; Мануил, наиболее привлекательный из этого дома, храбрый до безрассудства и тонкий богослов, изящный, с одинаковым пылом отдававшийся науке и кутежам, соединяв-

ший в себе рыцарские качества Запада с традиционным византийским умом, — быть может, последний из великих правителей на императорском троне; наконец, Андроник, романтические приключения которого не должны заслонить от нас тот факт, что при его вступлении на престол современники ставили его в один ряд с величайшими правителями. Благодаря этим выдающимся людям Византийская империя достигла в XII в. последнего блестящего подъема. Против внешних врагов Алексей боролся энергично и успешно. Он нанес поражение норманнам, когда те сделали попытку завоевать восточное побережье Адриатического моря, и навязал Бозмунду унижительный мир; он остановил в Азии продвижение турок-сельджуков. Правда, приход в Константинополь первого крестоносного воинства вызвал у императора большую тревогу; но искусной дипломатией он сумел заставить крестоносцев признать свою власть и благодаря их победам над сельджуками смог отвоевать значительную часть Малой Азии. У преемников его были широкие замыслы. Мануил (1143—1180 гг.) заставил латинских правителей Антиохии признать свою власть и распространить влияние Византии до Иерусалимского королевства; как некогда Юстиниан, он мечтал восстановить древнюю Римскую империю и снова сделать Рим ее столицей. В течение всего XII в. Константинополь был одним из центров европейской политики; внутри, где был восстановлен порядок и императорская власть была прочнее чем когда бы то ни было, двор Комнинов, изящный и утонченный, покровительствовал культуре и искусству, выказывал блеск, который всегда сохраняла византийская культура; Константинополь поражал своим богатством и благосостоянием всех, кто его посещал. Но широкие планы Мануила не увенчались таким успехом, какого он ожидал. Ему не удалось разбить в Италии норманнских королей;

с другой стороны, вызывала тревогу враждебность папства к еретикам-грекам и домогательства Венеции, сначала заключившей с Алексеем союз против норманнов, но впоследствии вступившей в конфликт с его преемниками. Наконец, и в борьбе против Фридриха Барбароссы, которому Мануил отказывал в титуле императора, он не достиг больших успехов, но своими завоевательными планами обеспокоил весь Запад. Конец его правления был отмечен тяжкими поражениями: борьба, которую он слишком поздно начал против Иконийского султана, усилившегося в течение XII в., окончилась поражением при Мириокефале (1176 г.), предвещавшим потерю всей Малой Азии. Взятие Фессалоники норманнами (1185 г.) было новым предостережением, как и восстановление Болгарского царства и основание независимого Сербского королевства. И когда после переворота, который сверг Андроника Комнина, власть попала в руки посредственных правителей из династии Ангелов, положение еще более ухудшилось. В 1204 г. под влиянием Венеции, устремившей алчные взоры на богатства Константинополя, четвертый крестовый поход, предпринятый с целью освобождения гроба господня, закончился захватом Византии латинянами; в первый раз со времени своего основания столица империи попала в руки врагов. Латинский государь сел на трон Комнинов; латинские государства были основаны в Афинах и Пелопоннесе; Венеция основала на Средиземном море настоящую колониальную империю; то, что осталось от византийской империи, раздробилось на отдельные государства: Трапезундскую и Никейскую империи, Эпирский деспотат. Казалось, что наступил конец Византийской империи. Во всяком случае разгром 1204 г. был ударом, от которого она никогда не могла вполне оправиться.

Но после великого потрясения пробудилось почти исчезнувшее национальное чувство. Выдаю-

щимися представителями византийского патриотизма были правители Никейской империи Феодор Ласкарь и особенно Иоанн Ватац (1222—1254 гг.). Им удалось основать в Малой Азии значительное государство, подчинить своему господству деспотов Эпира и, опираясь на союз с болгарами, вести энергичную борьбу против слабой Латинской империи. В 1261 г. Михаил Палеолог вступил, при поддержке генуэзцев, соперников Венеции, в Константинополь и утвердил на троне династию Палеологов.

Михаил VIII Палеолог (1261—1282 гг.) был, без сомнения, последним выдающимся императором Византии. Ему удалось проникнуть в латинский Пелопоннес; он отбил попытки Карла Анжуйского завоевать восточный берег Адриатического моря; он привел в порядок финансы, флот и армию. Но после его смерти начался упадок, который уже не прекращался. Конечно, во главе империи еще стояли время от времени значительные люди: Иоанн Кантакузин (1341—1355 гг.), Мануил Палеолог (1391—1425 гг.), которые могли бы спасти империю, если бы это еще было возможно. Но ее уже нельзя было спасти. На Балканском полуострове второе Болгарское царство и особенно Сербское государство Стефана Милутина и Стефана Душана оспаривали гегемонию у Византии; в Константинополе венецианцы и генуэзцы без стеснения эксплуатировали то, что оставалось от богатств Византии, и часто распоряжались там, как хозяева; наконец, турки-османы заняли всю Малую Азию, сделав столицей Бруссу, вблизи Константинополя. Вскоре, проникнув на европейскую территорию, они перенесли столицу в Адрианополь (1365 г.). Под их тяжелыми ударами территория Византийской империи все сокращалась; турки овладели Фракией, Македонией и навязали слабым византийским правителям нечто вроде вассальной зависимости. Теперь

в состав Византийской империи входили только Константинополь и территории, отрезанные от столицы — Фессалоника и греческий деспотат Мистры, возникший на месте Ахейского латинского герцогства. В то время как султаны почти уже завершили завоевание Балканского полуострова, разрушив Болгарское царство, уничтожив сербов на Кассовом поле (1389 г.), Византийская империя с каждым днем все более слабела; она лишилась армии, флота, финансов; патриотическое чувство исчезло. Тщетно пытались византийские императоры установить церковную унию, чтобы добиться поддержки Запада; крестовые походы в Никополь (1396 г.) и в XV в. в Варну (1444 г.) не дали никаких результатов; своей политикой унии с Римом императоры лишь вызвали оппозицию церковников и народа. В 1397 г. казалось, что Константинополь, осажденный султаном Баязидом, падет и с ним погибнет империя. Нашествие монголов и поражение при Анкаре Баязида, попавшего в руки Тамерлана, продлили почти на полвека существование империи. Но вскоре Константинополь был снова осажден турками, и Фессалоника попала в их руки (1430 г.); Морейский деспотат дважды испытал на себе их вторжение. Конец наступил, когда в 1451 г. султаном стал Мухаммед II. С огромной армией осадил он в 1453 г. Константинополь, и 29 мая 1453 г. последний византийский император Константин Драгас героически погиб на укреплениях столицы, а на следующий день султан-победитель вступил в храм св. Софии.

Такова в общих чертах история Византийской империи с 330 до 1453 г. Мы видели, что она охватывает много блестящих периодов: в VI в., при Юстиниане, в последний раз была восстановлена Римская империя; в VIII в. исаврийские императоры отражают натиск ислама и реорганизуют абсолютную монархию на новой основе; в X в. выдаю-

щиеся правители из Македонской династии превращают Византию в великую державу Востока; в XII в., при Комнинах, греческая империя является одной из самых блестящих во всем европейском мире; в XIV и XV вв. в умирающей Византии возникает мощное интеллектуальное движение, предвосхищающее гуманистические идеи Возрождения, и византийское искусство в последний раз озаряется великолепным блеском. Мы видим, что нельзя говорить только об упадке: надо сказать также и о величии. На протяжении одиннадцати веков перед Византийской империей стоял ряд проблем, которые теперь следует рассмотреть, чтобы исследовать, как они были разрешены.

ГЛАВА IV

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Среди проблем, стоявших перед правительством империи, одной из наиболее серьезных была национальная. Население Византийской империи, как мы уже видели, не было однородным. Начиная с V в. наряду с сильным большинством греческих и эллинизированных элементов некоторые провинции: Сирия, Месопотамия, Египет, Армения, а в Европе Иллирия, были в значительной степени заселены негреческими элементами. VII в. принес с собой еще более значительные изменения. Если арабское нашествие отделило от империи большинство провинций с негреческим населением, то к этому же времени сильно изменился и этнографический состав Балканского полуострова. Там обосновались славянские народы, хорваты и сербы, в северо-западной части полуострова и к концу века — болгары в северо-восточной части. Эти народы образовали независимые государства. Кроме того, на территории, оставшейся под властью империи, славяне проникли большими массами в области, обезлюдившие после вторжений VI в.; вся страна, говорит Константин Багрянородный, ославянилась и сделалась варварской, ἐσθλαβώθη πάσα ἡ χώρα καὶ ἐγένετο βάρβαρος.

В Македонии, в областях вокруг Фессалоники, обосновались славянские племена — смолене, верзиты, баюниты, рунчины, дреговичи, сагудаты, образовавшие нечто вроде маленьких государств, которые назывались в Византии «славиниями»; эти

племена часто осаждали Фессалонику и пытались захватить город св. Димитрия. Велигосты, верзиты проникли в Фессалию, в Среднюю Грецию и до Пеллопоннеса. Другие славяне в своих одnodеревках, суденышках, вырубленных из цельного ствола дерева, заняли некоторые из Кикладских островов; славянские племена проникли даже в Малую Азию. Переселения, неоднократно производившиеся по приказу императоров, завершили этот процесс, и население Балканского полуострова являло собой чрезвычайно пеструю смесь различных национальностей. Таким образом, в Европе почти не оставалось византийской национальности, тогда как до XI в. Малая Азия незначительно изменилась в своем этнографическом составе. Тем не менее империя сохраняла свое единство. Какими средствами достигалось или поддерживалось это единство? Прежде всего силой. Императоры VII века, Константин II и Юстиниан II, совершали военные походы против македонских «славиний» и принудили их подчиниться императорской власти; в VIII в. была создана новая фема Стримон — явное доказательство подчинения этих племен. В конце VIII в. императрица Ирина покорила славян, проживавших в Греции, направив против них большую военную экспедицию во главе со Ставракием. Тем не менее покорение отдельных племен было номинальным; еще в IX в. милинги и езериты, обосновавшиеся в области Тайгета, причиняли много беспокойства стратегу Пеллопоннеса. Всегда готовые к восстанию, отнюдь не склонные платить установленные налоги, они стремились остаться независимыми; для подчинения их потребовалось несколько военных экспедиций, в результате которых налоги были сильно увеличены. Чтобы обеспечить подчинение всех этих славян, были построены мощные крепости: Фессалоника для Македонии, Никополь и Диррахий для Эпира и части Иллирии, крепости Эвбеи для средней Греции,

Патры и Коринф для Пелопоннеса. Наряду с этими мерами, имевшими целью поддержать порядок, императоры охотно пользовались для умиротворения славян поощрительными мерами: понижением налогов, торжественными приемами во дворце и т. д. Все это могло обеспечить лишь внутренний порядок. Но перед правительством стояла и более важная задача: установить единство и приобщить все население к эллинизму и православию.

Греческий язык был языком администрации, церкви, крупных учебных заведений, университета и патриаршей школы в столице, а также епископальных и монастырских школ в провинции. Так всюду распространялась греческая культура. Победоносное наступление Византии в Малой Азии в X—XI вв. имело результатом широкое распространение греческого влияния, например, в Каппадокии. Наконец, Константинополь привлекал к себе из всех провинций людей, которые стекались в столицу для ведения торговых дел, судебных процессов, для внешней торговли на этом большом международном рынке; столица подчиняла своему влиянию всех, кто туда приезжал. Так греческий язык мало-помалу становился национальным языком империи, на котором все говорили, который все, по крайней мере, более или менее понимали.

Но еще значительнее был процесс ассимиляции, происходивший под влиянием общей православной религии. Как хорошо заметил Рамбо, в Византийской империи православие заменяло собой национальность. Сперва пытались обратить в православие, в случае нужды, даже посредством преследований, еще остававшихся в империи еретиков — манихеев, павликиан, богомилов. Но наиболее поучительно то, что мы узнаем из епископальных списков начала X в.; там встречаются весьма ценные сведения. В актах собора 879 г. появляются уже новые епископства со славянскими названиями, как епископ-

ства Моравии, Эзера, Другувитов, а в епископальном списке Льва Мудрого целая группа таких епископств, зависящих от митрополитов Филиппополя и Филипп, как, например, епископства Лутица, Великая, Смолен, Драмитца, Ионница или епископства Вундица и Хунавия, зависевшие от митрополитов Навпакта и Диррахия. Все эти новые епископства предназначены были для обращения в христианство славянских племен Македонии и Эпира. Подобные же указания встречаются в списках епископств, подчиненных митрополитам Фессалоники и Лариссы, а для Пелопоннеса — епископств, подчиненных Патрам и Коринфу. Наконец, в области Тайгета, где масса населения была еще языческой, усиленно проповедывалось христианство. Так среди всех славянских племен, издавна обосновавшихся в империи, была проведена великая работа, особенно в правление Василия I, возможно, по почину патриарха Фотия; еще остававшиеся языческими племена были обращены в христианство.

Подобная же деятельность проводилась и на территории, завоеванной византийцами в X в., в восточной Каппадокии, в новых фемах Ликанда и Месопотамии и даже в фемах, существовавших лишь временно, как в Самосате, где была основана резиденция митрополита. В Южной Италии также был создан целый ряд епископств, во главе которых были поставлены греческие священники: 8 в Калабрии, зависевших от митрополии в Санта Северина, 5 в области Отранто, зависевших от митрополии в Отранто. Были созданы новые епископства в Армении с греческими священниками во главе для борьбы с армянской церковью. С X в. Мелитена сделалась резиденцией митрополита, которому были подчинены 9 епископств; при Василии II там же было создано 21 греческое епископство, подчиненное 3 митрополитам. Так, благодаря православной религии империя об-

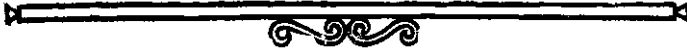

ретала единство, которое язык и народность давали ей лишь частично. Правительство империи стремилось вместе с тем завоевать популярность у населения присоединенных областей. Когда Василий II разрушил болгарское царство, управление новыми провинциями естественно перешло к высшим византийским чиновникам; но Василий хотел, чтобы в завоеванной Болгарии «ничто не изменилось и всюду сохранялся прежний порядок». Болгары продолжали, как и прежде, платить натуральные налоги и были подчинены сложной византийской финансовой системе. Вследствие умелой раздачи титулов и званий верхушка болгарской знати вращалась в администрации империи, а в результате, частых браков высшие классы Болгарии сливались с византийской аристократией. Но особенно важно было то, что несмотря на упразднение болгарского патриархата болгарская церковь продолжала существовать, как независимый от Константинополя организм; во главе ее был поставлен болгарский священник, прежний рядовой служитель патриархата. Болгарское духовенство сохранило все свои привилегии и иммунитетные права. В Южной Италии многие должности императорской администрации были тоже поручены представителям местной знати, и эта политика терпимости обещала самые благоприятные для империи результаты.

Тем не менее Византийская империя продолжала называться Римской империей, а император официально именовался βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων. Слово «эллин» издавна было для византийцев синонимом язычника. Но в конце XIV в. и в первой половине XV в. произошло любопытное изменение — внезапное пробуждение греческой национальности. В сочинениях писателей этой эпохи вдруг снова появляются имена Перикла, Фемистокла, Эпаминонда и воспоминания о том, что эти великие предки некогда сделали «для общественного блага, для родины». В этих сочине-

нях слово «эллин» принимает новое значение. Гемист Плифон в докладной записке Мануилу II при его посещении Пелопоннеса писал: «Мы, повелителем и императором которых вы являетесь, происходим от расы греков, как об этом свидетельствуют наш язык и традиции нашей родины». Аргирупул умоляет Константина Драгаса принять титул императора греков. «Только этот титул сможет обеспечить благополучие свободных греков и освобождение их братьев-рабов». И в любопытном отрывке почти пророческого характера историк Халкокондил писал: «Влияние греческого языка велико и еще возрастет в тот день, когда греческий император и его преемники восстановят греческую империю, где объединенные сыны эллинов будут сами управлять собой и образуют нацию».

Конечно, эти иллюзии кажутся странными в тот исторический момент, когда турки уже стоят у ворот Константинополя и Мухаммед II готовится разрушить Византийскую империю. Тем не менее остается замечательным фактом, что в умирающей Византии эллинизм снова напряг все свои духовные силы и последним лучом озарил наступивший мрак как бы с тем, чтобы вызвать тени славного прошлого и возвестить о будущем. И, может быть, если бы Византийская империя не погибла, она, усвоив эти идеи, обрела бы свой подлинный национальный облик.

Г Л А В А V
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Немного было в мире государей, обладавших большей властью, чем византийский император. Немного было государств даже в средние века, развивших более совершенную концепцию монархической власти. Наследник римских цезарей, правитель Византии был *imperator*, то есть одновременно военный вождь и законодатель. Под влиянием Востока он сделался *автократором*, *деспотом*, а начиная с VII в. *басилевсом*, то есть императором по преимуществу, государем, располагающим абсолютной властью. Наконец, христианство превратило его в божьего избранника и помазанника, представителя бога на земле, его наместника во главе армии и, как говорили в Византии, в равноапостольного государя — *isapostolos*. Чтобы еще более поднять авторитет личности императора, Византия окружила его всей сложностью этикета, всем блестящим церемониалом¹; художники изображали императоров и даже императриц с нимбом вокруг головы, как святых. Но, с другой стороны, немногие государства переживали столь частые перевороты. Подсчитано, что с 395 по 1453 г. из 107 государей, занимавших трон Византии, только 34 умерли своей собственной смертью, 8 — на войне или жертвами случая; остальные отреклись, добровольно или

---

¹ См. об этом мою книгу: *Byzance, grandeur et décadence*, p. p. 25—36.

уступая насилию, или же умерли насильственной смертью, будучи отравлены, заколоты кинжалом, удушены, искалечены; за 1058 лет насчитывается в общей сложности 65 дворцовых переворотов, совершенных улицей или казармой, и Моммзен имел право сказать, что Византийская империя—это «абсолютизм, умеряемый переворотом или убийством». Здесь мы встречаемся с очевидным противоречием, вызывающим удивление, и на этой основе выдвигается политическая проблема, причины и последствия которой необходимо определить.

Византийская империя, как и Римская, долго страдала тяжелым конституционным пороком, — отсутствием закона о престолонаследии, регулирующего правильную смену правителей на троне. Первые императоры назначались по выбору сената, при одобрении народа и армии. Не было императорской фамилии, императорской крови; к трону могли притти самые низшие; каждый имел возможность стать императором. Византийская история полна примеров восхождения на вершину власти подобных «выскочек»: Лев I, по народному преданию, был мясником, и в Константинополе показывали стойку, за которой он со своей женой торговал мясом. Юстин I был крестьянином из Македонии, пришедшим в Константинополь босиком, с мешком за плечами. Подобно ему, его племянник Юстиниан был простым крестьянином из Иллирии; Фока был только центурионом, когда он занял место Маврикия; Лев Исавр сначала был ремесленником, Лев V и Михаил II — конюшими крупных вельмож. Василий I был крестьянином армянского происхождения, родители которого вынуждены были покинуть родину и впали в глубокую нищету. «Болезнь пурпура» сделалась в Византии страшной болезнью, еще более развитой благодаря суеверию. Среди обещаний, которые давали составители гороскопов, наиболее обычным было обещание высшего звания. Так было

со Львом III, Львом V и Михаилом II, которым монах объявил, что они вступят на трон. Так было с Василием I; мать его увидела во сне выходящее из ее чрева золотое дерево, которое все разрасталось и покрыло тенью весь дом; того же Василия I, пришедшего в Константинополь в бедной одежде, с мешком за спиной, приветствовал как императора игумен монастыря, у ворот которого он заснул. Успех немногих счастливых окрылял надеждой других узурпаторов. Строгости, жестокости, имевшие целью подавить эти попытки, не достигали цели. Как только центральная власть ослабевала, появлялись претенденты и начиналась анархия. В конце VII и начале VIII в. после падения фамилии Ираклия в течение двадцати лет сменилось шесть или семь императоров, возведенных на трон посредством переворота. В начале IX в., с концом Исаврийской династии, три или четыре переворота менее чем за двадцать лет вознесли на трон узурпаторов. Такие же явления происходили во второй половине XI в., от 1056 до 1081 г., после того как сошла со сцены Македонская династия; в конце XII в., когда прекратилась династия Комнинов; в XIV в., в период правления слабых государей из дома Палеологов.

Несмотря на это постепенно развивается идея легитимности. Много было сделано для ее укрепления Василием I, который, по выражению Константина VII, «дал императорской династии более мощные корни, чтобы из них вышли великолепные ветви». С этих пор существует императорская фамилия, члены которой именуются «багрянородными», существуют династии: Македонская, правившая 189 лет, династия Комнинов, правившая 104 года, Палеологов, занимавшая трон в течение 192 лет. Почти всемирный почет окружает императорскую власть. По общему убеждению «тот, кто правит в Константинополе, всегда остается победителем», и восставать

против законного императора более чем преступление — безумие. Характерно, что в этой восточной монархии правила даже женщины, чего никогда не было на Западе, и эти женщины, Ирина, Феодора, Зоя, пользовались популярностью. Порой мы сталкиваемся здесь с необычными и странными явлениями. Как бы для того, чтобы искупить преступление против законности, наследник узурпатора приговаривает к смерти тех, кто участвовал в заговоре, подготовленном его отцом: Феофил казнит убийц Льва V, свергнутого с престола его собственным отцом Михаилом II; Лев VI посылает на казнь друзей Василия I, которые помогли ему убить Михаила II. Конечно, это не мешает узурпациям: в X в. они совершаются Романом Лекапином, Никифором Фокой, Иоанном Цимисхием, но эти узурпаторы чувствуют себя обязанными сохранять жизнь законным государям вместо того, чтобы, как прежде, освобождаться от них посредством убийства; и общественное мнение всегда готово поддерживать права законного государя, как это показывает переворот 1042 г., когда народ Константинополя восстал, чтобы восстановить на троне императрицу Зою, свергнутую Михаилом V, «ту, которая законно владела наследием императорской власти, ту, чей отец был императором, как и дед и прадед». Однако развитие идей законности не исключает узурпации и переворотов даже в среде самой императорской фамилии. Андроник Комнин свергает сына своего двоюродного брата императора Мануила, Алексей Ангел — своего брата Исаака, Михаил Палеолог захватывает место законного государя Никеи, и в XIV в. сыновья Иоанна V и Мануила II восстают против своих отцов.

Интересно взглянуть, как осуществляются эти перевороты и в ком они находят поддержку. Главную роль в них играет армия. Это большая сила; в тяжелых обстоятельствах Византия именно от нее ждет спасения. Именно армия посредством своего

рода *pronunciamentos* возвела на трон некоторых из наиболее выдающихся императоров Византии, как, например, Ираклия, освободившего империю от тирании Фоки, Льва Исавра, положившего конец жестокой анархии начала VIII в., Никифора Фоку, прославившего империю в X в., Алексея Комнина, спасшего ее от кризиса конца XI в. Я не говорю уже о бесчисленных претендентах, вроде Георгия Маниака, Варды Фоки, Варды Склира и многих других, веривших в преданность своих солдат и рассчитывавших с их помощью возложить на себя императорскую корону и надеть пурпуровую обувь, но не сумевших добиться осуществления своей мечты. Все эти недовольные и честолюбивые военачальники, а также все те, кто в дни кризисов беспокоился о величии империи, искали и находили поддержку в военных лагерях, среди преданных им войск. К войскам прибегали и в самом Константинополе, когда боялись за свою личную безопасность, как, например, Исаак Комнин и его военачальники, подвергшиеся нападкам со стороны Михаила VI, Алексей Комнин, которому угрожали слуги Вотаниата, и, наконец, представители крупной аристократии — все эти Дуки, Комнины, Ангелы, выдающиеся военачальники и крупные феодалы, чья оппозиция всегда была опасна для императорского правительства. Перевороты находили поддержку и в столице. Население Константинополя отличалось большой впечатлительностью и возбудимостью; недовольство своим положением порождало в нем склонность к восстаниям, и в этих случаях оно, отдаваясь своим страстям, становилось жестоким и кровожадным. В столице всегда было много людей без определенных занятий, искателей приключений, воров, нищих, постоянно готовых поддержать восстание, из которого они надеялись извлечь пользу. В этом слое находили верных последователей все движения, волновавшие столицу. Иногда население и само поднималось на восстание.

Такой именно характер носило восстание Ника в 532 г., которое едва не привело к свержению Юстиниана, или восстание 1042 г., когда Михаил V лишил трона императрицу Зою и когда народ принял участие в борьбе на стороне старой императрицы в великом и неожиданном порыве, таинственном пробуждении народной души, как говорит Пселл в прекрасном и живом рассказе об этом событии. Иногда перевороты совершала церковь: в 963 г., когда Никифор Фока, провозглашенный императором солдатами в каппадокийской Кесарии, стоял под стенами Константинополя, патриарх Полиевкт объявил себя противником старого правительства и с помощью народа, сражавшегося на улицах против солдат императора, овладел городом и открыл ворота Фоке. В 1057 г. патриарх Керулларий принимает в храме св. Софии недовольных военачальников и разрешает им подготовить здесь восстание; он помогает народу выдвинуть Исаака Комнина, заставляет старого императора Михаила VI отречься от престола и, образовав временное правительство, провозглашает Исаака Комнина императором. В этом случае императора возвел на трон патриарх. Наконец, в самом священном дворце, в окружении государя, включая и членов императорской фамилии, возникали постоянные интриги и заговоры против императора; всеильный сановник паракимомен Василий, незаконнорожденный сын Романа Лекапина, составлял заговоры почти против всех императоров, которым он служил; императрица Феофано, когда ей надоел ее супруг, подготовила в тени гинекея убийство Никифора Фоки и взяла себе в любовники Иоанна Цимисхия. Таким образом, императорский дворец нередко становился местом, где разворачивались кровавые трагедии: Лев V был убит в рождественское утро 820 г., в тот момент, когда он управлял хором в одной из дворцовых церквей; Михаил III был удушен во дворце

Василием и его друзьями, а Никифор Фока заколот участниками заговора, подготовленного в мельчайших деталях императрицей.

Можно легко понять последствия этих бесчисленных переворотов: прежде всего гражданская война между узурпаторами и правительством, например Андроника Младшего против его деда Андроника II, Иоанна Кантакузина против Иоанна V Палеолога; эта гражданская война осложняется тем, что обе стороны обращаются за помощью к врагам империи; в XIV в. императорское правительство, как и его противники, добивается помощи болгар, сербов, турок и не колеблется обещать им взамен значительную часть византийской территории или даже соглашается на вассальную зависимость от них. Перевороты эти ослабляли императорскую власть. Известны, конечно, и в византийской истории периоды, когда императорская власть была сильной и прочной; некоторые императоры занимали трон в течение долгих лет. Юстиниан, сначала от имени своего дяди, а затем в качестве императора, правил почти полвека; Ираклий и Константин V правили — один в течение 31 года, другой 35 лет; Василий II успешно правил 49 лет, это самое продолжительное правление в истории Византии; и, наконец, Комнины Алексей и Иоанн занимали трон — первый 37, второй 25 лет, Мануил Комнин — 37 лет. Но и эти императоры всегда находились под угрозой переворота; это видно на примерах интриг, которые вела против своего брата Иоанна Анна Комнин и против Мануила — его родственники. Когда императорская власть слаба, все стараются этим воспользоваться; младшие члены императорской семьи стремятся получить от императора владения в Фессалонике и Морее, где они чувствуют себя почти независимыми; крупные феодалы, как Варда Фока или Варда Склир, пользуются случаем, чтобы восстать или же создать совершенно

независимые небольшие государства, как это было в конце XII в. с Таврами в Трапезунде, Комнинами на Кипре, Львом Сгуром в Арголиде и Афинах. Вот почему эта империя, где заглохло всякое национальное чувство, всякий патриотизм, накануне IV крестового похода начинает раздробляться. Положение еще ухудшилось, когда крестовый поход 1204 г. сокрушил Византийскую империю. На территории, оставшейся от разрушенной империи, создаются отдельные государства в Трапезунде, Никее, Эпире и других местах. Энергичные никейские правители создали в Малой Азии значительное государство; они подчинили своей власти деспотат Эпира и восстановили в Константинополе Византийскую империю. Но при Палеологах снова начинаются перевороты: идет гражданская война между претендентами и правительством, ожесточенная борьба между сторонниками и противниками унии с Римом, — борьба, в которой по очереди играют роль венецианцы и генуэзцы; на помощь призывают турок, которые все чаще вмешиваются в дела империи. Империя все более и более расчленяется. Конечно, эти перевороты не были единственной причиной этого жалкого упадка; но политическая проблема, как она ставилась в Византии, без сомнения сыграла здесь большую роль; эту проблему византийские императоры не могли разрешить до конца, несмотря на все их усилия, несмотря на всю полноту власти, которой они располагали.

ГЛАВА VI

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМА

Религиозная проблема имела в Византийской империи исключительно важное значение. Мы знаем, какую существенную роль играла церковь в византийском обществе. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с книгой «О церемониях», где описывается церемониал, которому должен был подчиняться император. Справедливо было сказано, что император, выполнявший эти предписания, по существу вел образ жизни первосвященника. С того дня, когда Константин превратил христианство в государственную религию, он дал императорскому правительству право вмешиваться во все церковные дела и самовластно распоряжаться церковью: управлять ее материальными ресурсами, назначать на церковные должности. Власть императора в вопросах религии казалась, таким образом, почти абсолютной. Император созывал соборы; когда он не мог лично присутствовать на заседаниях собора, его представляли высшие сановники. Он утверждал решения «отцов церкви», и эти решения приобретали силу закона лишь после ратификации императора. Многие из них гордились тем, что были выдающимися богословами, и на этом основании они присваивали себе право устанавливать религиозные догматы. Некоторые из них, например Юстиниан, писали длинные трактаты для обоснования своего мнения по тому или иному вопросу религии.

Император вмешивался даже в назначения высших духовных сановников. Когда происходили выборы константинопольского патриарха, синод представлял императору три кандидатуры. Но император оставлял за собой право выдвинуть четвертое лицо, если предложенные кандидаты его не удовлетворяли, так что фактически патриарха назначал император. И точно так же он имел возможность сместить патриарха, когда считал это необходимым, либо приказывая низложить его по религиозным или политическим причинам, либо заставляя его отречься. Так, при Льве VI патриарх Николай, обвиненный в государственной измене и заговоре против императорской власти, был смещен и заменен другим, близким другом и любимцем императора. При Исааке Комнине патриарх Михаил Керулларий, претензии которого вызывали тревогу у императора, был арестован и заключен в монастырь в ожидании процесса, для которого Пселлу было поручено написать длинную и резкую обвинительную речь. Только смерть избавила Керуллария от неизбежного приговора. При Алексее Комнине патриарх Косьма, поддержавший требование императрицы Ирины торжественно короновать ее на равных правах с мужем, навлек на себя гнев императора и вынужден был отречься.

Подобным же образом действовал император и по отношению к высшим сановникам церкви и даже к римскому папе. Юстиниан велел арестовать папу Сильвестра, дурно обращался с папой Виталием, прибывшим в Константинополь и не выразившим покорности императорской воле. В VII в. папа Мартин был арестован солдатами Равеннского экзарха и доставлен в Константинополь, где против него возбудили политический процесс; он был приговорен к изгнанию и сослан в Херсонес. В VIII в. папы тоже находились под угрозой насилия, и если они от нее избавились, то лишь благодаря вме-

шательству и защите римского войска. Та же политика насилия, чередовавшегося с подкупом, проводилась по отношению ко всему духовенству.

Таким образом, церковь была в полном подчинении у императора. Церковь, впрочем, воспринимала это вмешательство императора в свои дела как вполне законное явление. Патриарх Мина говорил в VI в.: «Ничто не должно совершаться в святейшей церкви против воли и приказаний императора». Один хронист XII в. пишет: «Император является для церкви высшим господином и хранителем веры». К тому же времени историк Никита в любопытном отрывке сообщает, что «императоры считают для себя оскорблением, если в них не хотят видеть существ боговдохновенных, наподобие Соломона, глубоких знатоков божественной науки, основателей церковных канонов, одним словом непогрешимых толкователей дел божественных и человеческих; они полагают, что и в церковных делах император не подчиняется никому и является неоспоримым толкователем, судьей и определителем догматов». Очень характерно поэтому, что из всех светских лиц только один император имел право вместе с духовенством переступить порог царских врат алтаря. Таким образом в отношениях между государством и церковью ничто не ограничивало императорской власти.

Однако константинопольский патриарх был весьма могущественным лицом, с которым нельзя было не считаться. Со времени Халкидонского собора он был в церковной иерархии лицом второго ранга, непосредственно после римского папы. В VII в., когда Александрия, Иерусалим и Антиохия попали в руки арабов, он остался единственным патриархом Византийской империи и намеревался играть на Востоке роль, какую на Западе играл папа. Некоторые патриархи, например в эпоху Григория Великого, принимали титул вселенского патриарха и считали себя равными римскому перво-

священнику. И действительно, константинопольский патриарх был как бы папой Византийской империи. Сфера его влияния была огромна. В X в. он управлял 57 митрополиями, 49 архиепископствами и 514 епископствами, вследствие чего обладал ни с чем не сравнимым влиянием в империи. Он руководил всей религиозной политикой Византии — обычно в согласии с императором. Патриарх располагал мощными средствами воздействия на императора. Он мог оспаривать и порицать с высоты амвона храма св. Софии действия правительства, мог отлучить императора от церкви, наложить на него тяжелое покаяние, запретить ему вход в церковь на более или менее длительный срок. Патриарх Николай в день большого праздника осмелился остановить на пороге храма св. Софии императора Льва VI с его великолепной свитой и запретить императору вход в святилище. Патриарх Полиевкт после женитьбы Никифора Фоки на Феофано запретил императору вход в великий храм и наложил на него длительное покаяние. Этот же патриарх под угрозой отлучения от церкви заставил Иоанна Цимисхия отказаться от мер, направленных против церковных привилегий. И перед этими строгими мерами, достаточно унижительными для императорского авторитета, император вынужден был хотя бы временно склониться. Это еще более возбуждало властолюбие патриархов и толкало их на открытую борьбу с императорами. Патриарх Николай дошел до того, что писал: «Если император, по внушению дьявола, издает приказ, противоречащий божественному закону, ему не следует подчиняться; надо считать, что безбожный приказ, исходящий от безбожного человека, не имеет никакой силы». Патриарх Керулларий пошел еще дальше: он объявил, что первосвященнику наравне с императором принадлежит привилегия носить пурпуровую обувь в знак того, что его власть в области церковной равна власти императора в области

политической. Он говорил: «Между патриархом и императором нет никакой или почти никакой разницы, а что касается почестей, которые должны им воздаваться, то права патриарха даже выше императорских». Таким образом, патриарх обладал огромным авторитетом. Наконец, глава византийской церкви был очень богат, что оказывалось не менее сильным орудием. Он был очень почитаем в столице, пользовался большой популярностью, и это часто толкало его на попытки вмешиваться в важные политические дела. Мы видели роль патриарха Полиевкта в перевороте 963 г., Михаила Керуллара в событиях 1057 г. Успех этих переворотов показывал, какой угрозой могла стать власть патриарха для безопасности императора а благосостояния государства, и бесспорно свидетельствовал о необходимости почтительного отношения к главе константинопольской церкви.

Развитие монашества создавало в церкви наряду с патриархом другую силу, с которой также следовало считаться. Византийское общество относилось к монахам с благоговением; императоры первые выказывали глубокое уважение к людям, отказавшимся от земных благ, чтобы принять «чин ангельский». Юстиниан говорит в одной из своих новелл, что монашество является «не только по природе своей святым, так как оно приводит души к богу и, следовательно, спасительно для тех, кто принимает иноческий чин, но и полезным всему обществу святостью нравов и молитвами, которые оно обращает к богу», и далее: «Если эти чистые руки и святые души молятся за империю, армия будет крепка, благополучие империи упрочится, земледелие и торговля будут процветать под благодетельным влиянием божьим». И все общество рассуждало так же, как император. Богатый византиец считал за честь основать и щедро одарить новый монастырь. Почти все византийцы, даже наиболее с виду равнодушные, в предчувствии

смерти проявляли желание вступить в монастырь, надеть на себя облачение монаха и умереть в святости, чтобы обеспечить себе вечное спасение. В столице было множество монастырей, да и во всей империи расцвет монашества вызвал к жизни большое количество монастырских общин. Некоторые из этих монастырей прославились, в том числе Студийский монастырь в Константинополе, монастыри на Олимпе и в Вифинии, на далеком Синае, на «святой горе» Афон. Некоторые монастыри хранили в своих стенах знаменитые реликвии или святые иконы, к которым по временам стекались толпы паломников, поклонявшихся этим святыням и ожидавших от них чудес. Это служило для монахов источником большого влияния. Другие монастыри, как Студийский, были центрами умственной или художественной деятельности, что также усиливало их авторитет и являлось орудием распространения их влияния. Монашество имело гораздо большее влияние на умы, чем белое духовенство, и поэтому направляло соответственно своим стремлениям развитие сознания византийского общества. Наконец, монастыри были очень богаты, и их богатства благодаря новым даяниям без конца росли. Все это превращало монашество в могущественную силу, и эта сила неоднократно вмешивалась в важнейшие дела государства. Нередко константинопольские монахи целыми процессиями шли в императорский дворец и несли туда свои жалобы и требования. И не раз случалось, что шумные манифестации, производившие большое впечатление на население столицы, определяли решение императора. Известно, какую большую роль играли монахи в борьбе за иконы и какое сопротивление они оказали императорам-иконоборцам. Они пошли еще дальше и под влиянием студитов, в начале IX в., пытались освободить церковь от императорской власти, что несколько напоминает происходившую на Западе борьбу за инвеституру. «Церковные дела, — объявлял Феодор

Студит императору Льву V, — касаются священников и ученых богословов; император управляет внешними делами. Первым принадлежит право принимать решения, относящиеся к догматам веры; ваш же долг повиноваться им и не посягать на их права». Студиты также утверждали: «Власть над божественными догматами не была дарована императорам, и если они попытаются ее осуществлять, то это им не удастся». Это были большие новшества, но они не привели к победе над императорской властью. И все же попытка, с большой твердостью предпринятая студитскими монахами, показывает, что монахи, как и патриарх, были силой, которой нельзя было пренебрегать.

Мы видели, что в сношениях с патриархом последнее слово почти всегда было за императором и что императорское правительство пресекло попытку монахов избавить церковь от опеки императорской власти. Однако за монастырями необходимо было зорко следить как в виду последствий роста их социально-экономического могущества, так и по причине смуты, которую часто поддерживали монахи. Монастыри привлекали в большом количестве религиозно настроенных людей. Это отрывало работников от земледелия, солдат от армии, облагаемое население от выплаты налогов. Имущество монастырей часто освобождалось в ущерб казне от налогового обложения; усиление могущества монастырей вызывало тревогу у центрального правительства, а их непрерывно возрастающее богатство вызывало зависть у императоров. Это определило политику в отношении земель, принадлежавших монастырям. В течение долгого времени императоры сами способствовали росту богатства монастырей. Но мало-помалу наступила реакция. Императоры-иконоборцы закрыли многие монастыри и конфисковали их имущество; в X веке были проведены и другие мероприятия. Никифор

Фока был набожным человеком; он оказал большую помощь св. Афанасию при учреждении самого древнего из афонских монастырей — Лавры — и осыпал монастырь своими благодеяниями. Тем не менее, став императором, он издал закон, по которому запрещалось открывать новые монастыри и дарить землю уже существующим, а монахам — присваивать земли бедняков. Эта суровая мера оставалась в силе в течение четверти века — до того момента, когда Василий II, стремясь заручиться поддержкой церкви во время крупных восстаний феодалов, оказался вынужденным пойти на большие уступки. В новелле 988 г. было объявлено, что закон Никифора Фоки был «началом зол, от которых страдала империя, ибо он посягал не только на благочестивые монастыри, но и на самого бога», — и эдикт Никифора Фоки был в конце концов отменен. Такой же политики по отношению к монахам придерживались императоры XII в. Алексей Комнин основал Патмосский монастырь, который должен был служить для остальных монастырских общин образцом дисциплины, расшатанной во многих монастырях. Мануил Комнин также основал на Босфоре образцовый монастырь, но вместо того, чтобы наделить его богатыми дарами в виде земельных владений, он ограничился пожалованием ему денежных сумм на содержание общины и восстановил закон Никифора. Эти энергичные меры имели, однако, незначительный эффект. В живописной картине монастырской жизни, которую дал нам Евстафий Фессалоникийский в конце XII в., показано, до какого упадка дошла дисциплина в монастырях. Главной заботой монахов было обогащение и выгодная эксплуатация земельных владений. Вместо благочестивой жизни, предписываемой монастырским уставом, они принимали участие в светской жизни, увлекались лошадами, охотой; невежество же их доходило до

крайнего предела. И если они не заражали благочестивые души этой деморализацией, то смущали их бесплодным умствованием. В монастырях Афона возник в XIV в. спор вокруг учения исихастов, который волновал империю около двадцати лет. В этот период монахи, не колеблясь, вмешивались в политическую борьбу и приняли сторону Иоанна Кантакузина в борьбе с его противниками. Не меньшую активность они выказали, когда в XIV и XV вв. императоры пытались восстановить унию с Римом. Все это убедительно свидетельствует о том, что монашество подобно патриархату представляло опасность, с которой император должен был постоянно считаться.

Тем не менее в итоге религиозная проблема была решена в желательном для императорской власти направлении. Законодательные тексты отчетливо показывают, что императоры играли большую роль в жизни церкви. Юстиниан, установив принцип, что «хороший порядок в церкви — оплот империи», объявил первой обязанностью государя «сохранять нетронутой чистой христианскую веру, защищать против всякого потрясения государство святой вселенской апостольской церкви»; он думает, что «ничто не может быть более угодно богу, чем согласие всех христиан в единой и чистой вере». Этим и руководствовались в своей политике византийские императоры на протяжении всего существования империи. Разумеется, некоторые честолюбивые патриархи, сталкиваясь со слабыми императорами, оказывали на них сильное давление. Михаил Керуларий в 1054 г. навязал Константину Мономаху разрыв с Римом и окончательно освободил восточную церковь от подчинения Риму. Когда в XIII в. Михаил VIII на Лионском соборе и его преемники в XIV в. и в первой половине XV в. пытались восстановить унию с папством, патриарх стал во главе оппозиции и оказался для императора

серьезным противником, неоднократно одерживавшим над ним победу. Однако в целом восточная церковь оставалась покорной приказам императора, в то время как римская церковь, управляемая великими папами, превратилась в независимую силу. И если мы находим в истории византийской церкви славные страницы, — вспомним историю христианских миссий, руководимых в IX в. патриархом Фотием, — все же остается неоспоримым, что она чаще всего оставалась орудием императорской политики.

ГЛАВА VII

ВОЕННАЯ ПРОБЛЕМА

На всех своих границах империя имела опасных врагов. Защита территории была поэтому одной из самых важных забот императоров. Каким образом императоры пытались разрешить военную проблему, более серьезную, чем все остальные, и в какой мере им это удалось?

Самой насущной задачей было создать хорошую армию. «Армия, — говорит один император, — для государства то же, что голова для тела. Если не заботиться о ней, само существование империи может быть поставлено под угрозу». И действительно, пока армия была сильна, империя продолжала существовать.

Из каких элементов состояла эта армия? Что бы ни говорили, национальный рекрутский набор *πρωτότων* всегда существовал и сохранял свое значение. Солдаты, которых он доставлял, фигурируют в законодательных актах под названием *στρατιώται*, но не в силу каких-то особых заслуг, а потому что в них хотели видеть наследников древних римских легионов. В одной императорской новелле они именуется «святыми легионами *στρατιώται*». В течение VII в., может быть со времени Ираклия, появляется новая система военной повинности — «система военных феодалов» (*στρατιώται Λήεις*), применяющаяся как к подданным империи, так и к некоторым инородным элементам. Эта система состоит в наделении землей при условии несения

военной службы, чтобы обеспечить постоянный характер этой службы; надельным землям предоставлялись некоторые привилегии: земля становится неотчуждаемым наследственным владением, переходящим к одному из сыновей, если отец становится не способным к военной службе. Развитие этой системы завершается в X в., как показывают некоторые императорские новеллы, в частности новелла Константина VII, относимая к периоду между 945 и 959 гг. и кодифицирующая «то, что прежде установлено обычаем и не записано в законе», и две новеллы Никифора Фоки. По этим законодательным текстам можно установить характер организации системы

Надельные земли разбивались на две категории в зависимости от вооружения, которое обязаны были поставлять их владельцы. Надель первой категории стоимостью в 4 фунта золота предназначались для всадников и для моряков трех областей — фемы Самос, побережья Эгейского моря и Кивирреотов, где набирался цвет византийского флота. Надель второй категории стоимостью в 2 фунта золота предназначались для остальных моряков и, вероятно, для пехоты. Можно предположить, что последняя имела незначительный удельный вес в армии: избранную часть составляла кавалерия, вследствие чего солдаты часто обозначаются именем всадников, *καβαλλάριοι*. Кавалерия состояла из двух частей: тяжелой, носившей шлемы и хорошо вооруженной, и легкой, трапезитов, которой принадлежала решающая роль в большинстве выигранных сражений. Эта система военных участков существовала до конца империи. Начиная с XI в., она приняла новую форму пронии (*πρόνοια*): землей пользовался не сам держатель, населявшие ее жители лишь платили держателю налоги. Эта новая форма пожалования, особенно распространенная в XIII и XIV вв., уже применяется не только к воинам, а из

воинов преимущественно к командирам. Чаще всего эти владения жалуются крупным земельным собственникам, которые за это должны поставлять в армию известное число хорошо вооруженных всадников. Но в той или иной форме в основе системы лежит один и тот же принцип, то есть пожалование военного феода под условием службы в армии. Императоры прилагали все усилия для охраны воинов, получавших надель, которые, надо сказать, были объектом многочисленных притязаний. Соседние крупные землевладельцы стремились купить или захватить их. Финансовое ведомство, облагая их земельным налогом, донимало владельцев невыносимым крючкотворством. Против всего этого императоры X века, как показывают их новеллы, боролись всеми средствами. И пока в их распоряжении был достаточный земельный фонд для создания военных надделов, главным образом из императорских доменов, эта система процветала и давала ожидаемые результаты.

Другая часть византийской армии состояла из наемников. Империя охотно вербовала солдат среди соседних народов, поставлявших ей или целые дружины во главе со своими племенными вождями или большое количество варваров различного происхождения, являвшихся на службу в византийскую армию. Император был правителем, который хорошо платил. Командиры имперской армии получали чрезвычайно высокое жалованье, и это было соблазном для армянской и кавказской знати и разжигало аппетиты скандинавских или русских искателей приключений. Довольно высокое жалованье получали часто и рядовые воины. Вместе с тем императоры имели к этим иноземным воинам, не заинтересованным во внутренних делах империи, больше доверия, чем к своим собственным подданным. Императоры охотно предоставляли крупные командные посты, высокие военные звания, ино-

земцам, предпочитая их в интересах личной безопасности. Один из гвардейских полков, гетерия, состоял почти исключительно из иноземцев: русских, скандинавов и хазаров. Знаменитая варяжская дружина, чьи военные подвиги на всем протяжении византийской истории гремели на весь мир, набиралась сначала из русских, а впоследствии из исландских и норвежских норманнов и из англосаксов. Во все времена наемники составляли значительную часть византийской армии. В эпоху Юстиниана мы встречаем в ней бок о бок вандалов и готов, лангобардов и славян, герулов, гепидов, африканских мавров; в X в. появляются хазары, печенеги, русские, арабы, турки, норманны из Скандинавии и из Италии и особенно армяне. В армии Комнинов мы встречаем англосаксов и скандинавов, итальянцев и немцев, латинян из всех западных стран, франков из Франции, норманнов из Сицилии и представителей всех народов Востока. Позднее Палеологи использовали каталонцев и турок, генуэзских и венецианских кондотьеров, сербов и болгар, и в ту эпоху эти элементы составляли наиболее значительную часть византийской армии.

Как была организована эта армия? Она состояла из двух частей: линейных войск (*τάγματα*, *τάγματα*), очень подвижных, предназначенных для больших походов и всегда готовых к переброске в ту или иную местность, и пограничных войск. Это была система весьма давнего происхождения. Еще Рим создал специальные войска *limitanei* для защиты *limes*, то есть областей, примыкающих к границе. Византия сохранила эти войска специального назначения и назвала их *ἀγροῖται*. Они также пользовались—и даже шире, чем остальные войска—преимуществами системы военных наделов. Земли, которые жаловались этим войскам, были полностью освобождены от обложения земельным налогом. Оставаясь в одном определенном месте — на

своих участках, по соседству с границей, — акриты были организованы для быстрой и надежной защиты территории, и они, как мы это увидим, превосходно выполняли свою задачу. Византийский эпос воспел их, повествуя о подвигах Дигениса Акрита, и Мануил Комнин еще в XII в. гордился прозвищем «новый акрит».

Тем не менее организация обороны границы претерпела с VI в. большие изменения. Некогда Рим удовлетворялся строительством вдоль *limes* единой линии крепостей, занятых сильными гарнизонами. Иной системы защиты придерживалась Византия, и трактат «О постройках» Прокопия ясно показывает, как она была организована во время Юстиниана. Вместо единой линии крепостей вдоль границы строились две или три параллельные линии укреплений, и Прокопий хорошо объяснил, каким новым потребностям они отвечали. «Желая укрепить границу на Дунае, Юстиниан покрыл берег многочисленными крепостями, установил вдоль него посты, чтобы помешать варварам перейти через реку. После завершения этих построек он, понимая всю тщету человеческих надежд, рассудил, что, если врагам удастся преодолеть это препятствие, население окажется совершенно беззащитным, враги смогут обратить его в рабство и разграбить его имущество. И он не удовольствовался постройкой крепостей вдоль реки, что обеспечивало общую безопасность, но возвел укрепления на всех равнинных местах, так что каждое земельное владение превратилось в укрепленный пост или находилось по соседству с какой-либо крепостью. И этим, говорит историк, Юстиниан действительно спас империю».

Византия никогда не отступала от этой системы военной обороны. Азиатская часть империи, как и Балканский полуостров, была покрыта укреплениями; в Азии XI в. «вся территория была сплош-

ной крепостью». Защита этих военных границ была поручена акритам, которые, водворившись со своими семьями на пожалованных им землях, обязаны были наблюдать за врагом, отражать вторжения, защищать территорию, вести оборонительную и наступательную войну. Один любопытный трактат X в., посвященный вопросам тактики, рисует в живых, выразительных образах картину непрерывной борьбы, происходившей в пограничных областях, в горах Тавра или на границах Каппадокии, при постоянной угрозе арабских вторжений. Это была трудная и сложная борьба, так как со слабыми силами требовалось оказывать сопротивление предприимчивому врагу; нужны были смелые разведки, засады и внезапные удары, и здесь легкая кавалерия трапезитов выказывала чудеса. Вся граница охранялась сетью небольших наблюдательных постов, соединенных с главной квартирой системой сигнализации. Как только становилось известно о продвижении неприятеля, по всем направлениям высылались кавалерийская разведка, и под таким прикрытием проводилась мобилизация; пехота занимала проходы, население равнинных областей стекалось к крепостям, к определенным пунктам стягивалась армия. В инструкциях, выработанных на этот случай, не было упущено ни одной мелочи. Меры, касавшиеся концентрирования войск, осведомительной службы и службы снабжения, засад и шпионажа, тактика ночных атак — все было предусмотрено и тщательно регламентировано. Предпринимались отважные рейды на вражескую территорию с целью диверсий. В это время византийский стратиг, вступая в соприкосновение с неприятелем, завязывал сражение и в большинстве случаев обрушивал на него внезапный удар, сочетая храбрость с хитростью.

Это была жестокая война, где главную роль играла кавалерия, где следовало быть постоянно на-

чеку, чтобы не оказаться застигнутым врасплох, и зачастую с небольшими силами приходилось ставить в затруднительное положение превосходящие силы врага, война, полная отважных рыцарских приключений и доблестных подвигов, которые закаляли дух воинов. Описывая эти подвиги в эпосе о Дигенисе Акрите, поэт называет своего героя «образцом храбрых, славою греков, умиротворителем римлян». Следует еще отметить религиозный характер этой войны: солдаты сражаются не только для того, чтобы защищать территорию, не только за императора, но, говоря словами того же трактата о тактике, «за нерушимость христианской общины», и если они одерживают победу, то «по милости божьей». К римской традиции Византия прибавила новую черту: войне придавался характер крестового похода.

Новой чертой было и патриотическое чувство. Слово «родина» появляется в византийских текстах начиная с X в.

Несмотря на величие задач, возлагавшихся на византийскую армию, не следует преувеличивать ее численность. Цифры, приводимые арабскими писателями, утверждающими, будто армии византийских императоров X в. исчислялись в 100 или 150 тыс. человек, не совсем достоверны. В действительности азиатская армия, которая, несомненно, была лучшей силой империи, насчитывала в X в. около 70 тыс. человек. Если к ней прибавить 24 тыс. солдат имперской гвардии и войска Балканского полуострова, получим в общей сложности не более 140 тыс. человек. Мы видим, что как в VI, так и в XII в. самые крупные экспедиции совершаются армиями, насчитывающими от 30 до 50 тыс. человек, и что армейский корпус от 5 до 6 тыс. солдат был значительной силой. Эта армия была превосходно обучена. В дошедших до нас трактатах по тактике, относящихся к VI—XI вв. и приписываемых императорам Маврикию, Льву VI, Никифору Фоке и Василию II, опи-

связываются в красочных подробностях все упражнения, которые должны были выполнять войска, процесс формирования этих армий, оказавшихся способными переносить все испытания, все лишения. Непрерывное совершенствование методов ведения войны обеспечивало этим армиям неоспоримое превосходство перед их противниками. Кавалерия, которая, как мы видели, была в Византии и вообще в средневековом государстве родом оружия благородных, играла в этой армии существенную роль. С другой стороны, Византия применяет мощные соединения военных машин, сохраняемых в Константинополе, в арсенале Мангана. Вот почему византийская армия, действуя на стольких театрах военных действий, одерживала в течение долгих веков блестящие победы. В VI в. она свергла королевства вандалов и остготов, в VII в. она уничтожила могущество персидской империи, в VIII в. сдержала натиск ислама, в X в. восстановила в Азии престиж Византии и потопила в крови великое Болгарское царство, родившееся на Балканах. Еще в XII в. ей удалось нанести поражение норманнам, венграм и туркам. Таким образом, в течение шести столетий она оказывала империи большие услуги. Она украсила свои знамена ореолом славы. Наконец, обладая такими качествами, как храбрость и искусство стремительного натиска, эта армия много раз получала замечательных полководцев: в VI в. Велизария и Нарсеса, в VII в. Ираклия, в VIII в. императоров Льва III и Константина V, в X в. Иоанна Гургена, которого писатели сравнивают с Траяном и Велизарием, а также полководцев из фамилии Фоки, которые в течение трех поколений вели армии империи от победы к победе. Блестящими полководцами были и великие императоры Македонской династии Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, Василий II; в XII в. императоры фамилии Комнинов, в особенности Мануил; этот бесстрашный

паладин был кумиром своих солдат. Память об этих великих полководцах всегда жила в Византии, и народ много раз взывал к ним в тяжелых обстоятельствах, умоляя их восстать из гроба, чтобы еще раз повести своих солдат к победе. Все это достаточно убедительно показывает, насколько несправедливо и наивно было бы видеть в истории Византийской империи лишь одну непрерывную линию упадка.

Без сомнения, эта армия отличалась и большими недостатками. Наряду с превосходными солдатами рекрутский набор внутри страны часто давал людей посредственного качества, вследствие чего императоры нередко заменяли для своих подданных военную повинность налогом. С другой стороны, эта армия страдала недостатками, свойственными войскам наемников; она была порой недостаточно дисциплинирована, ее вечно волновал вопрос о жаловании, который часто был причиной восстаний или дезертирства. Хотя армия и вела войну против врагов, но она никогда не останавливалась перед грабежом граждан империи, что часто ставило в затруднительное положение командующего и даже самого императора. Она постоянно вмешивалась во внутренние дела империи. Тесно связанная с крупными феодалами, занимавшими высокие посты, она готова была поддерживать их во всех попытках переворотов. Но эта армия все-таки была замечательным орудием войны, позволившим византийским императорам не только защищать империю, но даже расширить ее пределы, и одерживать блестящие победы. Поэтому императоры проявляли большую заботу о своих солдатах. В этом отношении весьма примечательны новеллы X в. Тот, кто хочет, говорят они, чтобы солдаты шли «с веселой душой, горячим и удовлетворенным сердцем подвергать опасности свою жизнь за наших святых императоров», тот, кто хочет «воспламенить их храбрость и пробудить в них отвагу для стремления к невозможному», не

должны жалеть для солдат ни даров, ни привилегий. Император порой лишается сна, — так он полон заботы о том, как уберечь солдат от дурного обращения или от захвата их земли. «Надо, чтобы они пользовались всяческим уважением, вполне ими заслуженным; их, отдающих жизнь за благо святых императоров и свободу христиан, надо защищать от презрения или дурного обращения со стороны сборщиков налогов, не приносящих империи никакой пользы». Солдат может быть судим только своими начальниками. «Нельзя равнодушно смотреть, как заковывают, точно рабов, и избивают палками наших защитников, спасителей христианства, которые, так сказать, каждодневно принимают смерть за святых императоров». Необходимо поддерживать в солдатах веселое настроение, довольство, энтузиазм, и это делает их более смелыми и стойкими. С их помощью император не только защитит империю, но и подчинит себе все земли своих врагов. Мы видим, как велика была роль, которую играл в византийском обществе воин, и как его возвышали над гражданскими элементами пожалованные ему привилегии и оказываемый ему почет.

Становится понятным, почему Никифор Фока требовал от патриарха, чтобы церковь почитала воинов, погибших в сражениях против неверных, наравне с мучениками за веру.

Так пытались решить военную проблему византийские императоры и часто достигали успехов на этом пути. Почему же их армия не оказала до конца тех услуг, которые от нее ожидалась? В этом, быть может, более повинно правительство, чем сама армия. Начиная с VI в., обширные замыслы Юстиниана, длительные войны в Африке и Италии истощили византийскую армию, а политика щедрых субсидий вторгавшимся варварам, осуществлявшаяся Юстинианом в последние годы его правления, имела

следствием все большее пренебрежение к военным предприятиям, так что, когда Юстиниан умер, византийская армия, по свидетельству одного официального документа, была сведена почти к нулю. Ираклий, исаврийские императоры, государи Македонской династии добились восстановления ее мощи. Но в XI в. политика, которой держались императоры после смерти Василия II, рост бюрократии, пренебрежение к высшим военачальникам и поддерживавшей их армии имели следствием недостаточную заботу о военных учреждениях. И когда в середине XI в. турки-сельджуки вторглись в Малую Азию, когда в 1071 г. византийцы были разбиты в несчастный день Манцикерта, удар, нанесенный империи, был непоправим: она потеряла большую часть Азии, то есть область, которая поставляла империи ее лучших солдат и моряков и была для нее источником военной мощи. Правда, Комнинам в XII в. удалось возродить армию, но они не сумели извлечь из этой восстановленной военной силы все, чего ожидали. Захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. был смертельным ударом, повлекшим за собой расчленение империи. Хотя Михаилу VIII Палеологу удалось снова взять Константинополь, хотя он проявил себя великим государем, все же он не мог исправить тяжелые последствия событий 1204 г. С конца XIII в. мы наблюдаем непрерывно растущий упадок всего, что некогда составляло военное величие Византии: постоянное сокращение контингентов армии вследствие последовательной утраты в Азии, а затем и в Европе той территории, которая прежде поставляла солдат; ухудшение качества войск, становившихся более склонными к бегству, чем к сражению; растущее значение наемников в армии Палеологов; падение дисциплины в рядах иноземцев, находившихся на службе у Византийской империи; наконец, у этой малочисленной недисциплинированной армии не

было, за редкими исключениями, военачальников, способных завоевать у воинов авторитет своими талантами и умелым военным руководством. По мере того как на Константинополь со всех сторон надвигалась опасность (продвижение сербов на Балканском полуострове, появление на сцене турок-османов, которые, став хозяевами всей Анатолии, в середине XIV в. проникли в Европу), Византийская империя превращалась в совокупность разбросанных, отделенных одна от другой областей. Превосходная организация обороны границ уже отошла в прошлое. Еще держались только отдельные крепости, защищавшиеся более или менее продолжительное время, каждая за счет своих ресурсов. К началу XV в. Константинополь с ближайшими к нему территориями представлял собой почти всю империю. Характерным признаком слабости византийской армии является тот факт, что в момент решающего кризиса 1453 г. последнему императору Византии помогли в его героическом сопротивлении грозному натиску мусульман главным образом иноземные наемники.

Византийские императоры на протяжении многих веков удачно решали военную проблему и создали замечательный инструмент войны, обеспечивавший оборону империи и позволявший предпринимать завоевания с целью ее расширения. Пока эта армия оставалась нетронутой, пока существовала сеть крепостей, успешно оборонявших границы, Византия в течение многих веков была мощной державой, с которой не мог справиться ни один из ее противников. Но с разложением армии империи пришел конец, и еще до своей гибели в 1453 г. она уже около столетия была мертва вследствие утраты своей военной мощи и, как мы это увидим, истощения своих финансов.

ГЛАВА VIII

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРОБЛЕМА

По удачному выражению Рамбо, Византийская империя была «целиком искусственным формированием, управлявшим двадцатью различными национальностями и объединявшим их в формуле: «один повелитель, одна вера». Чтобы дать империи недостающие ей единство и силу, нужна была хорошая администрация. Административной проблеме византийские императоры уделяли много внимания. Создать мощную администрацию, точно определить обязанности чиновников и цели их деятельности было важной задачей правительства империи. Какими же средствами оно осуществляло эту задачу?

После того как Константин перенес столицу в Константинополь, учреждения римской империи продолжали существовать в прежнем виде. Реформы Диоклетиана и Константина легли в основу системы управления на Востоке в такой же степени, как и на Западе. За несколькими исключениями, о которых речь будет ниже, такое положение продолжалось до начала VII в. Когда в VI в. Юстиниан завоевал Африку и Италию, его первой заботой было восстановить там римские учреждения, с которыми эти провинции уже были знакомы. С этой целью Юстиниан определил роль чиновника в двух указах, изданных в апреле 535 г. Роль эта заключалась в том, чтобы собирать налоги аккуратно, но не притесняя подданных и воздерживаясь от взяточничества.

ства. Одним словом, Юстиниан желал, чтобы чиновники придерживались политики «чистых рук» — требование, которое все чаще встречается в императорских новеллах. То же самое требование и в тех же выражениях несколько веков спустя Василий I предъявил правительственным агентам. При Ираклии и его преемниках в системе управления произошли глубокие изменения. Они определялись требованиями внутренней политики, внешней обороны, развитием Востока в эллинском направлении. Но и до и после этого византийская администрация сохраняла некоторые основные черты: хороший подбор чиновников, тщательно подготовляемых к выполнению своих задач, высокую централизацию, полную зависимость от императорской власти, хорошую систему контроля, понимание чиновниками своих обязанностей. И этими качествами она отличалась до конца существования империи.

Священный дворец был центром политической и административной жизни империи. Все зависело от императора: и юстиция, и финансы, и администрация — все направлялось верховной волей. Константин вместе с двором перенес в Константинополь и сенат, который в V и в начале VI в. играл еще важную роль, особенно в решении вопроса о выборе императора. Однако этот сенат все более и более отличался от прежнего римского сената, все более походил на *consistorium principis*, то есть был малочисленным собранием, составленным из высших сановников, и, следовательно, вполне подчинялся воле государя. Мало-помалу его влияние все ослабевало. Двумя своими новеллами Лев VI отнял у него право рассматривать дела и назначать чиновников, а также вмешиваться в законодательство. И если в моменты кризиса или за неимением наследников трона, или при их несовершеннолетии византийский сенат снова обретал некоторую долю

своего прежнего значения, — это было не правилом, а исключением. Между тем вне сената все еще существовала сенаторская знать, члены которой, *συγκλητικοί*, играли в византийском обществе роль, аналогичную роли *clarissimi* в прежней Римской империи. Эта сенаторская аристократия разделилась на 18 разрядов, из которых каждый отвечал определенной должности. Наиболее высокими из этих должностей были магистр, проконсул, патриций, протоспатарий и т. д. Каждому из них присваивались особые инсигнии, *ζῳαζεία*, возлагавшиеся императором на сановника, вступавшего в ряды аристократии. Лица, облеченные высшими должностями, составляли избранный круг, носивший название *ἀρχόντες τῆς συγκλήτου*. В системе управления империи эта знать занимала важное место. Каждое из 18 званий в сенатской аристократии соответствовало определенным должностям административного аппарата, особенно при заполнении 60 высших должностей гражданского или военного управления. Необходимо тут же обратить внимание на два обстоятельства. Только император мог указом включать новое лицо в состав сенаторской знати или перемещать сановников на более высокие должности. Император декретом *δια λόγου* назначал кандидатов на 60 высших должностей управления. Все чиновники были заинтересованы в том, чтобы заслужить повышение и открыть себе доступ в ряды сенаторской аристократии или получить более высокий административный пост. Вследствие этого всякий высший сановник обозначался на административном византийском языке двумя наименованиями, из которых одно указывало на его ранг в сословии аристократии, другое — на его должность: например, магистр и доместик схол, патриций и стратиг, протоспатарий и глава финансового ведомства (*ἐπί των δεήσεων*). С другой стороны, надо заметить, что в этой системе ранг чиновника военного управления

соответствовал подобному же рангу в гражданской администрации; domestik схол, главнокомандующий армией, стоит на пятом месте в списке высших сановников; стратеги, одновременно выполняющие функции правителей провинций и командующих войсками, идут впереди министров, а самый важный из них, стратиг фемы Анатолии, стоит в этом списке на четвертом месте. С другой стороны, очень высокая должность префекта города, первая из гражданских должностей, занимает лишь восемнадцатое место в списке 60 высших должностей, сакелларий — тридцать второе, логофет дрома — тридцать седьмое, хотя оба являются министрами. Наконец, следует отметить, что наряду с членами сенаторской аристократии, выполняющими административные функции, многие имеют лишь титул члена сенаторской аристократии (их называли *λιτοί, ἀρχατοί*) и представляют ценный резерв для пополнения рядов администрации.

В столице, вокруг государя, центральное управление осуществлялось начальниками крупных ведомств — министрами, если их можно так назвать, руководившими высшей администрацией и творившими волю императора по всей империи. Эти ответственные перед императором министры были во времена Римской империи малочисленны и, следовательно, имели весьма широкие полномочия. В Византийской империи их число с течением времени увеличивалось. Хотя они оставались ответственными перед императором, их компетенция была менее широка. По сравнению с началом VII в. названия должностных лиц в большинстве случаев изменились, и под возраставшим влиянием греческого языка латинские названия, существовавшие еще при Юстиниане, были постепенно вытеснены греческими. Только *quaestor*, министр юстиции, сохранил свое прежнее название. Префект города назывался теперь *επαρχομ, rationales* превратились в *логофетов*. Важное звание «префект

претория» совершенно исчезло в 680 г. Крупными сановниками византийского управления были следующие лица: четыре логофета — логофет дрома, который первоначально руководил путями сообщения и постепенно превратился в министра внутренних дел и полиции, иностранных дел, а затем, к концу XII в., с титулом великого логофета стал поистине первым министром; логофет государственной казны (του ὑεμιοῦ) был руководителем финансового ведомства; военный логофет (του στρατιωτικοῦ) главным казначеем армии; логофет доменов των αὐτελῶν управлял царскими конюшнями и имениями. Другие высокие должности финансового ведомства поручались *картулярию сакеллия*, управлявшему частным имуществом императора, *эйдиду*, заведывавшему мастерскими и арсеналами, и, наконец, особо высокому лицу, *сакелларию*, который ведал финансами и осуществлял сверх того контроль над всем аппаратом центральных ведомств. *Доместик схол*, или великий доместик, был высшим главой армии; *великий друнгарий* — главой флота. Наконец, на эпарха возлагалась нелегкая обязанность управлять столицей; он наблюдал за корпорациями, факциями цирка (димами), полицией, заботился о снабжении столицы продовольствием. Таким образом, он занимал особо важное место в византийском правительственном аппарате.

От каждого из этих министров зависели их управления, *sécréta* или *logothesia*, с многочисленным персоналом. Эта умело организованная бюрократия обеспечивала в Византии, как и в Риме, прочное управление, дисциплину и связь между различными частями империи. Множество низших чиновников (*σχερητικοί*), изучавших все мелочи дел, подготавливавших решения, проводивших волю императора, действительно были мощным орудием, подерживавшим Византийскую империю.

Этой крупной бюрократии, управлявшей из Константинополя всей системой имперской администрации, подчинялся провинциальный административный аппарат, полностью преобразованный в VI в. при Ираклии и его преемниках. Юстиниан счел необходимым упразднить в некоторых восточных провинциях традиционное разделение власти на гражданскую и военную, соединив в интересах поддержания порядка обе функции в руках одного лица. Немного позднее, в конце VI в., необходимость усиления обороны вызвала подобное же изменение в экзархатах Африки и Италии, где представители гражданского управления были подчинены военачальнику — экзарху. Это было началом большой реформы, завершенной в VII в. и носившей название фемного устройства. Длительная война против персов, затем нашествие арабов, а в конце VII в. — болгар заставили Ираклия и его преемников предпринять на Востоке меры обороны, подобные проведенным на Западе. Военная и гражданская власть были соединены в руках одного лица, и управление возложено на стратига, командующего корпусом армии или $\theta\epsilon\iota\sigma\alpha$, расположенным в провинции, получившей теперь название *фемы*. При новой административной системе вся империя была разделена на семь крупных военных управлений, перечисленных в одном императорском письме конца VII в. Но эти обширные, богатые провинции, занятые большими военными силами, не были безопасны для внутреннего состояния империи, так как у командовавших ими стратигов возникали честолюбивые стремления, вызывавшие тревогу у центрального правительства. Исаврийские императоры сочли поэтому целесообразным раздробить эти обширные управления. Число фем в IX в. еще возросло: в 899 г. в империи было 25 фем, а в середине X в. — 31. Завоевания императоров Македонской династии увеличили — в некоторых случаях временно — количество фем, а позднее были введены некоторые

изменения в организации провинции. Но до конца существования Византийской империи фемное устройство и его принципы оставались основой управления. Не все фемы имели одинаковое значение. Азиатские фемы занимали первое место в административной иерархии, их правители лучше оплачивались и пользовались особенным почетом. Европейские фемы считались низшими по своему рангу. Только две из них, Фракийская, на территории которой находился Константинополь, и Македонская, относились к той же категории, что и азиатские фемы, и их правители имели такое же значение. Остальные фемы Балканского полуострова имели меньший вес. Это легко понять, если вспомнить, что до конца XI в. Азия была мощной опорой империи, страной, которая доставляла ей лучших солдат и моряков.

Как управлялись новые провинции? Во главе фемы стоял *стратиг*, крупный военачальник, командовавший войсками, руководивший их операциями и облеченный сверх того всей полнотой власти над административным аппаратом, судом, финансами и т. д. Объединенная властью стратига фема разбивалась на подразделения, называвшиеся *турмами*, во главе с *турмархами*. Турма, в свою очередь, содержала известное число подразделений, или *τοποτηρησία*, управлявшихся *комитами* или *трибунами*. В виде исключения правители некоторых провинций носили особый титул — комита в феме Олсикий, катапана в южной Италии, дука в Антиохии, проноэта в Болгарии. Но всюду оставался в силе один и тот же принцип объединения всей власти в руках крупного военачальника. Наконец, некоторые крепости, имевшие особое стратегическое значение, составляли небольшие управления, называвшиеся *клицурами* и неоднократно преобразовывавшиеся в фемы. Они управлялись командиром с титулом *клицуарха*.

Стратиг был, таким образом, всевластным са-

новником, подлинным наместником императора в провинции. Он имел право непосредственно сноситься с императором, что еще больше укрепляло его авторитет. Свои функции он осуществлял через должностных лиц, из которых одни составляли его штаб, другие под его руководством ведали непосредственно делами управления. Среди последних наиболее значительным сановником был *протоно-тарий фемы*, в виде исключения — лицо гражданское. Он подчинялся стратигу, но имел также право и непосредственных сношений с императором. Протонотарий руководил в феме судом и особенно организацией финансов. Он управлял многочисленными чиновниками, собиравшими налоги, ведал всеми расходами в провинции, распределял жалованье служащим и солдатам, отпускал средства монастырям и благотворительным учреждениям, отсылал излишек доходов в Константинополь. Таким образом, он играл в феме роль своеобразного противовеса всеильному стратигу, и центральное правительство имело в его лице представителя интересов гражданской власти, наблюдавшего за стратигом.

Впрочем, центральное правительство очень внимательно наблюдало за лицами, стоявшими во главе управления. Император охотно посылал в фемы ревизоров, подлинных *missi dominici*, которым поручалось вести борьбу с злоупотреблениями властей. Император охотно принимал донесения епископов о действиях провинциальной администрации и жалобы, которые подданные империи имели право представлять в суд государя. Несмотря на свои неоспоримые достоинства, византийская администрация не была лишена недостатков. Продажа должностей, издавна практиковавшаяся в Византии, вызывала у чиновников стремление выколотить из населения все средства, затраченные ими на покупку должности. Коррупция, нарушение слу-

жебного долга были распространенным явлением среди чиновников. Сбор налогов часто проводили в обременительной для населения форме. Чиновники финансового ведомства стремились прежде всего выполнить все требования императора и удовлетворить все нужды казны. Это тормозило экономическое развитие империи. Но несмотря на свои недостатки, порой тяжело отражавшиеся на заинтересованных лицах, эта администрация играла первостепенную роль в управлении Византийской империей. Она получала хорошую подготовку в правовых школах, которые были настоящими питомниками чиновничества (императоры лично заботились о них, например Константин Мономах в 1045 г. реорганизовал правовую школу в Константинополе), была хорошо дисциплинирована и зависела непосредственно от императора, назначавшего, повышавшего в должностях и смещавшего всех чиновников. Политикой эллинизации она создала интеллектуальное и моральное единство, которого недоставало империи. С помощью церкви она постепенно распространяла православие, которое до некоторой степени восполняло отсутствие национального единства.

История фемы Ликанда показывает на конкретном примере, как агенты государственного управления умели справляться со своими задачами. К началу X в. некий армянский искатель приключений Млех, имя которого византийцы приводят в греческой форме Мелиас, прибыл в Константинополь ко двору Льва VI. Он служил в армии, участвовал в войнах против болгар, а потом обосновался в Мелитене. Из многочисленного местного армянского населения ему нетрудно было создать небольшую армию, с помощью которой он предпринял завоевание почти пустынной области к востоку от Мелитены. Он овладел небольшим городом Ликандом и перестроил там крепость. Ликанд занимал важное

стратегическое положение как начальный пункт путей к Самосате, Киликии, Мелитене и верховьям Евфрата, и потому центральное правительство превратило его в клисуру, во главе которой стал Мелиас. Способный, храбрый и ловкий искатель приключений продвинулся со своими войсками еще дальше и овладел Цамандом, где построил большую крепость. Организовав сильную оборону границы, он неоднократно одерживал победы в столкновениях с арабами. Занятая область отличалась плодородием и благоприятными условиями для разведения скота, особенно лошадей. Мелиас переселил туда из византийских провинций многих граждан, распространявших на новых местах поселения византийское влияние. Процветавшая область была преобразована в фему, и Мелиас, получивший звание патриция и назначенный стратигом, был ее первым правителем. Он оказал области столь большие услуги, что Константин VII возвел его в высокое достоинство магистра. С другой стороны, в новой феме было создано несколько епископств, так что византийская колонизация сопровождалась ростом влияния православной церкви. Таким образом организация управления в Ликанде стала составной частью административной системы империи.

Итак, мы видим, что военачальники были на высоте той роли, которую отводило им центральное правительство. Они нередко встречали на своем пути большие трудности и преграды, особенно в области финансов, которые в Византийской империи всегда были слабым местом. В бюджете империи расходы были очень велики: содержание армии и непрерывные войны, разорительные издержки на дипломатию, блеск и расточительность царского двора, роскошь построек — все это стоило очень дорого. Налоги были весьма обременительны, к старым налогам часто прибавлялись новые, так

как, говоря словами одного из императоров, «без денег государству нет спасения». Важной задачей администрации было обеспечить аккуратное поступление налогов и, хотя правительство предписывало чиновникам воздерживаться от чрезмерных притеснений и блюсти абсолютную честность, на деле налоговая тирания была исключительно тяжелой, и, по словам одного историка VI в., вторжение варваров было не так страшно, как появление агентов фиска. Многие чиновники, даже самые высшие, пускались в различные спекуляции, обогащаясь за счет подданных. Но двору нужны были любой ценой деньги, и император закрывал глаза на поведение своих агентов, если только они удовлетворяли любое требование Константинополя и посылали деньги в столицу. Казна часто испытывала сильные затруднения. К концу правления Юстиниана она была почти пуста, и в начале VII в. серьезной заботой Ираклия наряду с организацией фем было оздоровление финансов. Подобные же трудности возникали в ту эпоху, когда после двадцати лет анархии трон заняли исаврийские императоры, а также в конце XI в., когда Алексею Комнину пришлось сражаться против норманнов. Положение еще ухудшилось в эпоху Палеологов, когда обнаружилась полная невозможность уравновесить расходы с сократившимися доходами. «Денег нет более нигде, — пишет император Иоанн Кантакузин, — запасы израсходованы, государственные сокровища проданы, налоги более не поступают, так как страна совершенно разорена». Никифор Григора говорит об этой эпохе: «Так исчезло прежнее процветание и прежний блеск Римской империи. И не без стыда я рассказываю об этом». Разумеется, по временам государственные финансы находились в лучшем состоянии, особенно после славного правления императоров Македонской династии. В начале XI в.

доходы империи достигали около 650 миллионов, что равняется трем миллиардам золотом в нашей монете. По смерти Василия II в казне был излишек в 220 миллионов, то есть более миллиарда золотом. Но это было не правило, а исключение, и, несмотря на умелую организацию, администрации редко удавалось справиться с финансовыми затруднениями. В этой области административная проблема не была разрешена.

Имперская администрация наталкивалась еще на другие затруднения. В VI в. Юстиниан жалуетя на крупных землевладельцев, которые стремятся захватить в провинциях владения мелких собственников и, находя общий язык с главами провинциальной администрации, легко добиваются поставленной цели. Как говорит одна новелла VI в., провинции становились почти необитаемыми. Перед правительством возникала тяжелая проблема, и государи прибегали к энергичным мерам для ее разрешения. Мы увидим далее, какую роль в этой борьбе центральной власти против крупной аристократии играла администрация и почему административная проблема в этом отношении не была удовлетворительно разрешена. Тем не менее в целом умелая организация византийского управления дала во многих отношениях благотворные результаты. Она оказала империи немалую услугу, надолго обеспечив ей порядок, силу и единство.

ГЛАВА IX
СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

На византийском Востоке, как и на латинском Западе, в первые века средневековья бросается в глаза одно явление: постепенное исчезновение свободной мелкой собственности и свободных людей. В эту эпоху, среди всеобщей тревоги и неуверенности, маленькие, слабые люди охотно ищут защиты у более сильных соседей, отдаются под их патронат, «жоммендируют» себя в обмен на преимущества, которые надеются получить. Они превращаются в клиентов, вассалов этих покровителей и часто признают за ними право на свои земли. Крупные владельцы стремятся то запугиванием, то силой наложить свою руку на земли мелких держателей. Так образуются большие домены, принадлежащие могущественным сеньорам. Новеллы Юстиниана ясно показывают, с какой быстротой совершалась в VI в. эта социальная эволюция и какие последствия она имела. Император то и дело упоминает об этих сеньорах, действия которых, особенно в азиатских провинциях, сильно нарушают порядок в империи. Эти крупные сеньоры, владельцы огромных доменов, окруженные бесчисленными клиентами, без стеснения и боязни нарушавшие распоряжения правительственных агентов, создавали в империи беспокойную атмосферу, тревожившую императора. Мы видим, как в некоторых провинциях крупные фамилии, например фамилия Апионов в Египте,

действуют на своих землях как полновластные повелители и не всегда подчиняются приказам правительства. Тщетно пытается Юстиниан оздоровить эту атмосферу, тщетно исаврийские императоры стараются предотвратить дальнейшие захваты земель, запретив патронат. В IX в. кризис обострился. Вырастала серьезная социальная проблема, противопоставившая друг другу два класса, бедных — *πένητας* и сильных — *δυνατοί*, и опасность была так велика, что императоры IX и X вв. не жалели усилий, чтобы разрешить эту социальную проблему.

Законодательные тексты точно определяют, что такое *δυνατοί*. Это, говорит одна императорская новелла, «те, кому бог дал управлять, те, которые своей славой и богатством вознесены над простыми смертными, те, которые командуют и управляют, стоят на высоких гражданских или военных постах». Крупные сеньоры пользовались этими источниками влияния и авторитета и злоупотребляли ими, «считая бедных своей добычей, жадно набрасываясь на их имущество, предаваясь неистовому грабежу, нападая на них, как чума, и надевая на шею своих подчиненных тяжелое ярмо физического и морального угнетения». К таким сильным выражениям прибегают авторы новелл X в., характеризуя этих крупных сеньоров, алчно «поглощающих имущество бедных»; для них все средства хороши — и покупка за принудительно установленную дешевую цену, и обещание хорошей арендной платы, которая, естественно, никогда не выплачивается. «Отсюда происходит, — говорится в одном документе этой эпохи, — беспорядок во всех делах, отсюда бесчисленные несправедливости, безграничная нищета бедняков, отсюда их стоны, эхо которых доходит до бога». Другой документ добавляет: «для всех тех, кто может это понять, рост власти «сильных» есть нечто такое, что приведет к непоправимой гибели госу-

дарства». И действительно, последствия захватов земли не замедлили сказаться. Исчезновение свободных мелких собственников влекло за собой сокращение числа налогоплательщиков и ослабляло финансовые ресурсы империи. Захваты военных участков разрушали военную организацию и приводили к уменьшению численности армии, ибо «все рушится, — говорится в одной новелле, — за недостатком людей». Но рост могущества крупных сеньоров повлек за собой еще более тяжелые политические последствия. В Малой Азии образовались особенно крупные земельные владения, принадлежавшие таким фамилиям, как Фока, Склиры, Малеины, Комнины, Дуки, Палеологи. Замкнувшись в своих замках, эти сеньоры жили почти независимыми царьками, окруженные всеобщим почетом, который создавали им их подвиги, щедрость, значение их покровительства. Занимая высокие посты в армии, они были уверены в поддержке солдат, благоговевших перед ними. Наконец, эти крупные землевладельцы, тесно соединенные общностью интересов, часто связанные друг с другом семейными узами, были уверены в том, что при всех обстоятельствах смогут сплотить вокруг себя людей своего класса, не считая тех, кто без колебания становился на их сторону, надеясь извлечь выгоду из их победы. Все эти гордые феодалы были для императора непокорными подданными, они неоднократно пытались навязать государю свою волю, а если он сопротивлялся, готовы были прибегнуть к открытому восстанию. Становится понятным поэтому беспокойство, которое эти крупные феодалы причиняли правительству. «Неужели мы не окажем сопротивления, — восклицает Василий II, — замыслам этих людей? Неужели мы оставим в их руках имущество бедняков, которых они бесчестно ограбили?» Императоры без колебания решились на борьбу с феодалами, чтобы устранить возникшую опасность, и во всей социальной

истории Византии эта борьба X в., вероятно, была самым значительным явлением.

С самого вступления на трон Македонской династии Василий I стремился приостановить феодальные захваты. Он хотел, чтобы «отныне бедные не были угнетаемы богатыми». Он стремился отсечь «эти жадные руки, всегда протянутые к имуществу других». Он прилагал усилия к восстановлению мелкой собственности и, по словам одного современного историка, старался «вернуть беднякам жизнь, которую до него всячески угашали». Его преемники действовали не менее энергично: Роман Лекапин издал новеллы об охране мелкого землевладения в 922 и 934 гг., Константин VII — в 947 г.; Роман II и Никифор Фока тоже покровительствовали мелким собственникам. Но аристократия оказывала им сильное сопротивление. Константин VII сам поведал нам о трудностях, с которыми сталкивалось правительство в своем стремлении «сдержать тиранию и алчность ненасытных людей». Несколько позднее Иоанн Цимисхий, возвращаясь из Сирии во главе победоносной армии и увидев при переходе через Малую Азию огромные владения крупных феодалов, горько жаловался на то, что все усилия солдат ни к чему не приводят, так как плоды их пожинают лишь немногие. То обстоятельство, что императоры постоянно возвращаются к этой проблеме, принимая все новые и новые меры против феодалов, показывает, как растет опасное могущество последних; об этом еще яснее свидетельствуют события второй половины X в.

В это время в Азии разыгрывалась настоящая «фронда». В 971 г. Варда Фока, племянник императора Никифора, поднялся против Иоанна Цимисхия и увлек за собою всю Азию. Вторично он поднял восстание против Василия II, и вся аристократия Анатолии провозгласила его императором. Другой крупный феодал, Варда Склир, сделал то же самое в 976 г. Потерпев поражение и проведя 7 лет в плену

в Багдаде, он снова появился на сцене в 987 г., и понадобилась вся энергия Василия II, чтобы его одолеть. Византийские историки в любопытных документах указывают на причины, обеспечивавшие быстрый успех феодальных восстаний. Естественно, что вся азиатская аристократия объединялась вокруг человека своего класса, а солдаты, обожавшие Склира, спешили ему на помощь. Его влияние и авторитет завоевали ему многочисленных сторонников и в других слоях общества: одни давали ему деньги в надежде, что в день победы они будут вознаграждены с лихвой; другие, всегда готовые примкнуть к восстанию, надеялись на звезду Склира и становились на его сторону из любви к приключениям. Даже по ту сторону границы, вплоть до арабского мира, находились люди, привлеченные именем Склира. Эмиры Амиды и Майферката посылали ему на помощь отряды кавалерии; армяне становились на его сторону — все предвещало успех его предприятию. Однако после нескольких лет борьбы Склир вынужден был покориться. Пселл в любопытном отрывке рассказал драматическую сцену свидания победившего императора с побежденным вассалом. У входа в свою палатку Василий ожидал Склира и, видя, как тот медленно приближается, постаревший, изнуренный, почти слепой, он не удержался от восклицания: «Вот тот, кого я так страшился, кто всех нас повергал в трепет. Он идет ко мне с мольбой на устах, его ведут за руку». И между двумя противниками завязалась беседа, почтительная со стороны феодала, сердечная со стороны императора, который долго допрашивал Склира и даже советовался с ним. Пселл рассказывает, какие именно советы дал императору феодал: «не терпеть слишком могущественных сановников; не позволять никому из крупных военачальников владеть большими богатствами, обременять их произвольными налогами, заставляя их таким образом посвящать все свое время част-

ным делам, не доверяться никому и лишь немногим открывать свои замыслы». Император, вероятно, не забыл этих советов, что видно из новеллы 996 г., где в некоторых фразах чувствуется рука государя, тяжело ложившаяся на крупных византийских феодалов. Им не только запрещались всякие новые приобретения, но даже была предпринята строгая перепись с целью установить, что именно было ими захвачено в прошлом. Их права собственности были подвергнуты тщательной ревизии, из которой не исключались даже пожалования, незаконно сделанные от имени императора. Это был реванш короны в ответ на восстания в Анатолии.

Империя, казалось, победила. В последние годы своего правления Василий II воспользовался плодами одержанной им победы. Указ 996 г. осуществлялся со всей строгостью. Был нанесен тяжелый удар крупным феодалам Анатолии, в особенности Евстафию Малену, который играл видную роль в феодальных восстаниях X в. и пышное гостеприимство которого беспокоило государя. Василий II конфисковал все огромное имущество, оставленное его бывшим первым сановником, паракимоменом Василием. Но когда в 1025 г. Василий II умер, все изменилось. Чтобы продолжать его политику, нужна была твердая рука. А трон после него занимали слабые, неспособные императоры, опиравшиеся на отдельные группы. Так начался долгий кризис, продолжавшийся от 1025 г. до 1081 г. и чреватый роковыми последствиями. Престол занимал Роман Аргир, принадлежавший к знатной аристократической фамилии. Первой его заботой было упразднить в интересах представителей своего класса тяжелое бремя, лежавшее на феодалах в виде налога аллиленгия¹. Указ

---

¹ Аллиленгий—система добавочного обложения, при которой члены общины, чаще всего соседи владельца оставленного участка, должны были платить за него налоги. В период борьбы императоров Македонской династии против крупного

996 г. перестал применяться, узурпации крупных сеньоров за счет мелких собственников и солдат — держателей воинских участков — возобновились со всеми последствиями как для финансов, так и для обороны империи. За короткий срок крупная провинциальная аристократия снова приобрела все, что было ею потеряно, — и политический вес, и экономическое могущество. Слабость правительства была так велика, что его агентам запрещено было проникать во владения крупных феодалов. Для борьбы с провинциальными феодалами в Константинополе создалась партия, вербовавшая в свои ряды представителей всесильной при дворе гражданской бюрократии. Сенат, двери которого были широко открыты для членов этой партии, снова получил значение, давно им утерянное, и при Константине Мономахе можно наблюдать исключительное для Византии явление — правительство, составленное целиком из гражданских лиц, где под руководством Константина Лихуда соединились Иоанн Ксифилин, Пселл, Иоанн Мавроп. С целью ослабления знатной провинциальной аристократии эта гражданская партия стремилась отнять у нее мощную поддержку армии. Был принят ряд военных реформ. Рекрутский набор по областям был упразднен, личная служба могла заменяться военным налогом. В фемах была ослаблена абсолютная власть стратигов, рядом с ними поставлены представители гражданской власти с титулом преторов. Военный бюджет был сокращен, проводилась решительная мирная политика. Авторитет военачальников умышленно подрывался, и, по словам одного современного историка, «воинам приходилось снять с себя доспехи и стать адвокатами или юристами». Особенно широко стали поль-

---

землевладения Василий II в 1001 г. издал закон, по которому динаты («сильные», то есть феодалы) должны были платить аллиленгий за бедных («убогих»), то есть быть ответственными за недоимки крестьян. (Прим. перевод.)

зоваться наемниками, которые казались правительству менее опасными, чем местные территориальные войска. Все эти меры, однако, не помешали вступлению на трон императоров из военачальников — Исаака Комнина, Романа Диогена. И хотя гражданской партии удалось от них избавиться, хотя она правила империей при Константине Дуке и Михаиле VII, все же в конце концов борьба между столицей и крупной провинциальной аристократией не привела к желательным результатам. Мы снова видим вспышки феодальных восстаний Никифора Вриенния, Никифора Вотаниата, приведшие империю к кризису, закончившемуся в 1081 г. приходом к власти знатной феодальной фамилии Комнинов.

Комнины, несмотря на свое происхождение, сдерживали рост феодалов. Императоры династии Комнинов стремились восстановить императорскую власть во всей ее силе и достигли в этом направлении успеха. Но по существу положение мало изменилось. Когда после династии Комнинов к власти пришла слабая династия Ангелов, всюду начали возникать почти независимые государства со знатными аристократическими фамилиями во главе. Фамилия Гавров образовала независимое государство в Трапезунде, Лев Сгур — в Греции, а после расчленения империи в 1204 г. возникли Эпирский деспотат и феодальные образования в Анатолии. Один весьма характерный факт позволяет нам составить представление о совершившейся в Византийской империи социальной эволюции. Когда в 1204 г. на Восток пришли крестоносцы, они нашли там общественные отношения, аналогичные известным им на Западе. Они различали здесь два класса, из которых один без колебаний называли «вилланами», а другой — «дворянами».

Этот восточный феодализм, разумеется, никогда полностью не совпадал с западным и никогда не знал той строгой иерархии, которая превращала западное феодальное общество в длинную цепь

сеньоров и вассалов. Но до конца византийской истории наличие на Востоке этой мощной аристократии было постоянной причиной социальной борьбы и смуты. Мы наблюдаем это в XIV в., когда разгорелась борьба между крупными вельможами и низшими классами, особенно в Адрианополе, где вспыхнуло восстание против архонтов. Иоанн Кантакузин в своих мемуарах изобразил вихрь революционного движения, охватившего всю империю, когда все города поднялись против динатов и начались волнения, грабежи и убийства. Характерный образец такой ожесточенной, страстной социальной борьбы представляет история коммуны Фессалоники, это трагическое столкновение, известное в истории под названием революции зилотов, когда демократическая партия почти в течение семи лет вела беспощадную кровавую борьбу против аристократии. Все это ясно показывает, что крупная аристократия была причиной разложения империи. Социальная проблема, несмотря на все усилия, приложенные императорами для ее разрешения, была одной из самых тяжелых — одной из тех, которые привели империю к упадку и гибели.

ГЛАВА X

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

I. Аграрный вопрос

Среди вопросов, которые встают при изучении истории Византии, одним из самых сложных и противоречивых является аграрный вопрос. Наиболее спорными были две проблемы. Одна из них относится к положению крестьян: оставались ли в Византийской империи свободные крестьяне и в каком соотношении? Вторая затрагивает условия землевладения: правы ли ученые, утверждающие, что под влиянием славян индивидуальная собственность была заменена коллективной? Недавно обнаруженные документы, в частности трактат о податном обложении X в., сохранившийся в Венеции, изобилуют ценными сведениями, которые помогут нам внести ясность в эти вопросы.

В последние годы существования Римской империи значительная часть сельского населения находилась в условиях колоната. Наряду с этим было еще много свободных крестьян. Но число этих мелких свободных землевладельцев постоянно уменьшалось. Достаточно бегло ознакомиться с новеллами Юстиниана, чтобы увидеть, какую тревогу вызывало у императора это постепенное исчезновение свободных людей, впадавших в зависимость, личную и имущественную, от соседних крупных владельцев. Несмотря на ясно выраженные в этих текстах опасения императора, свидетельствующие о неоспоримом факте, некоторые историки считали, что положение резко

изменилось в течение VIII в. Сахаризэ Лингенталь, изучая земледельческий закон ($\nu\theta\mu\omicron\varsigma$ $\gamma\epsilon\omicron\rho\upsilon\iota\delta\omicron\varsigma$), который он приписывал исаврийским императорам, и считая, что в этом законе речь идет лишь о свободных крестьянах, пришел к выводу, что все прочие категории сельского населения исчезли и что в результате большой реформы, предпринятой императорами-иконоборцами, произошло уничтожение крепостной зависимости. Эта теория, принятая преимущественно русскими историками, усиленно оспаривалась. Доказывали, что Земледельческий закон создан не императорами VIII в., что он является сборником законоположений обычного права, относящимся к периоду между 640 и 714 гг. или даже, точнее, ко времени царствования Юстиниана II. Таким образом, закон этот, повидимому, тесно сближается с реформами Ираклия и его преемников. Создание воинских участков в это время сильно увеличило число свободных землевладельцев в сельском населении, и возникла потребность точнее регламентировать их положение, что и было задачей Земледельческого закона. Но из этого вовсе не следует, что наряду с свободными землевладельцами не существовало других форм земельных отношений и что крепостная зависимость исчезла. Достаточно приглядеться к картине земельных отношений в несколько более позднюю эпоху, и нам станет ясно, что крепостная зависимость продолжала развиваться естественным путем.

Исследуя земельные отношения в IX и X вв., мы находим в государственных имениях и более многочисленных имениях крупных светских владельцев, а также на землях церквей и монастырей, слой земледельцев, носящих название париков ($\pi\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\kappa\omicron\iota$); наряду с ними существовали так называемые про- $\kappa\alpha\theta\eta\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ — повидимому варвары, осевшие в империи после вторжений, — которым были предоставлены участки земли для обработки. Положение

париков, несколько напоминающее положение *adscripticii* VI в., хотя и не совпадающее с ним полностью, отличается следующими чертами: люди обосновались на не принадлежащей им земле, которую они обрабатывают; они прикреплены к этой земле и не имеют права ее покинуть; с другой стороны, землевладелец не может удалить их с земли. Парики не платят земельного налога, который вносится землевладельцем. Но на них лежат довольно тяжелые повинности, перечисляемые во многих императорских указах. Они пользуются некоторыми привилегиями на основе специального права париков (παρικήν δίκασιν) и порой оказываются в лучшем положении, чем свободные крестьяне. Число париков постепенно возрастает, так как крупные землевладельцы продолжают попрежнему захватывать земли, принадлежащие свободным крестьянам и воинам. Достаточно бегло просмотреть акты XIV в., чтобы увидеть, что в это время подавляющее большинство сельского населения состоит из париков. Об этом свидетельствуют монастырские акты, грамоты афонских монастырей и недавно опубликованные Вазелонские акты.

Можно ли, однако, сказать, что наряду с париками в империи не существовало более свободных крестьян? Это было бы ошибкой. В Земледельческом законе, как и в трактате об обложении от X в., идет речь о деревнях (ἄμμοι), обозначаемых также словом χωρίον, жители которых называются χωρίται или οἰκίτορες του χωρίου. Характерные факты показывают, что это свободные крестьяне. Прежде всего мы замечаем, что эти деревни имеют юридическое лицо. Они предстают перед судом, чтобы вести процесс или отстаивать свои права, что было бы невозможно, если бы эти крестьяне зависели от крупного землевладельца, который в таком случае сам представлял бы их перед судом. Деревня, с другой стороны, образует административную и податную еди-

ницу, что говорит о подчинении ее жителей государственной власти, а не власти крупного феодала. Не менее характерны и другие признаки. Если жителю одной из этих деревень становится тесно на его земельном участке, если от этого страдает принадлежащий ему скот, то крестьянин может продать свою землю и приобрести более крупный участок, на котором он строит усадьбу (*ἀγροῖδ'ον*), бесспорно составляющую его свободную собственность. Другие, более обширные, усадьбы расположены на некотором расстоянии от деревни. Они называются *ἄστυον*; мы находим здесь вокруг дома некоторое количество служебных построек, складов, амбаров, совокупность которых составляет как бы маленькое имение; оно, как и сама деревня, образует податную единицу и, следовательно, зависит от государства. Наконец, если вследствие смерти владельца или по какой-нибудь другой причине в деревне продается какая-либо собственность, жителям деревни принадлежит преимущественное право покупки. Это — *ροττιζις* установленный новеллой Романа Лекапина и имевший целью помешать соседним крупным феодалам вклиниться посредством приобретения земли в деревню и постепенно навязать ей свое влияние и свою власть. Все это доказывает, что наряду с париками в Византийской империи всегда продолжали существовать свободные крестьяне.

Ставится еще и другой вопрос. Верно ли, как это охотно допускают русские историки, что под влиянием славян общинная собственность заменила в этих деревнях режим индивидуальной собственности? С этой теорией трудно согласиться. В момент, когда возникает деревня, земля делится между ее жителями, и в течение тридцати лет первоначальный раздел порой вызывает протесты и даже пересмотры. Но один факт представляется решающим: ни в одном византийском тексте мы не находим никаких упоминаний о периодическом

переделе земли, что могло бы служить доказательством существования общинной собственности. Конечно, нельзя утверждать, что в деревне вовсе не было имущества, принадлежавшего всей общине. В текстах идет речь о местах, называемых $\tau\acute{\omicron}\pi\omicron\upsilon\zeta$ $\kappa\acute{\omicron}\tau\omicron\upsilon\zeta$. Это название применяется к лесам, пастбищам, к некоторым видам другого имущества, например к мельнице, которой могут пользоваться все жители деревни. Но такие исключения, встречающиеся во все времена и во всех деревнях, не меняют характера земель, принадлежащих крестьянам. Это — индивидуальная собственность, которой их владелец распоряжается по своему усмотрению и которую он завещает своим наследникам. Такое положение сохранилось до конца существования Византийской империи. Несомненно, число деревень со свободным крестьянским населением уменьшалось по мере возрастания количества париков; но подобные деревни, населенные свободными крестьянами, существовали до конца империи.

Наряду с этими деревнями большую часть земельной площади в Византии занимали крупные владения, обрабатываемые париками. Именно в этом заключалась опасность земельных отношений в Византии. Обосновавшись на земле владельца, к которой они были крепко привязаны, парики почти совершенно освобождаются от власти государства и зависят только от феодала, землю которого обрабатывают. Это, наряду с многими другими причинами, и давало феодалам ту экономическую мощь, которая делала их, как мы видели, столь опасными для империи. С другой стороны, парики не платят земельного налога, который теоретически лежит на ответственности владельца. На деле владелец часто уклонялся от уплаты этого налога, что причиняло большой ущерб государственной казне. С другой стороны, пожалования крупному землевладельцу доходов с той или иной деревни под названием про-

воиá также лишали государственную казну причитавшихся ей поступлений. Наконец, частые беззастенчивые захваты феодалами земель свободных крестьян, и особенно воинских участков, лишали казну и других источников дохода. Таким образом аграрное устройство империи оказывало двойное действие: растущее ослабление власти государства над сельским населением и прогрессирующее сокращение налоговых сумм, взимаемых государством с этого населения. Отсюда становится очевидным, насколько неудовлетворительно в конечном счете в Византийской империи разрешена была аграрная проблема и в какой степени земельные отношения в деревне служили одной из основных причин упадка империи.

II. Промышленность и торговля

Византийская империя никогда не была исключительно сельскохозяйственным государством, как Западная Европа в эпоху Каролингов. Эксплуатация земельной собственности не составляла ее экономической основы. Городская жизнь в ней продолжала процветать. Империя имела многочисленные крупные города, — Александрию в Египте, сирийские города, среди которых первое место занимала Антиохия, в Малой Азии — Эфес, а в европейской части империи — Патры, Фивы, Коринф, в Греции — Фессалоника и особенно Константинополь. Городская жизнь продолжалась и после арабских завоеваний. Эти города, имевшие развитую промышленность, не только потребляли, но и производили. Константинополь, как говорит Анри Пиренн, был не только крупным, но до конца XI в. крупнейшим городом средиземноморского бассейна. Дошедшие до нас сведения об этой промышленности позволяют выявить ее характерные черты и установленную в ней систему управления.

До VII в. Сирия отличалась оживленной промышленной деятельностью. Особенного процветания достигли здесь мастерские шелковых тканей, основанные при Юстиниане; сирийцы играли преобладающую роль в торговле и промышленности. Не менее значительными были и другие центры. К концу IX в. крупными мастерскими шелковых и льняных тканей и ковров владела в Пелопоннесе Даниелис, фаворитка императора Василия I. В это же время мастерскими шелковых тканей славилась Фессалоника, и здесь же были распространены «огневые производства», как их называет Камениат, выделявшие в большом количестве изделия из бронзы, олова, меди, железа и стекла. Но особенно важным промышленным центром был Константинополь; об этом мы находим подробные сведения в новелле императора Льва VI, обозначаемой обычно именем «Книга эпарха» и являющейся весьма ценным источником. Но в ней, очевидно, нет полного списка ремесленных корпораций византийской столицы. Наряду с упоминанием о банке мы находим в новелле перечисление производств, среди которых выделяются три группы: ремесла, относящиеся к производству предметов питания, крайне необходимые в таком большом городе, как Константинополь; ремесла строительные, имевшие большое значение в городе с широким размахом строительства, и особенно ремесла, относящиеся к производству предметов роскоши, которыми Византия снабжала весь средневековый мир. Ювелиры торговали изделиями из ценных металлов и драгоценными камнями. Ремесленники, производившие шелковые ткани, разделялись на группы, из которых одни продавали шелк-сырец, другие — шелковые ткани, третьи имели монополию на продажу византийских тканей, четвертые — на продажу тканей, ввозимых из Багдада и Сирии. Среди них были торговцы льном, доставлявшимся из Стримона и Понта, парфюмеры, прода-

вавшие пряности и благовонные вещества, столь ценимые в средневековом обществе. Все это создавало славу Константинополю, и предметы роскоши, сохранившиеся до нашего времени, убеждают нас в том, что византийское ремесло недаром пользовалось блестящей репутацией во всем мире.

Все эти ремесла были объединены в тесно замкнутые корпорации, подчиненные мелочному регламенту и находившиеся под надзором государства. Эта система управления ремеслами показывает нам, что Константинополь был «раем, где процветали монополии, привилегии и протекционизм». Свободному труду и личной инициативе не оставалось места. Каждая корпорация имела строго очерченную определенными границами монополию, которую она не могла расширить. В ремеслах по выделке кожаных изделий строго различались дубильщики, кожевники, шорники, в производстве продуктов питания — мясники, колбасники, бакалейщики. Еще точнее регламентировались ремесла, связанные с производством шелковых изделий. Здесь мы находим пять корпораций, из которых каждая имела особые функции. Все эти корпорации были подчинены строгой дисциплине. Тщательно устанавливались как условия приема, так и режим работы их членов. Только корпорация имела право на покупку сырья и продажу готовых изделий; всякая конкуренция становилась абсолютно невозможной. Так же тщательно регламентировалось все, что относилось к положению, условиям труда и заработной плате рабочих и подмастерьев.

Над всеми этими ремеслами государство осуществляло постоянный мелочный контроль, и городской эпарх вмешивался в мельчайшие детали их работы. Ремесло находилось под его постоянной опекой — он обследовал магазины, проверял счетные книги, запрещал вывоз отдельных изделий, применял повсюду суровый режим протекционизма и

контроля. Существовал целый список изделий, называвшихся «запрещенными предметами», вывоз которых, как и продажа иностранцам, был строго запрещен. Чтобы добиться выполнения всех этих предписаний, на непокорных налагали суровые кары. Но, несмотря на эти строгости, византийская промышленность процветала в Константинополе X в., как и в Фессалонике XII в.; об этом нам оставили свидетельства Вениамин из Туделы и Евстафий.

Географическое положение обеспечивало Византийской империи процветание торговли. Она находилась на стыке между Европой и восточным миром, на перекрестке всех великих сухопутных и морских путей, по которым она получала изделия всего Востока. На Балканском полуострове, в Константинополе и Фессалонике, начинались торговые пути, пролежавшие по рекам Фракии и Македонии, достигавшие долины Дуная, а далее — Венгрии и центральной Европы. С другой стороны, через Византию шел большой поперечный путь, который, следуя по древней *Via Egnatia*, тянулся от Константинополя к Адриатическому морю и Западной Европе. К Черному морю примыкали пути, соединявшие южную часть Руси с гаванями Крыма, а также пути, по которым Византия сносилась через страну лазов, древнюю Колхиду, а позднее через Трапезунд, Кавказ и Каспийское море с оазисами Туркестана и всей Средней Азии. В Сирии начинались караванные пути, соединявшие Византию через Персию с Дальним Востоком, и пути, по которым шли через Персидский залив товары из Цейлона, Индии и Китая. Наконец, Александрия и гавани Красного моря, как Адулис, были начальными пунктами путей, которые вели, с одной стороны, в Эфиопию и Среднюю Африку и, с другой — к Цейлону, служившему складочным местом для товаров Индии и Дальнего Востока. Большая часть этих путей, конечно, оставалась

в руках персов и арабов, и поэтому Византия находилась в зависимости от посредников, нередко являвшихся ее врагами. В VI в. Юстиниан стремился освободить византийскую торговлю от этой тяжелой и часто стеснительной зависимости. Это ему не удалось, но византийская торговля все же продолжала процветать. В своих великолепных гаванях, в своих больших городах Византия получала и отправляла во все страны света продукты своей промышленности, а также товары, доставляемые ей внешними рынками. Это были, с одной стороны, великолепные ткани, расписанные яркими красками, затканные золотом, роскошные ювелирные изделия, украшенные эмалью и драгоценными камнями, все, что только было известно средним векам по части изящной и утонченной роскоши. С другой стороны, это были ценные съестные припасы, которые Византия вывозила из всех областей восточного мира, и сырье, обработанное византийскими ремесленниками. С Дальнего Востока, через посредство арабов, Византия получала шелковые изделия Китая, драгоценные камни и жемчуга Индии, бакалейные товары и благовонные вещества. Из Багдада и Сирии в Византию привозились шелковые одежды, дорогие вина, прекрасно вышитые ковры. Из южной Руси империя получала хлеб, соленую рыбу, соль, мед, икру, меха и пушные товары севера. Из славянских стран Балканского полуострова в империю ввозились лен и мед, соленая рыба и различные продукты сербского и болгарского сельского хозяйства. С Запада она получала через итальянские приморские города товары Германии и Италии, руду и обработанные металлы, изделия из пеньки и льна, вышитые испанские ковры, вина и соления. Сказанного достаточно, чтобы представить себе грандиозный размах византийской торговли. Поэтому интересно проследить, по крайней мере в основных чертах, развитие этой торговли.

Любопытная работа VI в. «Христианская топография» Космы Индикоплова показывает, какое значение имела византийская торговля в правление Юстиниана и какого размаха она достигла. Автор этой книги, купец из Александрии, много путешествовал по Востоку, и хотя, несмотря на полученное им прозвище, он, вероятно, не посетил Индии, он был хорошо осведомлен обо всем, что там происходило, и оставил нам ценные сведения о торговле Востока с Византией. Александрийские купцы и моряки гаваней Красного моря, особенно большого эфиопского порта Адулис, доходили до Цейлона, где закупали товары Индии и Дальнего Востока, сосредоточенные в портах этого острова. Некоторые из них доходили даже дальше, до Сиам, до Индокитая и, несмотря на затруднения, чинимые персами, прочно обосновавшись на Цейлоне и ревниво охранявшими свою монополию, привозили из этих путешествий большое количество продуктов Дальнего Востока, которые распространялись из Египта по всей империи. С другой стороны, Средиземное море было целиком византийским морем. Морской флот империи в VI в. был там неоспоримым хозяином, и имперская полиция стремилась обеспечить безопасность плавания и надежность торговых сделок. Купцы Египта и еще более Сирии (вследствие чего на Западе всех восточных купцов называли сирийцами) также ввозили в Европу вплоть до крайних пунктов побережья Средиземного моря продукты промышленности восточного мира. Одни из них сделали своей специальностью торговлю с Испанией; их называли *σαυδοῦργοι*. Другие, *γάλλοῦργοι*, торговали главным образом с Галлией. Третьи проникли в бассейн Адриатического моря и доходили до самых северных его берегов, вплоть до Равенны, где находилась большая и богатая колония. Сирийцы не ограничивались тем, что привозили продукты Востока в гавани приморской полосы. Они проникали и в глубь стран, с ко-

торыми торговали. Мы находим сирийцев в Нарбонне, Бордо, Туре, Орлеане, Париже, причем во многих городах они имели очень значительные колонии. Тот факт, что золотая византийская монета была принята на всех рынках Средиземноморья и сохраняла такое положение еще во времена крестовых походов, является ярким показателем значения Византии в экономической жизни VI в. «Безант» — так называлась эта византийская монета — был на всем средиземноморском востоке самой распространенной и ценной монетой.

Однако арабские вторжения нанесли тяжелый удар византийской торговле. Появление мусульманского флота на Средиземном море отняло у Византии принадлежавшее ей раньше господство на морях, постепенно прерывало и в конце концов более чем на столетие совершенно прервало экономические связи между христианским Востоком и латинским Западом. Но Византия снова восстановила свою морскую мощь. С конца IX в. она еще раз завоевала господство на Средиземном море, *θαλασσοκρατία*, как говорили в Константинополе, и сохраняла его в течение более двух веков. «Один я, — гордо заявил в X в. император Никифор Фока, — обладаю могуществом на море», а один писатель XI в. подтвердил это заявление, говоря: «флот — слава ромеев». С конца IX в. до конца XI в. продолжалось процветание византийской торговли. В X в. империя заключила с арабами, Русью, венецианцами торговые договоры, определявшие условия экономического обмена. Эти договоры были весьма тяжелыми для иностранцев, которым государственная таможня навязывала стеснительные условия ввоза и вывоза товаров. Придирчивая государственная администрация строго следила при помощи полиции за точным соблюдением этих правил, в чем убедился посол Отгона I, епископ кременский Лиутпранд, когда захотел увезти без раз-

решения роскошные ткани, производство которых составляло монополию Византии, ревниво ею охраняемую: несмотря на его дипломатические привилегии, таможня конфисковала их без колебания. Подобный надзор был установлен за всеми иностранцами: русские, часто посещавшие Константинополь, не имели права жить в столице; они селились в предместье св. Мамонта, современном Бешит-Таш на Босфоре. В город они могли входить лишь без оружия и только днем. *Commerciarii*, особые чиновники, наблюдавшие за хозяйственной жизнью, строго наказывали за всякое отступление от установленных правил, за попытки контрабанды, часто предпринимавшиеся венецианцами. Но, несмотря на чрезмерную строгость этой системы, империя извлекала из нее неоспоримые выгоды. Подсчитано, что в X в. государственная казна в одном только Константинополе получала от съемщиков мест торговли, за продажу прав торговли и от таможни годовой доход в 7 300 тыс. золотых монет, более 500 миллионов золотом в нашей валюте. Все это свидетельствует об экономическом процветании Византии в X и XI вв. Со стороны Азии она находилась в постоянных сношениях с арабским миром, с крупными городами Сирии — Алеппо, Антиохией, Дамаском, с которыми условия торговли были установлены договором 969 г., с Трапезундом и Арменией, где большое значение получил пограничный город Арсен. В Европе Византия поддерживала постоянные сношения с Болгарией. Через Херсонес она глубоко проникала в страну хазаров, к русским. Ее купцы доходили еще дальше, до Балтики, до «полуночных стран», до Швеции. По кладам византийских монет, открытым в России и Швеции, можно проследить торговые пути, которыми ездили предприимчивые византийские купцы, и оценить замечательные результаты их торговой деятельности. На Западе

Византия поддерживала отношения с приморскими городами Италии — Амальфи, Пизой, особенно с Венецией — и с южной Италией. Со всех концов света в Константинополь стекались иностранцы, и большие столичные базары, построенные вдоль улицы Мезе, были центром непрерывного делового движения. Вениамин из Туделы говорит о Константинополе: «Это большой деловой город; сюда приходят купцы со всех стран света, и, кроме Багдада, нет в мире города, равного ему». «Константинополь — это гордость Греции, — говорит один француз XII в., — он славится своим богатством, но как ни велика слава, действительность ее превосходит». Провинциальные рынки не отставали от столичного. Фессалоникская ярмарка, как ее описывает Тимарион, ежегодно привлекала в Македонию иностранцев из всех частей света. Вениамин из Туделы в рассказе о своем путешествии на Восток дал яркое описание экономического благосостояния всех посещенных им городов. Как показывают эти свидетельства, еще в XII в. ничто, казалось, не угрожало процветанию империи.

Это богатство, привлекавшее внимание иностранцев, навлекло на Византию тяжелые бедствия. Издавна в приморских городах Италии, в первую очередь в Венеции, стали отдавать себе отчет в том, какие выгоды сулит проникновение в Византию. Венецианцы в особенности стремились пробить себе путь на берега Босфора. В 992 г. они добились от Василия II торгового договора, первого из актов, которые должны были поднять благосостояние республики и создать для нее опорный пункт на Востоке. Согласно этому соглашению они получили значительные уступки по части обложения пошлиной при въезде и выезде из Дарданелл и гарантии против притеснений византийских чиновников. При вступлении на трон Алексея Комнина они получили еще более существенные привилегии взамен воен-

ной помощи против норманнов. Они были освобождены от таможенных пошлин и досмотра не только в Константинополе, но и во многих других гаванях, куда им был открыт свободный доступ. Они добились выделения в особую юрисдикцию всех судебных дел, относящихся к вопросам их торговли. Они имели право совершать торговые сделки на внутренних рынках империи (Адрианополь и Филиппополь в Европе и Филадельфия в Азии). В самом Константинополе им предоставили на берегу Золотого Рога целый квартал, где они строили свои церкви, склады, дворцы и где были почти независимы, подчиняясь только своему бабю. Стремясь использовать эти привилегии, которые создавали для Венеции необычайно выгодное положение в империи, венецианцы толпами стекались в Константинополь и вообще на Восток. Во второй половине XII в. их было в столице не менее 10 тысяч. На первых порах они встречали хороший прием. Мануил Комнин сообщает, что он смотрел на них «не как на иностранцев, но как на урожденных греков», а Никита говорил, что они стали «соотечественниками и лучшими друзьями ромеев». Но своей алчностью, надменностью и дерзкими нарушениями указов императора они очень скоро стали вызывать возмущение у византийцев, оскорбляя их гордость, и отношения настолько ухудшились, что в 1171 г. Мануил Комнин велел арестовать всех венецианцев, живших в империи, а также конфисковать их суда и имущество. Этот акт насилия вызвал длительную войну; отношения не улучшились и по заключении мира. В Венеции все больше и больше укреплялась мысль о необходимости избавиться на Востоке от высшей власти, которой вынуждена была подчиняться республика. Это было основной причиной, побудившей венецианцев направить к Константинополю путь IV крестового похода. После событий 1204 г. положение Венеции на Востоке укрепилось. В империи, управлявшейся теперь ла-

тинским императором, она занимала привилегированное положение, и республика воспользовалась им для создания в восточном бассейне Средиземного моря настоящей колониальной империи.

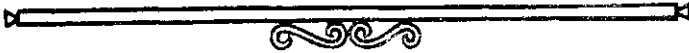
Генуя, сначала занимавшая по сравнению с Венецией менее выгодное положение, не замедлила также завоевать сильные позиции на Востоке. Из ненависти к венецианцам императоры династии Палеологов предоставили ей еще более широкие привилегии: кроме чисто экономических преимуществ, она вскоре приобрела владения на берегах Малой Азии и прибрежных островах. Затем Генуя получила колонии на Черном море. Ее положение еще улучшилось, когда в конце XIII в. Михаил Палеолог уступил ей Галату, при входе в Золотой Рог, напротив Константинополя. Генуя превратила ее в мощную крепость, крупный порт и цветущую колонию. Постепенно Венеция и Генуя завладели всей византийской торговлей.

Экономическая политика империи весьма способствовала этому процессу. Византия более не вывозила в другие страны продукты своей промышленности и получаемые ею товары чужеземного происхождения, а ожидала, чтобы за ними приезжали на константинопольские рынки.

Вместо того чтобы искать нужные ей товары в других странах, она опять-таки ожидала, чтобы они были привезены на берега Босфора. В глазах византийцев это было одним из способов укрепления престижа империи. По их мнению, заставляя весь мир являться в Константинополь, вынуждая иностранцев своими покупками вносить в императорское казначейство большую часть мирового золотого запаса, ослепляя приезжих блеском своей культуры, Византия укрепляла свой авторитет во всем мире. Но отказ от торговой деятельности был тяжелой ошибкой. Его следствием был захват иностранцами византийской торговли и пренебрежительное

отношение самих византийцев к развитию флота. С конца XIII в. явно начинают проступать признаки экономического упадка. С этого момента, говорит один историк этой эпохи, «могущество Византии на море исчезло». Теперь все крупные торговые обороты совершались венецианцами и генуэзцами. Историк XIV в. Никифор Григора писал: «В то время как торговая прибыль и экономическая мощь латинян непрерывно росли, греки становились все слабее; и каждый день прибавлял новые бедствия к предыдущим», и немного далее: «латиняне овладели не только всеми богатствами Византии и доходами морской торговли, но и всеми ресурсами, обогащавшими императорскую казну». В XIV в. мы встречаем убедительное доказательство этого прогрессирующего упадка византийской торговли и его пагубного влияния на финансы империи: в это время константинопольская таможня дает казне только 30 тыс. иперперов ежегодного дохода, тогда как казначейство Галаты получало 200 тыс. иперперов. С другой стороны, венецианцы и генуэзцы были почти полными хозяевами в византийской столице.

Их флоты появлялись, когда это было необходимо, у Босфора, чтобы навязать их волю императору. Когда Иоанн Кантакузин сделал попытку частично восстановить византийский флот и таможенные ограничения, генуэзцы, не колеблясь, атаковали столицу и сожгли строившиеся корабли. Нередко на улицах столицы можно было видеть венецианцев и генуэзцев, затевающих столкновения с отрядами императорской гвардии. Это свидетельствует о падении авторитета империи, еще более тяжелом, чем упадок ее финансов. Процветание торговли, издавна поддерживавшее славу и мощь Византии, отошло в область преданий.

ГЛАВА XI
ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Византийский император, как известно, смотрел на себя, как на повелителя всего населенного мира, ἢ οἰκουμένη. Он стремился распространить свое политическое и религиозное влияние не только на соседей империи, но почти на все народы известного тогда мира. Он считал себя единственным правителем, имевшим право на титул императора и возвышавшимся над всеми остальными государями, к которым он относился с высокомерной учтивостью или презрительной снисходительностью. Наконец, он был убежден в высоком значении византийской культуры и тех благодетелей, которые она несла всем, кто имел счастье с ней соприкоснуться. Для осуществления этих основных идей своей политики Византия, естественно, вступала в сношения почти со всеми известными тогда народами. Для того чтобы обеспечить безопасность империи, требовалось внимательно следить за соседями, внушавшими ей иногда сильные опасения. Следовало использовать их с выгодой для империи и добиться союза с ними или, по крайней мере, их нейтралитета. Надо было заставить их склониться перед волей императора и обеспечить среди них византийское влияние. Для всего этого необходимо было иметь хорошо осведомленную, умело управляемую дипломатию, способную искусно использовать международную обстановку; византийская дипломатия во многих случаях удовлетворяла этим требованиям. Чтобы убедиться в этом, следовало

бы проследить всю историю империи, чему здесь не место. Мы ограничимся перечислением главных проблем, которые возникали у империи в ее внешней политике, и обзором намечавшихся или осуществлявшихся мероприятий.

Вторжения варваров в V—VI вв. вызвали появление на границах империи множества новых народов — готов, гуннов, герулов, гепидов, лангобардов, а немного позднее — аваров, болгар и славян. Империя располагала сетью ценных агентов, которые осведомляли ее о событиях, происходивших на территории этих различных народов. Это были купцы, смело отправлявшиеся по ту сторону Дуная, миссионеры, которые с еще большей отвагой несли в эти страны христианство и которым еще до обращения народа удавалось проводить византийское влияние в среде, окружавшей правителя, особенно среди женщин; наконец, император отправлял к правителям варварских народов своих послов, присылавших отчеты с ценными сведениями. Рассказ Приска о его посольстве к Атилле — один из самых интересных документов о мире V в. Дипломатия располагала многими способами добывания нужных сведений. В Византии выработалась целая наука управления варварами. В состав императорской канцелярии входило «ведомство по управлению варварами». Позднее, под контролем логофета дрома, «министра иностранных дел», эта задача выполнялась общими усилиями нескольких ведомств. Наиболее простым из средств, к которым прибегало это ведомство, был подкуп. В Византии все были убеждены, что любого человека можно купить и, договорившись о цене, добиться от него желаемого. Поэтому Византия не торговалась, когда к ней обращались за субсидиями. Она ежегодно выдавала субсидии вождям варваров за поставку солдат в императорскую армию, либо субсидировала их от случая к случаю. Другим, бо-

лее деликатным средством, льстившим самолюбию варварских правителей, была раздача им титулов византийской придворной иерархии. Это заставляло варваров верить, что они, как говорит Корипп, повествуя об одном берберийском вожде, становятся носителями культуры, латинского престижа, и побуждало их объявлять себя «рабами его императорского величества». Варваров охотно приглашали вместе с женами и детьми к императорскому двору. В правление Юстиниана эти экзотические правители часто приезжали в Константинополь, причем правительство принимало все меры к тому, чтобы пребывание в Византии оставило у них сильное впечатление. Красота столицы, блеск священного дворца, пышность императорской аудиенции, торжественный церемониал приема — все подчеркивало огромное расстояние между императором и его гостями. Возвращаясь к себе, варвары сохраняли благоприятное впечатление об этом императоре, который так любезно принимал их и так хорошо платил. Византия старалась также привлечь в столицу и, по возможности, удержать при дворе наследников правителей-варваров, чтобы воспитать их в духе византийской культуры и сделать проводниками византийского влияния. Равным образом в Византии принимали недовольных, которых всегда было достаточно в этих варварских государствах и которых при случае можно было выдвинуть в качестве претендентов, чтобы противопоставить их законному правителю. Наконец, стремились разъединить эти народы и их вождей, разжигая между ними зависть, внушая одним, что они выше других, выдавая одним больше денег или оказывая больше почестей, чем другим. Такими способами правительство империи не раз добивалось нейтрализации или даже уничтожения одних народов другими, не прибегая к вооруженному вмешательству в их дела.

Византийская дипломатия располагала и другими средствами воздействия. Один поэт VI века писал: *Res Romana Dei est: ter rents non eget armis*¹.

Наибольшего успеха византийская дипломатия добивалась религиозной пропагандой и обращением в христианство. Миссионеры окружают варварского короля и его приближенных и вслед за ним самим обращают в христианство весь народ. Они становятся после этого доверенными лицами, советниками короля. Учреждаются епископства, зависящие от Константинополя. Христианство приносит с собой не только новый культ, таинственную и привлекательную литургию, но вводит целый круг идей, чувств, обычаев. В страну проникает новая, отмеченная печатью Византии культура, которая преобразует чужеземцев. В правление Юстиниана византийские миссионеры побывали во многих странах — от берегов Крыма до верховьев Нильской долины, от Кавказских гор до оазисов Сахары; они несли христианство готам Крыма, арабам Сирийской пустыни, арабскому государству химьяритов и эфиопскому государству Аксума, ноадам и влемунам Нильской долины, берберам Северной Африки. Успех этой религиозной пропаганды так сильно поражал современников, что они считали христианскую империю, несмотря на отдельные поражения, непобедимой, так как, говоря словами Космы, «задача ее — не допускать сокращения христианского мира, но бесконечно его расширять».

Однако, несмотря на все успехи, эта ловкая дипломатия таила в себе и опасности. Правда, на все нескромные требования варваров императорская канцелярия отвечала с большой твердостью, ссылаясь на великого Константина и уверяя, что сам бог через ангела вручил первому христианскому

---

¹ Дело Рима — дело бога и не нуждается в мирском оружии. (Прим. пер.)

императору знаки верховной власти, что бог пожаловал ему титул и привилегии, которые принадлежат ему одному во всем мире, что бог внушает ему, какого образа действий держаться в самых сложных обстоятельствах. Но в других случаях Византия действовала менее мудро. Выставляя напоказ свои богатства, щедро раздавая иноземцам деньги, она возбуждала их вожделения; в результате варвары всегда прибегали к решительному средству — вторжению, чтобы сломить волю императора, если он отказывался удовлетворить их требования. То обстоятельство, что умиротворение варваров покупалось обычно очень дорогой ценой, побуждало их возобновлять свои угрозы. Историки VI в. сурово критиковали безумную расточительность императора, непрестанные подачки варварам. Тем не менее ни поражения последних лет империи, ни частичные неудачи дипломатии не помешали этим же историкам хвалить мудрость (σοφία), благоразумие (εὐβουλία), утонченность (τὸ ἀρχίνουον) императора, проявленные им в области дипломатии. Даже его противники, как говорит Агафий, вынуждены были удивляться «его дальновидности и ловкости», тому, что он, «не вынимая меча, одной только мудростью своей добивался победы и осуществления своих замыслов». Характерны слова Менандра: «без войны, одной лишь своей εὐβουλία он уничтожил бы варваров, если бы прожил достаточно долго». На всем протяжении византийской истории имперская дипломатия держалась одних и тех же методов, лишь дополняя их некоторыми другими, как, например, браками, соединявшими иноземных правителей с женами из византийской аристократии, а иногда и из императорской фамилии. Этими средствами византийская дипломатия без большого труда, еще удачнее, чем в VI в., добивалась решения возникавших перед ней проблем.

Славянизация Балканского полуострова между VII и X вв. поставила перед византийской дипломатией новые задачи. В это время хорваты и сербы обосновались почти во всей Иллирии, болгары завоевали почти всю северо-восточную часть полуострова. При Юстиниане военные действия велись, главным образом, по ту сторону Дуная. Теперь необходимо было завоевать влияние над новыми пришельцами к югу от Дуная, в областях, составивших прежде часть империи. В IX и X вв. империя добилась особенно важных результатов посредством религиозной пропаганды. Константин Багрянородный рассказывает, что во времена Ираклия хорваты и сербы, призванные императором, получили от него земли на западе Балканского полуострова, приняв за то христианство и сделавшись вассалами империи. Этот рассказ вызывает сомнения и приведен, вероятно, с целью выставить в благоприятном свете политику империи; тем не менее остается фактом, что в конце IX в. хорваты и сербы были обращены Василием I в христианство и стали верными союзниками Византии в ее борьбе против болгар. После победы Василия II над царем Самуилом император вознаграждал хорватских вождей щедрыми пожалованиями земли и высокими званиями, за что те, по видимому, согласились признать себя вассалами империи. Подобная же политика поставила в зависимость от империи маленькие сербские государства на побережье Адриатического моря. Эти государства находились под влиянием принадлежавших империи прибрежных городов, составлявших фему Далмации.

Однако самые тяжелые заботы причинял византийской дипломатии болгарский вопрос. С конца VII в. и до середины IX в. между Византией и болгарями шла непрерывная борьба. Но с первой трети IX в. среди болгар начинается распространяться христианство, и империя внимательно следит за разви-

тием этого процесса, видя в нем средство обеспечить свое влияние в варварском государстве. Обращение царя Бориса в христианство в 864 г. оправдало эти надежды. Болгарский правитель явился в Константинополь принять крещение, сам император пожелал быть его крестным отцом и дал ему христианское имя Михаил, а патриарх Фотий, виновник этого крупного успеха, с радостью приветствовал в лице новообращенного «самое прекрасное сокровище из всех, приобретенных его усилиями». Вслед за своим государем весь болгарский народ перешел в христианство, и болгарский царь, несмотря на временные колебания между Византией и Римом, предпочел византийское влияние. Он допустил в свою страну православное духовенство и попал в сферу византийской политики. Его сын, юный Симеон, был направлен в Константинополь, чтобы получить византийское образование. По словам византийского хрониста, он изучал там «ретиорику Демосфена и силлогизмы Аристотеля» настолько усердно, что его называли полугреком (*hemiargos*). Память о своем пребывании в византийской столице он, к удивлению, сохранил надолго. Когда он наследовал отцу, его первой заботой было ввести при своем дворе титулы, костюмы и церемониал императорского двора, чтобы казаться почти равным византийскому императору. Утверждая в своем царстве влияние византийской культуры, он, тем не менее, питал честолюбивые замыслы, стремился завоевать гегемонию на Балканском полуострове и едва не добился этого в длительной войне против Византии. Но когда он в 927 г. умер, оставив трон малолетнему наследнику, все изменилось. Между обоими государствами был восстановлен мир, и в долгое правление царя Петра (927—968 гг.) влияние Византии глубоко проникло в Болгарию. Византийская дипломатия приняла для этого необходимые меры. По особой милости болгарскому царю был пожалован титул *басилевса*, делав-

ший его почти равным императору. Он женился на представительнице императорской фамилии, внучке Романа Лекапина. Болгарам в Константинополе оказывали особое внимание. К послам царя, «болгарским друзьям», как их часто называли, относились с такой любезностью, что это даже жестоко задевало самолюбие некоторых западных послов. Казалось, что славянские государства, основанные на Балканском полуострове, все больше и больше входят в сферу византийского влияния.

Но религиозное влияние Византии на славян проявлялось и за пределами империи. Известна знаменитая миссия Кирилла и Мефодия к славянам Моравии, осуществленная по замыслу Фотия, и богатые плоды, принесенные непродолжительной деятельностью этих «апостолов славянства». Посредством религиозной пропаганды византийское влияние распространялось и среди русских.

С конца IX в. в числе епископов упоминается епископ Руси, диоцез которого был очень похож на епископства *in partibus infidelium*. Это епископство было центром византийской пропаганды на Руси, которая была столь успешной, что в середине X в. великая княгиня Руси Ольга прибыла в Константинополь с визитом к императору и согласилась принять крещение. Русские часто появлялись в Константинополе. Многие из них приезжали в качестве купцов, другие записывались в византийскую армию и во флот. Это были прекрасные солдаты и великолепные моряки. Все они подвергались воздействию византийской культуры. Неудивительно поэтому, что в конце X в. внук Ольги, великий князь Владимир, принял христианство и, крестившись в Херсонесе, заставил весь свой народ принять христианскую веру. В то же время он женился на византийской царевне. Имперская дипломатия могла гордиться этим событием, которое вводило Русь в сферу влияния Византии не только в отношении религии, но и

в области социальной организации, литературы и искусства.

На юге России находилось и государство хазаров. Византия поддерживала с ним хорошие отношения. В первой половине IX в. император по просьбе хазарского царька послал в его распоряжение византийского строителя, построившего крепость Саркел, предназначенную для охраны государства от нападений печенегов. С другой стороны, византийская дипломатия старалась внедрить влияние христианства в этой стране, где процветала иудейская религия. Рассказывают, что, перед тем как отправиться со своей миссией к славянам Моравии, Кирилл был послан к хазарам и был там хорошо принят. Он вел там длительные споры с раввинами, после чего хан разрешил греческим священникам проповедывать христианство. Точность этого рассказа оспаривалась. Во всяком случае достоверно, что в стране хазаров существовало христианство. Для византийской дипломатии могло служить большим удовлетворением, что в этот период христианская пропаганда одержала такие большие победы, как обращение Болгарии и Руси.

Любопытная глава «Книги церемоний» показывает нам, насколько широко было поле действия этой дипломатии в первой половине X в.

Императорская канцелярия, всегда очень внимательная к формам этикета, с точностью определяла титулы, даваемые государям, с которыми она вступала в сношения, а также стоимость золотой печати, прикрепляемой к письмам, которые посылал им император. Из «Книги церемоний» мы узнаем, с какими государствами сносилась Византия и как высоко она ставила различных правителей. В списке, охватывающем около шестидесяти имен, на первом месте стоит папа, именуемый «святейшим папой, духовным отцом императора». Среди светских правителей первым назван Багдадский халиф, получивший

титул «высокопочитаемого, благороднейшего и знатного повелителя агарян». Адресованные ему письма снабжались золотой печатью стоимостью в четыре золотых номисмы. Наряду с эмиром Египта, он единственный правитель в мире, для которого употреблялись печати такой стоимости. За ними идут два армянских государя, царь царей Армении и правитель Вашпукарана, также носящий титул царя царей. Оба они именуются «духовными сынами императора», и золотая печать на адресованных им письмах стоит три золотых номисмы. Среди других важных государей мы находим царя Иверии, носившего из рода в род высокий византийский титул куропалата, затем эксусиократора Алании, также именовавшегося духовным сыном императора, и царя Болгарии, «божьей милостью государя всехристианского народа болгар», о котором дополнительно сообщалось, что он имел титул басилевса. Далее мы встречаем здесь многочисленных государей, больших и малых, правивших во всех частях известного тогда мира, королей Франции и Германии, называвшихся «духовными братьями императора», в восточной Европе—государей Руси, печенегов, хазар, вне Европы—правителей турок, эмира Африки, эмира Египта и правителей еще более отдаленных государств, например, Аравии и даже Индии. Все это ясно показывает, как далеко простирались дипломатические связи империи.

Среди перечисленных государей некоторые были вассалами империи. Они выполняли в Византии двойную службу, защищая границы империи и способствуя распространению византийского влияния. Их распределяли по четырем категориям; сюда входили итальянские вассалы, мелкие ломбардские государи Кампании, главы морских республик Амальфи, Неаполя, Гаэты и особенно Венеции. По своему происхождению, нравам, культуре, искусству Венеция была совершенно греческим городом, цели-

ком проникнутым влиянием Византии. Она всегда оставалась верной империи, и с императорским двором ее связывали тесные узы даже во времена Карла Великого. Дожи гордились, когда получали от императора византийские титулы протоспатария, патриция или проэдра. Они были счастливы, посылая своих сыновей в Константинополь или заключая брачные союзы с византийскими царевнами. В пышном костюме, среди окружавшего его церемониала дож как бы являлся высоким византийским сановником. С ранних времен императорское правительство оказывало доверие венецианцам, поручив им охрану Адриатического моря, заключив с ними выгодный торговый договор, первый из той серии договоров, на основе которых выросло благосостояние Венеции на Востоке. Другие группы вассалов состояли из правителей Иллирии, сербских, хорватских, правителей кавказских государств и Армении. Византийской дипломатией постоянно руководила честолюбивая цель превратить как можно большее число вассалов в подданных империи. Наиболее отчетливо эти стремления византийской дипломатии проявлялись в Азии.

На своих азиатских границах Византийская империя последовательно встретила с двумя сильными противниками: персами — опасными врагами до победы Ираклия над империей Сассанидов, поглощенной вскоре арабским нашествием, — и арабами, обосновавшимися сначала в Дамаске при Омейядах, а затем в Багдаде при халифах Аббасидах. В течение долгого времени империя вела с ними непрерывные войны: с середины VII в. до начала IX в., с целью противостоять мусульманскому нашествию, а затем, с середины IX в. до начала X в., чтобы повести армию империи в победоносное наступление по ту сторону Евфрата и до Сирии. Тем не менее в военных действиях бывали и перерывы, когда происходил обмен посольствами; этому обстоятель-

ству мы обязаны интересными отчетами арабских послов о византийском дворе и обществе, о связях в области науки и искусства. Двор халифов вызывал в Константинополе восхищение; мы уже видели, что к двум великим повелителям ислама относились с особым вниманием. В императорском дворце неоднократно строились здания по образцу арабской архитектуры. Не меньшее восхищение вызывала в Багдаде византийская культура, блеск константинопольского двора, слава византийской науки и искусства. Греческие послы ослепляли арабскую столицу своим величием; в Багдаде говорили, что если посол раздавал золото в таком изобилии, то его повелитель должен был быть еще богаче. Византийские ученые встречали в Багдаде хороший прием, и халифы охотно оставляли их при своем дворе; впрочем, Лев Философ, знаменитый математик, отклонил лестные предложения мусульманского повелителя, заявив, что византийский император «не желает уступать другим то, что принадлежит только ему, и передавать варварам те знания, за которые римский народ пользуется всеобщим уважением». Но, несмотря на эти учтивые хотя и непрочные отношения, византийская дипломатия преследовала в Азии честолюбивые замыслы, особенно в отношении Армении.

Армения была тесно связана с Византией, которая в IX в. восстановила Армянское царство, уничтоженное в IV в., и благосклонно принимала на своей территории армян, вынужденных покинуть родину. Все армянские государи в X в. были вассалами Византии и очень гордились приемом, который им оказывали в Константинополе, титулами, которые они получали, подарками, которыми их осыпали. Предприимчивая армянская знать охотно поступала на службу в византийскую армию; эти искатели приключений делали иногда большую карьеру. Из Армении Византия получила многих своих лучших полководцев, отличных администраторов. Из Армении проис-

ходили даже некоторые императоры: Ираклий в VII в., Лев Армянин в IX в., Роман Лекапин и Иоанн Цимисхий в X в. Византия была обязана Армении прекрасными солдатами, так как армянские отряды считались в X в. лучшими частями византийской армии. Поэтому легко понять, что правительство империи мечтало превратить это население, целиком пропитанное византийским влиянием, в своих подданных. Дипломатия империи прибегала в этих целях к самым разнообразным средствам, то заставляя того или иного армянского правителя уступать свои владения в обмен на какой-нибудь высокий византийский титул, то добиваясь завешания, по которому армянский правитель передавал свои права империи. При Василии эта политика увенчалась блестящим успехом. В 1000 г. империя приобрела часть Иверии, которую ей, умирая, завещал куропалат Давид. Вступая во владение уступленным ему Дайком, император во время своей триумфальной поездки принял вассальную присягу от всех армянских правителей. Немного позднее правитель Вашпукарана уступил свои владения императору Е в обмен на звание стратига Севастеи. И, наконец, представитель армянских Багратидов Иоанн Сембад установил в своем завешании, что после его смерти его царство со столицей Ани перейдет к византийцам. С 1020 по 1022 г. Василий II совершил новую триумфальную поездку по Армении. Это был, конечно, большой успех, расширявший территорию империи и увеличивавший ее авторитет. Но этот успех был, может быть, скорее кажущимся, чем действительным, так как с присоединением Армении исчезло буферное государство, препятствовавшее слишком тесному соприкосновению между арабским и византийским мирами.

В XII в. Комнины подобными средствами пытались обеспечить византийское влияние в Сирии. Когда же с первым крестовым походом в Константи-

нополь явились большие западные армии, Алексей Комнин понял, что над империей нависла угроза, и византийская дипломатия стала добиваться соглашения с крупными латинскими баронами. И здесь ее усилия увенчались успехом. С некоторыми вождами крестоносцев, например, с Готфридом Бульонским, сговориться было трудно, но другие, как Боэмунд Тарентский, поддались деньгам и званиями и легко пошли на соглашение. В конце концов был заключен договор, по которому латинские бароны обязались служить императору, сражаться вместе с ним и признать себя его вассалами. На основе этого соглашения Византия предъявляла свои права на суверенитет в латинском Антиохийском княжестве Боэмунда. Маиуил Комнин добился удовлетворения этих притязаний, принудив Рене Шатильонского признать себя вассалом империи и принять в Антиохии греческого патриарха. Но дипломатия империи действовала и за пределами Антиохии, вплоть до Иерусалимского королевства. Византийские царевны были связаны брачными узами с некоторыми правителями латинских государств, и короли Иерусалима гордились хорошим приемом, который они встречали в Константинополе, как это было при поездке в византийскую столицу короля Амори, известной нам по интересному рассказу Вильгельма Тирского. Со стороны Запада выдвигались новые серьезные проблемы, в первую очередь, проблема отношений с папством. Италия, отвоеванная Юстинианом, составляла часть Византийской империи; поэтому император, самовластно распоряжавшийся крупными церковными сановниками, претендовал на такое же руководство главою римской церкви, хотя внешне и оказывал ему почтение. Сильвестр и Вигилий в VI в. и Мартин в VII в. испытали на себе этот деспотизм императоров, и отношения между Византией и Римом были поэтому очень натянутыми. Когда в середине

VIII в. папство освободило Рим от императорской власти и папа превратился в независимого правителя, положение несколько не улучшилось. Несомненно, Рим, где находились греческие монастыри, где имелся греческий квартал и долго ощущалось влияние византийского искусства в украшении церквей, был полувизантийским городом, на который наложило свой отпечаток влияние Востока. Но отношения с папством Византии приходилось регулировать с большим трудом. Правительство империи, понимая огромное политическое влияние папства в Италии и на всем Западе, было расположено к соглашению с ним, стремясь заручиться его поддержкой при осуществлении целей византийской политики. Что касается восточной церкви, то у нее было одно желание — полностью освободиться от подчинения Риму. Это желание ясно проявилось в IX в. при временном разрыве во время патриаршества Фотия и в XI в. при окончательном разрыве, который был навязан императору Керулларием. Таким образом, дипломатия империи сталкивалась с церковной оппозицией, и такое положение продолжалось до конца существования империи. Михаил VIII на Лионском соборе (XIII в.) и Иоанн VIII на Флорентийском соборе (XV в.) стремились исключительно в политических целях восстановить объединение церкви и получить мощную поддержку папства, чтобы обеспечить безопасность империи и спасти ее. Православная церковь оказывала ожесточенное сопротивление этим попыткам, стараясь восстановить общественное мнение и разжечь народный гнев против политики императоров. Ей удалось привлечь на помощь себе половину восточных государств. В этих условиях византийской дипломатии было очень трудно добиться от папства удовлетворительных результатов. Впрочем, претензии некоторых императоров, которые, как, например, Мануил Комнин, мечтали править в Риме наряду с папой,

делали предложения византийского правительства не особенно привлекательными для римского первосвященника.

Другим не менее серьезным вопросом было отношение к империи. Когда в 800 г. папа Лев III короновал Карла Великого императором Запада, Византия сначала отказалась признать этот акт, рассматривая его как узурпацию, и хотя по истечении двенадцати лет она, наконец, согласилась оставить за каролингским государем императорский титул, это признание было вынужденным и носило временный характер. За преемниками Карла Великого Византия не признавала права на императорский титул. Доказательством этого служит письмо Василия I Людовику II, королю Италии. Еще более резкое столкновение произошло в X в., когда короновался императором германский король Оттон I. Из рассказа Лиутпранда Кремонского можно видеть, какие суровые истины пришлось выслушать посланнику германского императора из уст византийских сановников, с которыми он вел переговоры, и как решительно отказали его повелителю в титуле, на который тот претендовал. В XII в. подобную же политику проводил Мануил Комнин по отношению к Фридриху Барбароссе. Византийский император не жалел ни усилий, ни денег, чтобы создавать трудности для своего германского соперника и содействовать его поражению в Италии. Но на этот раз ответ Запада был еще более решительным, чем обычно. Барбаросса не только без всяких колебаний продолжал носить титул императора, но и отказывал в праве на этот титул Мануилу Комнину. В дерзком письме, адресованном византийскому императору, он называет его «королем греков». Вопрос об императорском титуле со временем как будто был предан забвению. Правители Никейской империи не оспаривали права Фридриха II на императорский титул, а императоры Константино-

поля проводили такую же политику по отношению к преемникам Гогенштауфенов. Впрочем, несмотря на трудности, которые создавал титул императора, византийская дипломатия не порывала связей с Германией. Византийская царица Феодора была выдана замуж за сына Оттона Великого. Вместе с большой греческой свитой, сопровождавшей ее, она способствовала до некоторой степени насаждению византийского влияния, особенно в области искусства.

Опираясь, с одной стороны, на Венецию, где византийская дипломатия встречала хороший прием, а с другой стороны — на южную Италию, принадлежавшую до конца XI в. империи и насквозь проникнутую византийским влиянием, императоры устремляли свои взоры на Италию, куда их влекло воспоминание о Риме. Византийская дипломатия стремилась создать трудности Роберту Гюискару внутри его королевства. В конце XIII в. она подготовила «сицилийскую вечерню» против Карла Анжуйского. Она имела тесные отношения с большими морскими республиками Генуей и Венецией, заключала с ними договоры, определявшие положение этих республик на Востоке, и старалась извлечь политические выгоды из этих экономических связей. Так было в правление Алексея Комнина, когда дипломатия империи добилась военной помощи венецианцев против Роберта Гюискара, и в правление Мануила Комнина, стремившегося вовлечь Геную и Венецию в борьбу против Барбароссы. Византия содействовала образованию ломбардской лиги и поддерживала ее большими субсидиями. Подкуп всегда оставался одним из главных способов воздействия византийской дипломатии, и современники были ослеплены потоком золота, которое Мануил Комнин направлял в Италию. Наконец, были осторожно начаты переговоры с Римом в надежде превратить вечный город в столицу империи. Из

всего этого византийская дипломатия извлекла мало серьезных преимуществ, и империализм Мануила Комнина в конечном счете лишь вызвал на Западе тревогу и подготовил почву для коалиций против Византии. Но активная дипломатия помогла империи сохранять свой авторитет во всем мире, и в XII в. Константинополь все еще оставался одним из центров европейской политики.

В эпоху Палеологов перед византийской дипломатией встала последняя проблема: как защитить и спасти то, что осталось от империи. На Балканском полуострове возникли большие славянские государства: второе Болгарское царство, восстановленное в конце XII в., и Сербское государство, добившееся независимости в это же время. Дипломатия империи льстила себя надеждой закрепить суверенитет Византии над Сербским государством. Она стремилась выбирать для него правителей, и пока был жив Мануил Комнин, Стефан Неманя, несмотря на отдельные выпады против Византии, оставался верным и покорным вассалом империи. Но когда Мануил Комнин умер, Стефан Неманя, воспользовавшись этим обстоятельством, объявил себя независимым и объединил под своей властью большую часть мелких сербских государств. Действия против рождавшейся большой Сербии требовали возврата к обычным способам, то есть денежным субсидиям, брачным связям, раздаче титулов. Стефан Милутин женился на дочери Андроника II Палеолога, и византийское влияние глубоко проникло в Сербию, отразившись и на организации двора, и на системе управления, и на развитии искусства. Но это не мешало сербским государям, как некогда болгарскому царю Тимеону, бороться с императором за гегемонию на Балканском полуострове. Сначала Милутин, затем Стефан Душан значительно расширили территорию своего государства за счет Византии. Они неоднократно вмешивались во внут-

ренные дела империи. В 1346 г. Стефан Душан короновался в Скопле «императором и самодержцем Сербии и Романии». Может быть, лишь внезапная смерть сербского царя в 1355 г., когда он находился почти у ворот Константинополя, предотвратила падение столицы и гибель Византийской империи за столетие до катастрофы 1453 г.

Против турецкой опасности Византия искала помощи у Запада. Мы уже видели, что византийская дипломатия стремилась заручиться поддержкой папства. Чтобы обеспечить себе военную помощь, византийские императоры неоднократно совершали поездки к западным государям. Иоанн V Палеолог в 1369 г. ездил в Рим, где принял римско-католическую веру, и в Венецию. В 1399 г. Мануил II был в Париже и Лондоне. В 1438 г. Иоанн VIII присутствовал на Флорентийском соборе. Переговоры велись и с Венгрией, близкой соседкой империи, на которую возлагались большие надежды. Но несмотря на все усилия византийской дипломатии, Запад или вовсе не интересовался Византией, или рассчитывал извлечь выгоды из ее упадка. Отдельные попытки, наподобие крестовых походов, закончились тяжелыми поражениями при Никополе и Варне. Это были последние усилия искусной и гибкой византийской дипломатии, которая так долго оставалась мощной силой империи и не раз блестяще разрешала во времена Юстиниана, в IX и X вв. и в эпоху Комнинов проблемы, стоявшие перед византийским правительством в области внешней политики.

ГЛАВА XII

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Картина византийской жизни была бы неполной, если бы мы, рассмотрев основные проблемы, стоявшие перед правительством империи, не определили сущности византийской культуры, влияние которой Византия стремилась утвердить во всем мире. Мы уже показали материальную сторону этой культуры — процветание византийской промышленности, активность ее торговли, блеск Константинополя и глубокое впечатление, производимое этой столицей на всех, кто ее посещал. Остается показать, чем была эта культура в области идей и искусства и каково ее историческое значение.

I. Духовная жизнь Византии

Здесь не место детально излагать историю византийской литературы. Тем не менее весьма важно показать ее истоки и характер, который она приобрела.

Сохранение близкой связи с греческой античностью составляет особенность византийской литературы, которой она отличается от всей остальной литературы средневековья. Греческий язык был национальным языком Византийской империи. Поэтому произведения великих писателей Греции были доступны и понятны всем и вызывали всеобщее восхищение. Они хранились в больших библиотеках столицы в многочисленных списках; мы

можем получить представление о богатстве этих собраний по дошедшим до нас сведениям о некоторых частных библиотеках. Так, патриарх Фотий в своем *Myriobiblion* подверг анализу 280 рукописей классических авторов, что составляет лишь часть его библиотеки. В библиотеке кардинала Виссарiona из 500 рукописей было не менее 300 греческих. Монастырские библиотеки, как например в монастыре Патмоса или в греко-итальянском монастыре св. Николая в Казоле, наряду с религиозными трудами располагали также и произведениями классической Греции. Насколько все эти писатели были знакомы византийцам, можно судить по дошедшим до нас данным об их популярности в византийском обществе. Свида в X в., Пселл в XI, Тецес в XII, Феодор Метохит в XIV в. читали всю греческую литературу, ораторов и поэтов, историков и философов, Гомера и Пиндара, трагиков и Аристофана, Демосфена и Исократ, Фукидида и Полибия, Аристотеля и Платона, Плутарха и Лукиана, Аполлония Родосского и Ликофрона. Женщины были не менее образованы. Анна Комнин читала всех великих классических писателей Греции, она знала историю Греции и мифологию и гордилась тем, что проникла «в самую глубину эллинизма». Немедленно по прибытии в Византию первой заботой жены Мануила Комнина, происходившей из Германии, было попросить Тецеса комментировать для нее Илиаду и Одиссею; она заслужила похвалу этого великого грамматика, который назвал ее «женщиной, влюбленной в Гомера». В византийских школах в основу системы образования наряду с сочинениями отцов церкви были положены произведения классических писателей Греции. Гомер был настольной книгой, любимым чтением всех учеников. Достаточно посмотреть, что читал Пселл на протяжении двадцати лет, чтобы составить себе представление о духовных интересах той

эпохи. Наконец, константинопольский университет, основанный Феодосием II и восстановленный в IX в. кесарем Вардой, тщательно охранявшийся Константином Багрянородным и процветавший еще в эпоху Палеологов, был замечательным рассадником античной культуры. Профессора этого университета, «консулы философов» и «главы риториков», как их называли, преподавали философию, особенно платоновскую, грамматику, под которой понимали все то, что мы теперь называем филологией, то есть не только грамматику, метрику, лексикографию, но и комментирование, а зачастую и критику античных текстов. Некоторые из этих преподавателей оставили по себе славную и долговечную память. В XI в. Пселл, безгранично преклонявшийся перед Афинами, снова поднял на высоту изучение философии Платона и с большим энтузиазмом толковал классических авторов. В XII в. Евстафий Фессалоникийский комментировал Гомера и Пиндара, а преподаватели XIV и XV вв., великие ученые, образованные критики, большие знатоки греческой литературы, были подлинными предшественниками гуманистов эпохи Возрождения.

Поэтому, естественно, византийская литература должна была испытать на себе мощное влияние античности. Византийские писатели часто брали за образец классических авторов и стремились подражать им: Прокопий подражает Геродоту и Фукидиду, Агафий, более склонный к риторике, — поэтам. Утонченный Феофилакт ищет свои образцы в александрийской литературе. Позднее для Никифора Вриенния образцом служит Ксенофонт, Анна Комнин соперничает с Фукидидом и Полибием. Еще в XV в. в трудах Халкокондила и Критовула проявляется сродство с Геродотом и Фукидидом. В соприкосновении с классиками они создают ученый язык, несколько искусственный, иногда вы-

чурный, сильно отличающийся от обиходной речи того времени; они гордились сознанием, что воспроизводят строгую грацию агтицизма. Подобно тому как в своем стиле они подражают античной форме, так и в мышлении они подражают классическим идеям. Они находятся под впечатлением греческой истории и мифологии; упоминая о варварских народах—болгарах, русских, венграх, — они называют их античными именами. Это почти суеверное преклонение перед греческой классической традицией привело к весьма важным для развития литературы последствиям.

С другой стороны, сильный отпечаток на литературу наложило христианство. Известно, какое большое место занимала религия в Византии, как торжественны были церковные церемонии, какое влияние оказала церковь на умы византийцев. Известно, какой интерес вызывали богословские дискуссии, какую страсть возбуждали догматические споры, каким уважением были окружены монахи, как щедро сыпались приношения в пользу церквей и монастырей. Писания отцов церкви—Василия Великого, Григория Назианзского, Григория Нисского, Иоанна Хрисостома (Златоуста) вызывали всеобщее восхищение. Их изучали в византийских школах, и писатели охотно брали их за образец. Богословие составляет половину всего того, что произвела византийская литература, и в Византии встречается мало писателей, даже светских, которые так или иначе не соприкасались бы с богословием. Это уважение к христианской традиции и авторитет отцов церкви тоже имели важное значение для литературы.

Под этим двойным влиянием и развилась византийская литература, что придало ей характер разнообразия. Византийцы всегда очень любили историю, и с VI до XV в., начиная от Прокопия, Агафия и Менандра до Франдзи, Дуки и Кривоула, литера-

тура Византии богата именами выдающихся историков. По своему умственному развитию и нередко по своему таланту они значительно превосходили современных им западных авторов; некоторые из них могли бы занять почетное место в любой литературе. Например, Пселл по своему таланту, наблюдательности, живописной точности изображаемых им картин быта, тонкой психологии портретов, остроумию и юмору может быть поставлен в один ряд с самыми великими историками, и далеко не он один заслуживает подобной оценки.

Этот вкус к истории проявляется и в исторических хрониках монастырского или народного происхождения, менее значительных по своему уровню, за исключением таких авторов, как, например, Скилица или Зонара. Эти хроники часто отличаются недостаточно критическим отношением к материалу, но и они оказали большое влияние на современников. Любовь к историческому рассказу в Византии была так велика, что многие охотно составляли письменные повествования о крупных событиях, свидетелями которых они были. Так, Каменит писал о взятии Фессалоники арабами в 904 г., Евстафий — о захвате этого же города норманнами в 1185 г. Нет ничего более живого и привлекательного, чем эпизоды, которыми Кекавмен заполнил свою маленькую красочную книгу воспоминаний.

Наряду с историей, наукой, глубоко интересовавшей византийскую мысль, было богословие. Замечательно, что до XII в. византийская богословская литература была гораздо выше всего того, что производил в этой области Запад. От Леонтия Византийца, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина и Феодора Студита между VI и VIII вв. до Паламы в XIV в., Георгия Схолария и Виссариона в XV в. православная религия и любовь к религиозным спорам вдохновляли многих авторов. Сюда

относятся обширные комментарии к священному писанию, мистическая литература, создававшаяся в монастырях, особенно на Афоне, произведения религиозного красноречия, агиографическая литература, лучшие образцы которой охарактеризовал в X в. Симеон Метафраст в своем обширном труде.

Но и помимо истории и богословия развитие византийской идеологии отличалось удивительным разнообразием. Философия, особенно платоновская, выдвинутая на почетное место Пселлом и его последователями, занимает значительное место в византийской литературе. Большую роль играют также самые разнообразные формы ораторского искусства, как-то: хвалебные и надгробные речи, торжественные речи, произносимые в праздничные дни в императорском дворце и в патриархии, небольшие отрывки, посвященные описанию пейзажа или произведений искусства. Среди ораторов, воодушевлявшихся античной традицией, некоторые, как, например, Фотий, Евстафий, Михаил Акоминат, занимают важное место в литературе. В Византии встречаются и поэты. Мы находим здесь небольшие произведения: «Филопатрис» в X в., «Тимарион» в XII в., «Маза-рис» в XIV в.,—причем два последних являются подражаниями Лукиану,—талантливые этюды Феодора Метохита и Мануила Палеолога. Но в византийской литературе особенно выдаются два явления оригинального, творческого характера. Это, прежде всего, религиозная поэзия, в которой на заре VI в. прославился Роман Сладкопевец, «царь мелодий». Религиозные гимны с их страстным вдохновением, искренним чувством, глубокой драматической мощью представляют одно из самых выдающихся явлений византийской литературы. Далее, это византийский эпос, напоминающий во многих отношениях французские героические поэмы (*chansons de geste*) и создавший в XI в. великую поэму о национальном

герое Дигенисе Акрите. В этом эпосе, как и в религиозной поэзии, уже нет следов античного влияния. Как справедливо отмечалось, в них чувствуется плоть и кровь христианской Византии; это именно та часть византийской литературы, в которой нашли свое выражение глубины народного духа.

Но обратимся к другим видам литературы. В богословии после периода творческой активности очень рано, уже с IX в., начинает исчезать всякое оригинальное творчество, и оно живет лишь традицией и авторитетом отцов церкви. Дискуссии обычно строятся на цитатах, выдвигаемые положения опираются на известные тексты, и уже Иоанн Дамаскин писал: «Я не скажу ничего, что исходило бы от меня самого». Таким образом, богословие утрачивает всякую оригинальность; то же явление в несколько смягченной форме наблюдается и в светской литературе. Византийцы питают безграничный интерес к прошлому. Они ревниво охраняют предания и традиции старины. X век — век исторических, военных, сельскохозяйственных, медицинских, агиографических энциклопедий, составленных по распоряжению Константина Багрянородного. В этих энциклопедиях собрано из прошлого все, что могло служить целям преподавания или практическим задачам. Византийцы — образованные компиляторы и ученые; характерный пример — Константин Багрянородный; его «Книга церемоний» и трактат «Об управлении империей» построены на богатой документации и носят печать неутомимой любознательности. Вслед за императором многие писатели составляют трактаты по самым разнообразным предметам — по тактике, государственному праву, дипломатии, сельскому хозяйству, воспитанию. В этих трактатах писатели стремятся путем тщательного изучения старых авторов разрешить многие трудные вопросы. Практический, утилитарный характер многих дошедших до нас произведений является характерной

чертой византийской литературы. Конечно, в Византии есть и подлинно оригинальные мыслители, такие, как Фотий, Пселл, и мы уже видели, что в двух своих разделах, в религиозной и эпической поэзии, византийская литература носит подлинно оригинальный и творческий характер. Но надо сказать, что в целом византийской литературе, какой бы интерес она ни представляла для изучения и понимания византийской общественной мысли, каких бы выдающихся писателей она ни выдвинула, часто не хватало самобытности, новизны и свежести.

Эта литература имеет и другие недостатки. К ним относятся вычурность и манерность, любовь к звонкой, пустой фразе, поиски замысловатой формы, заменяющие оригинальную мысль и избавляющие от необходимости думать. Но особенно значительные затруднения создавал для литературы язык, которым пользовалось большинство византийских писателей. Это — ученый, искусственный, условный язык, который многие понимали с трудом, и поэтому произведений, на нем написанных, не читали, так что эта литература предназначалась для избранного круга людей большой культуры. Наряду с этим языком существовал язык разговорный, народный, на котором говорили, но не писали. Начиная с VI в. делались, разумеется, попытки применять его в литературе, но произведения на этом языке появляются только в XI и XII вв. Это поэмы Глики и Феодора Протропа, из которых последний отличается несколько вульгарным, хотя и забавным, остроумием, исторические произведения, например, хроника Морей, и романы, особенно эпос Дигениса Акрита, дошедший до нас только на этом языке. Отсюда в византийской литературе возникает вредный дуализм, разрыв между чисто литературными произведениями и произведениями, написанными на народном языке, который не стал языком литературы. Последние, однако, представляют большой интерес; они показы-

вают, что духовная жизнь Византии не чужда была вдохновения, свежести мысли и чувства.

Несмотря на указанные выше недостатки, византийская литература оказала большое влияние на литературу других народов. В то время как Византия вместе с религией несла народам восточной Европы принципы новой общественной организации, ее литература несла им элементы новой духовной культуры. Многие произведения, особенно исторические хроники и труды отцов церкви, переводились на болгарский, сербский, русский, грузинский, армянский языки: хроники Малалы, Георгия Амартола, Константина Манассии, Зонары. Слава этих хронистов была так велика, что Феофан был переведен на латинский язык. В Болгарии царь Симеон, создавая двор по образцу императорского, приказал перевести на болгарский язык хронику Малалы и произведения отцов церкви — Василия, Афанасия, Иоанна Дамаскина. Сам он показал пример, составив сборник извлечений из Иоанна Хрисостома (Златоуста), и придворные льстецы сравнивали его с «трудлюбивой пчелой, которая собирает с цветов мед». В России, в школах Киева, совершалась подобная же работа; таким образом, во всей восточной Европе национальные литературы возникали под влиянием Византии.

Византийская литература во второй половине XIV в. и в течение всего XV в. накладывала свой отпечаток и на Запад. Гемист Плифон и Виссарион воспитывали там вкус к греческой античности и воскрешали славу философии Платона. По примеру Константинопольского университета, в Венеции и Флоренции преподавали античную литературу, и гуманисты Возрождения познакомились со знаменитыми писателями Греции. Таким образом византийская литература способствовала распространению влияния Византии во всем мире.

II. Византийское искусство

Кто посещал храмы св. Софии в Константинополе и св. Димитрия в Салониках, до того как последний был разрушен пожаром в 1917 г., кто видел мозаики церкви св. Виталия в Равенне, церковью Дафни и св. Луки в Фокиде, великолепие храма св. Марка в Венеции и палатинской часовни в Палермо, памятники Мистры, мозаики Кахриэ-Джами в Константинополе, живопись монастырей Афона, кто рассматривал в Парижской Национальной или Ватиканской библиотеке рукописи, иллюстрированные прекрасными миниатюрами, те знают красоту и разнообразие византийского искусства; те, кто имел возможность обозреть, хотя бы на выставке византийского искусства, организованной несколько лет тому назад в павильоне Марсан, образцы второстепенных видов искусств: эмали с блестящими красками, резные изделия из слоновой кости, из посеребренной бронзы, драгоценные ювелирные изделия, прекрасные, переливающиеся золотом и пурпуром ткани, — те поймут, что в течение многих веков византийское искусство производило все предметы изящной и утонченной роскоши, какие только знало средневековье. Это показывает, что искусство занимало важное место в византийской жизни и культуре.

В течение долгого времени утверждали, будто это искусство было однообразным, застывшим, не способным к обновлению, будто оно в течение многих веков ограничивалось тем, что бесконечно повторяло творения нескольких гениальных художников. То же самое твердят порой и сейчас. Но это грубая ошибка. Византийское искусство было живым, и, как все живые явления, оно знало эпохи величия и упадка, развивалось и преображалось. VI столетие было его первым золотым веком. После кризиса иконоборческого движения оно снова

расцвело в X и XI вв. под влиянием античности; это был его второй золотой век, не менее блестящий, чем первый, хотя и другого характера. Наконец, XIV и XV вв. ознаменовались его последним блестящим возрождением, когда оно полностью обновились и преобразилось.

Говорили, что византийское искусство было по преимуществу искусством религиозным; бесспорно, церковь оказывала на него большое влияние. Она вызвала к жизни иконографию, предназначенную для иллюстрации тем ветхого завета и евангелия. Некоторые церковные произведения, например «Сошествие Христа в ад» или «Успение», являются настоящими шедеврами. Церковь взяла под контроль и опеку искусство украшения храмов. Но наряду с религиозным существовало и светское искусство: писались портреты государей, изображались великие исторические события, трактовались мифологические сюжеты. Между X и XII вв. велась большая работа по украшению императорских дворцов. До нас дошло немного памятников этого искусства, и мы знаем их только по некоторым знаменитым мозаикам, например в церкви св. Виталия, а также по миниатюрам рукописей. Тем не менее важно отметить наличие наряду с религиозным искусством и светского. Его влияние было менее продолжительным, и оно мало-помалу уступало место религиозному творчеству; но оно в не меньшей степени, чем последнее, свидетельствует о разнообразии мотивов византийского искусства.

Говорили, что художественное творчество Византии являлось лишь продолжением римского. Действительно, было бы наивно думать, что Рим не наложил на него свою печать; но в основном его формировали влияния другого происхождения. Своеобразный характер этого искусства сложился под влиянием греческой античности в сочетании с азиатским Востоком. Оно соединило со строгой грацией антич-

ности более живой, более драматический реализм Востока, Сирии и Персии. К благородным заветам греческого искусства оно добавило вкус к роскоши, блеск украшений, обязанные влиянию Востока. Преобладало влияние то Сирии или сассанидской Персии, то классической Греции. Таким образом, в развитии византийского искусства греческий или азиатский Восток играл гораздо более значительную роль, чем Рим.

После периода подготовки и первых несмелых шагов в IV и V вв. византийское искусство нашло свою характерную форму в VI в. в эпоху Юстиниана. Храм св. Софии, творение, изумительное по смелости замысла и мастерству выполнения, типичен своим высоким куполом, великолепной расстановкой колонн, роскошными капителями, пышными украшениями стен, покрытых разноцветным мрамором, блестящими мозаиками, заполняющими своды, абсиду и купол, — всеми характерными чертами нового стиля. Но и помимо св. Софии многие другие памятники отражают богатство и разнообразие искусства, достигшего в эту эпоху своего расцвета; таковы длинные базилики с великолепными колоннадами, церкви, построенные в форме креста, как, например, большая церковь св. Апостолов в Константинополе, украшенная великолепными мозаиками (по ее плану был построен несколько веков спустя собор св. Марка в Венеции, отразивший все ее великолепие). Помимо памятников архитектуры можно отметить шедевры живописи, прекрасные рукописи, как, например, Библия, хранящаяся в Вене, Евангелие Россано, «Христианская топография» Косьмы Индикоплова, украшения евангелий в форме, заимствованной у сирийской или греческой традиции. Имеется много других шедевров, где проявляется любовь к роскоши и великолепию как в украшениях церквей и императорского дворца, так и во второстепенных произведениях — изделиях из слоновой

кости, серебряных и золотых блюдах, драгоценных украшениях, прекрасных тканях, которые также являются чудом благородного и пышного искусства.

X в. был свидетелем нового великолепного расцвета, последовавшего за иконоборческим кризисом, бесспорно отразившимся на искусстве. Снова чувствуется мощное влияние эллинской традиции. Архитектура той эпохи создает классический в некотором роде тип византийской церкви — увенчанное куполами здание в форме греческого креста» внешние стены которого покрыты изящным многоцветным узором, составленным из причудливо расположенных кирпичей. Внутри церковь украшена еще богаче и искуснее серией прекрасных картин, иллюстрирующих церковные верования. Уже возникает чувство цвета — оно проявляется в мозаиках на голубом или золотом фоне, например в церквях Дафни или св. Луки, в прекрасных рукописях, проникнутых античным влиянием, каков, например, псалтырь Национальной библиотеки, и во многих других, в парижской рукописи Григория Назианзского или Менологии Ватикана, в великолепных тканях и пышных дарохранильницах с блестящими эмалевыми украшениями. Второй золотой век византийского искусства продолжается от X в. до эпохи Комнинов; относящиеся к этому времени древнейшие мозаики собора св. Марка в Венеции или Мартораны в Палермо свидетельствуют о великолепии и высоком качестве обработки, которым всегда гордилось византийское искусство.

Наконец, XIV и XV вв. показывают нам византийское искусство в новом свете, как бы совершенно преобразившимся. Это искусство до такой степени зачаровано живописными формами живой жизни, что оно нередко трактует даже самые священные темы как жанровые сюжеты. Оно любит композиции, где выражается драматическое или нежное чувство, в нем часто проявляется патетическое настроение, гос-

подстывающее в это время и на Западе. Изящество и очарование композиций дополняются живым чувством и гармонией красок. Иконография также обогащается новыми разнообразными сюжетами. Впервые, быть может, в византийском искусстве появляются различные школы; в отличие от предыдущих веков, когда общим правилом была анонимность отдельных произведений, теперь уже упоминаются имена художников, из которых некоторые становятся знаменитыми, как те, чьи произведения украшают церкви монастырей Афона. Особенно в XIV в. встречаются подлинные шедевры, как-то: очаровательные мозаики Кахриэ-Джами в Константинополе, фрески церкви Периблептос в Мистре или изящная живопись церковей в Македонии, например в Нагорицино или Студенице. Так последнее замечательное возрождение византийского искусства бросает на чело умирающей Византии яркий луч славы.

Подобно литературе и даже еще сильнее византийское искусство оказывало глубокое влияние на свою эпоху. Именно от него ведут свое происхождение почти все памятники на Балканском полуострове и по ту сторону Дуная; не меньше ощущается это влияние в Румынии, в России. В Болгарии в X в. и еще сильнее в XIII и XIV вв. влияние Византии ярко проявляется в таких творениях, как церкви Месемврии или Бояны, украшенные прекрасными, бесспорно византийскими, фресками XIII в. То же самое мы наблюдаем в Македонии и Сербии, где находим целый ряд очаровательных церковей с византийскими фресками, а также зданий в Грацианице, Пеше или в Дечанах. В Валахии памятником византийского влияния является церковь св. Николая в Куртеа, украшенная замечательными фресками XIV в. Наконец, в России Киевский собор св. Софии своей архитектурой, прекрасными мозаиками, интересной живописью показывает, какое влияние излучало византийское искусство в XI в. Это влияние проявляется и в

XII в. — во фресках церкви спаса Нередицы; в XIII и XIV вв. — в живописи Новгородской и Владимирской школ, поразительно напоминающей искусство Мистры. И такое же мощное влияние византийское искусство оказывало на Западе. Равенна VI в. со своими прекрасными церквами св. Аполлинария и св. Виталия — вполне византийский город. Почти то же самое можно сказать о Риме, где многочисленные мозаики той же эпохи свидетельствуют о влиянии Византии. Это влияние можно проследить в некоторых памятниках вплоть до IX и даже X в., например, в церкви св. Марии у подножья Палатина или в прелестной часовне св. Зенона в церкви св. Праксиды. Южная Италия полна византийскими фресками. Но особенно сильно чувствуется влияние Византии в Венеции XI и XII вв., в базилике св. Марка, которая, может быть, дает наиболее полное представление о византийском храме того времени, или же на другом побережье полуострова в церквах, строившихся и украшавшихся в XII в. норманнскими королями Сицилии. В XIII в. происходит постоянный обмен художественными влияниями между Византией и Италией, причем Византия дает гораздо больше, чем получает. Византийская иконография накладывает свой отпечаток на искусство украшения церквей; как справедливо отмечалось, наиболее талантливые итальянские примитивисты конца XIII и начала XIV в., например Дучио из Сиенны или Джотто, несмотря на все их личные качества являются по существу лишь гениальными византийцами.

Таким образом, подобно литературе, византийское искусство способствовало распространению во всем мире замечательной культуры, которая была славой Константинополя и Византийской империи.

Восточная Европа долго сохраняла и еще поныне сохраняет память об этой культуре, влияние которой она испытывала в течение многих веков. Николай Йорга, написавший книгу на эту тему,

дал ей знаменательное заглавие: «Byzance après Byzance».

Турецкая империя, в основном военное государство, не была достаточно подготовлена к управлению обширной страной, доставшейся ей после падения Византии; поэтому ей пришлось заимствовать систему учреждений у Византии. Мухаммед II охотно пользовался советами и помощью оставшихся в Константинополе греков, из которых многие, даже принадлежавшие к знатным аристократическим фамилиям, быстро приспособились к новому режиму. С другой стороны, греческие подданные султана видели в патриархе, которого турецкий победитель официально провозгласил главою христиан империи, естественного наследника императора, и Фанар, резиденция патриарха в Константинополе, на много лет превратился в подлинный центр греческой национальности. Патриарх, поддерживаемый богатыми греческими подданными турецкого государства, которых называли архонтами, играл таким образом первостепенную роль. Благодаря ему греки вместе с религией сохранили память о прошлом, чувство своей национальности, языка и греческой культуры. Этим они были в значительной степени обязаны развитию греческих школ, протекавшему настолько успешно, что можно было говорить о настоящем возрождении с помощью школ. Благодаря патриарху некоторым областям, например монастырям Афонским или Синайскому, была предоставлена в турецком государстве своего рода автономия, позволившая им сохранить нетронутыми византийские традиции. Наконец, политика Фанара была проникнута заботой не только об охране прошлого, но и о подготовке будущего. Нельзя упустить из виду большую роль патриархата в подготовке великого национального движения, приведшего в начале XIX в. к войне за независимость и к возникновению греческого христианского королевства. Небезинтересно отметить, что даже в

наше время в дни больших праздников религиозные церемонии напоминают по своей торжественности византийские.

Такие же явления имели место на всем Балканском полуострове. В Румынии господари Валахии, особенно те, кого называли многозначительным именем фанариотов, управлявшие страной, несмотря на свое христианское происхождение, от имени султана, производят в XVII и XVIII вв. впечатление настоящих византийских правителей. Многие из них не только принадлежали по рождению к знатым фамилиям византийской аристократии, но, как показывают портреты, сохранившиеся, например, в фресках монастыря Горец, все эти Бранкованы, Кантакузины, Маврокордато носили такие же пышные костюмы, какие некогда были в моде при императорском дворе, и всем своим обликом походили на высших византийских сановников. При их дворе, где почти полностью сохранялся церемониал, которым окружали себя императоры, появляются греки из всех частей исчезнувшей империи. Мы видим, что там, как и в Византии, возникает идейное движение, в котором участвуют философы, писатели, не лишенные таланта, поэты, так что двор господарей называли воскресшей Византией. Подобно императорам, правители Валахии основывают монастыри, покровительствуют православной церкви, находясь в тесных отношениях с Фанаром. Это сила, способствовавшая, наряду с патриархом, сохранению греческой национальности. Наконец, Россия также была целиком проникнута византийским влиянием. Об этом говорят многочисленные факты. Царь, как некогда император, привлекал к себе на службу людей всех национальностей, живших в империи, а иногда и иностранцев из соседних стран. Можно отметить и другие знаменательные явления. Круглый зал Грановитой палаты, поддерживаемый одним столбом и украшенный фресками на золотом

фоне, невольно вызывает воспоминание о священном дворце византийских императоров. Своей живописью и своими знаменитыми иконами церкви Кремля также напоминают храмы византийской столицы. Двор царей с его роскошью и пышным церемониалом оставался до XIX в. единственным, дававшим более или менее точное представление о том, чем были в свое время двор и дворец византийских императоров.

Все это факты далеко не безразличные. Только великая культура способна оказывать такое длительное и глубокое влияние, и только это влияние позволяет нам безошибочно определить ее место и роль в истории. Византия по праву гордилась богатством и блеском своей культуры.

ГЛАВА XIII
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

В предшествующих главах мы сделали обзор основных проблем, стоявших перед византийским правительством, и постарались показать, как оно разрешало эти проблемы и в какой степени достигало желаемых результатов. Но наряду с этими проблемами, имевшими первостепенное значение для самого существования империи, у тех, кто желает ознакомиться с византийской жизнью и культурой, возникает много других вопросов. Некоторые из них частично были рассмотрены, другие лишь затронуты. Остается еще много бесспорно интересных вопросов, подлежащих изучению. Поэтому нам казалось полезным дать беглый обзор некоторых стоящих на очереди проблем византийской истории.

Прежде всего встает вопрос о публикации документов, играющих роль источников. В свое время было издано много византийских исторических текстов, из которых некоторые опубликованы уже давно и нуждаются в новом издании, основанном на критическом подходе к источникам и на научных методах издания документов. С другой стороны, большие архивы располагают значительным количеством материалов, публикация которых имеет первостепенный интерес. В Парижской Национальной библиотеке обнаружена «Хронография» Пселла, в Венецианской — трактат о налогах, относящийся к X в.; еще раньше в од-

ной русской библиотеке найдены любопытные воспоминания Кекавмена, носящие название «*Strategikon*». Во Флоренции обнаружен трактат по тактике, дающий яркую картину военного устройства в Византии X в.; можно надеяться, что в дальнейшем в архивах больших библиотек будут найдены новые важные документы. Некоторые уже открытые важные тексты ожидают лишь своего издателя, как, например, речь Николая Кавасилы, написанная им в середине XIV в. в Фессалонике во время революции зилотов и представляющая огромный интерес для изучения этого крупного общественного движения. Кроме того, в библиотеках и особенно в архивах можно найти много неизданных императорских и патриарших актов (*typica*) или грамот об основании монастырей, ценных для изучения религиозной жизни. Там хранятся и дарственные акты, купчие, решения правителей провинций, то есть собрания документов, значение которых понятно каждому исследователю, причем многие из них до настоящего времени не изданы. Правда, за последние годы в этом направлении проделана большая работа. Византийская секция собрания Бюде (*Budé*) издала «Хронографию» Пселла с французским переводом, избранные письма Никифора Григоры и Димитрия Кидониса с полным анализом их корреспонденции, «Жизнь Порфирия Газского», составленную диаконом Марком. В настоящее время секция переиздает два важных источника: «Книгу церемоний» Константина Багрянородного и «Алексиаду» Анны Комнин и предполагает подготовить новое издание «Истории», вернее мемуаров, Иоанна Кангакузина. В Лейпциге появилось новое издание Франдзи, не говоря уже о других византийских текстах — Прокония, Феофилакта Симокаты, патриарха Никифора и Феофана, изданных Тейбнером. В Италии недавно изданы *Opera minora* Пселла, где наряду с

его корреспонденцией мы находим некоторые очень интересные неизданные тексты. В Париже, в коллекции *Sylogae Tacticorum*, был издан уже упоминавшийся выше трактат о тактике. Можно было бы легко умножить число этих примеров. Начата была также публикация неизданных архивных документов, перечисленных выше, в том числе картуляриев многих крупных византийских монастырей, например Патмосского и некоторых Афонских. Недавно появился первый том актов Лавры, то есть самого старого из монастырей Афона. Можно надеяться также на большие результаты поездки Милле (*Millet*) и затем Дельгера (*Dölger*) на Афон. Дельгер в своем каталоге дал ценный хронологический перечень актов, изданных византийскими императорами, либо сохранившихся в оригиналах, либо известных нам по указаниям некоторых историков. Французский институт византийских исследований в Бухаресте предпринял ряд изданий актов константинопольской патриархии, анализ которых он довел до 1043 г. Наряду с этими большими собраниями документов можно указать и иные, где опубликовано значительное количество архивных материалов. В другой области изучение византийских печатей, из которых многие, недавно открытые, еще не изданы, должно привести к ценному дополнению работы Шлюмберже (*Shlumberger*) «*Sigillographie byzantine*».

Но наряду с проблемами, относящимися к изданию текстов, важно указать на вопросы византийской истории, заслуживающие особого внимания ученых. На некоторые из них мы и хотим обратить внимание читателя.

I

В последние годы политической истории греческой Восточной империи уделялось много внимания. Появились прекрасные монографии. Многие перио-

ды — от Юстиниана до иконоборческих императоров, от императоров Македонской династии до государей династии Комнинов—стали предметом целой серии исследований, дающих историю Византии почти целиком, лишь с незначительными пропусками. Можно ли сказать, что в этой области уже все сделано? По истории двух последних веков Византийской империи мы почти ничего не имеем. Васильев и своей «Истории Византии» дал лишь общий очерк эпохи Палеологов. Халецкий в работе «Un empereur Byzantin» коснулся лишь одного, хотя и очень интересного, эпизода этого периода. Поэтому достаточно указать, что именно могут дать нам в этой области углубленные исследования. Прежде всего заслуживают специального изучения многие действующие лица византийской истории. Правление Михаила VIII, его борьба за восстановление империи, до сих пор изучавшиеся довольно поверхностно, еще ждут своего историка. Правление Андроника II, сыгравшее столь важную роль в религиозной жизни империи, столь богатое яркими эпизодами и столь любопытное с точки зрения придворной и личной жизни византийского государства, также требует особого внимания и изучения. Особенно же деятельность Иоанна Кантакузина, может быть, самого замечательного человека в Византии XIV в., могла бы послужить материалом для необычайно интересной книги. Иоанн Кантакузин был человеком большого ума, сложной, полной поразительных противоречий личностью; он соединял в себе большое честолюбие с несколько подчеркнутым презрением к высокому положению, полную неразборчивость в средствах с исключительной заботливостью о религиозных делах, мистическое стремление к самоотречению с желанием выставить себя в своих мемуарах в лучшем свете перед последующими поколениями. Одним словом, он представлял

собою прекрасный образец византийского императора, в котором все хорошие и дурные черты доведены до крайности и характер слишком часто не соответствует высоте ума.

Можно было бы умножить эти указания, не ограничивая их рамками эпохи Палеологов. Интересный объект исследования представляет правление Льва VI, столь важное для истории административного управления и религиозной жизни империи; я уже не говорю о монографиях, которые можно было бы посвятить той или иной области империи: Эпирскому деспотату, деспотату Мистры, изучение которых начал Закифин (*Zakythinos*), византийскому Египту, о котором я попытался составить очерк в III томе «*Histoire de la nation Egyptienne*». Другой ряд монографий можно было бы посвятить таким выдающимся личностям византийской истории, как Феодор Метохит, которого знают все посещавшие Кахриэ-Джами в Константинополе и который на заре XIV в. был одним из самых выдающихся людей своего времени, или как патриарх Фотий, личность которого показана в новом свете в прекрасной книге Дворника (*Dvornik*) «*Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*».

В этой далекой пленительной Византии я знаю образы многих обаятельных женщин, ожидающих поклонника-историка, чтобы воскресить их исчезнувшее очарование.

II

Но есть другая, еще более богатая возможностями область исследований—это изучение учреждений Византийской империи, имеющих исключительно важное значение, так как империя обязана своим существованием в течение стольких веков в первую очередь крепкой административной системе.

Этому сложному вопросу было, конечно, посвящено много важных трудов. Стоит лишь упомянуть о работе Гельцера «Die Genesis der Byzantinischen Themenverfassung», книге Бьюри (*Bury*) «The imperial administrative system in the ninth century», исследованиях Дельгера и Острогорского о податном уставе X в. и финансовой администрации империи. В своей недавно изданной «Истории Византийской империи» я также рассматриваю учреждения Византии в X в.

Однако уже в «Книге церемоний» мы встречаемся на каждой странице, почти на каждой строке, с трудностями, до сих пор не решенными. Это справедливо даже для X в., то есть для наиболее изученного периода в истории византийской администрации. Каковы функции этих бесчисленных чиновников, фигурирующих в тексте иисателя-императора? Какую роль играл сенат? Что такое *συζητητικόν συνέτημα*, о котором говорит Константин Багрянородный, или эти *συζητητικοί*, встречающиеся на каждой странице? И если от эпохи Македонской династии мы перейдем ко времени Комнинов или Палеологов, то здесь все или почти все еще остается сделать. Кроме прекрасного исследования Штейна «Spätbyzantinische Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte», являющегося лишь первым эскизом в разработке этого вопроса, мы не можем отметить ни одной работы на эту тему. А между тем нельзя пожаловаться на недостаток документов. Начиная с XII в. мы имеем в нашем распоряжении довольно значительное количество грамот, большинство которых еще не издано, замечательный ансамбль, который когда-нибудь послужит материалом для «Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters». Изучая только подписи на этих актах — и это лишь один пример, — можно было бы нарисовать картину византийской администрации в эпоху Комнинов. Вместе с тем, учитывая

важность того, что было сделано для изучения финансового устройства, совершенно очевидно, что еще много надо изучить в этой важной области истории Византии.

III

В подготовляемой Брейе (*Bréhier*) работе о Византии, которая, без сомнения, скоро выйдет в свет, автор обещает дать нам в первом томе, после географии и истории империи, анализ ее учреждений, а во втором томе нарисует картину общественной и частной жизни в Византии. Но в ожидании этого важного издания следует отметить необходимость исследований быта, где придется начать работу с самого начала.

Несмотря на поучительную работу генерала Белье (*Beylié*), мы очень смутно представляем себе, чем был византийский дом. Между тем до нас дошло много документов, из которых можно было бы извлечь ценные сведения. Например, в грамоте о привилегии, пожалованной в 1202 г. генуэзцам императором Алексеем III, встречается любопытное описание так называемого дворца Вотаниата, заслуживающее внимательного анализа. При раскопках в Антиохии недавно были открыты большие мозаики на мостовой, весьма интересные для изучения истории жилищ. На длинном бордюре, опоясывающем центральный сюжет, изображены главные памятники города, церкви, дворцы, частные дома, сравнение которых (мозаика относится к V в. нашей эры) со зданиями, сохранившимися в мертвых городах центральной Сирии, представляет большой интерес. Многого необходимо еще сделать и для изучения результатов исследования местонахождения императорских дворцов в Константинополе.

Точно так же несмотря на прекрасные исследования Кондакова «Восточные костюмы при византийском дворе» представление об одежде в Византии

страдает большой неполнотой. Опять-таки в документах недостатка нет: уже на основании изданного Лампросом альбома с портретами императоров, сохранившимися в мозаиках, фресках и миниатюрах, можно попытаться точнее определить противоречивые и трудно понимаемые термины «Книги церемоний», относящиеся к костюму императоров и придворных сановников, ко всем проявлениям блестящей роскоши, которой Византия ослепляла весь мир. И вообще, что знаем мы о византийской жизни? Мы догадываемся о некоторых внешних формах, некоторых вкусах этого общества, по крайней мере, в Константинополе. Я пытался показать некоторые их черты в работе о византийском обществе в эпоху Комнинов; полезные сведения можно найти и в книге Ренсимена (*Runciman*) «Byzantine Civilisation». Но сколько еще остается сделать! Много работали над изучением ипподрома и цирковых факций. Но несмотря на последние интересные исследования, в истории византийского театра до сих пор осталось много темных мест. Возможно, что на греческом Востоке в средние века ставились мистерии, подобные западным. Но как мало у нас сведений об этих многочисленных праздниках, полных языческих воспоминаний, вызывавших возмущение у церкви и бывших любимым развлечением народных масс, об этом пристрастии к переодеванию, когда мужчины рядились женщинами, а женщины — мужчинами, о масках и танцах, о своеобразных увеселениях, в которых принимало участие само духовенство и которые напоминают наши средневековые праздники.

В любопытном комментарии Феодора Вальсамона к канонам собора 692 г. мы читаем: «Мы видим, как на некоторых праздниках даже писцы переодеваются, изображая различные лица. То они входят в церковь со шпагой в руке, наряженные для смеха военными, то появляются в обличье монахов или

четвероногих животных. И когда я спрашивал, — прибавляет автор, — как допускаются подобные действия, мне просто отвечали, что это результат давнего обычая». И Вальсамон описывает чиновников, которые шелкают бичами, изображая возниц, красят себе лица румянами, подражают работе женщин и делают, как он говорит, «другие непристойности, чтобы вызывать смех у зрителей». Был и праздник нотариев, занимавшихся воспитанием молодежи, которые рядились и надевали маски в день праздника своих святых патронов и долго гуляли в таком виде по общественным площадям столицы. Рядом с торжественным и строгим церемониалом императорского двора перед нами встает совсем новая, еще почти неизвестная Византия, Византия веселая, любившая развлекаться и смеяться, где и духовенство участвовало в странных увеселениях, принимавших непонятные для нас формы.

В самом деле, если византийские историки дают нам довольно точное представление о жизни византийского императора, мы очень мало знаем о жизни его подданных даже в столице, о семейном быте аристократа и еще меньше — горожанина. Обращаясь от Константинополя к провинции, следует сказать, что мы еще меньше знаем о жизни крупного феодала, о сельском укладе, об отношениях собственности. Жизнь женщин нам почти совсем неизвестна. Место, которое занимала религия в умах византийцев, их суеверия известны нам лишь по книге Икономоса «*Vie religieuse à Byzance au temps des Comnènes et des Anges*». А между тем при изучении всех этих сторон жизни Византии исследователь может располагать обильным документальным материалом. Я пытался в своих «Византийских портретах» на основе анализа надгробных речей, произнесенных Феодором Студитом и Пселлом на смерть их матерей, показать, как жили в Константинополе некоторые семьи горожан.

Брейе в интересном очерке изложил все, что дают агиографические тексты о сельском населении Византийской империи IX в. Эти примеры свидетельствуют о том, какие еще почти необработанные источники находятся в распоряжении историка и, в частности, какой большой материал могут дать для изучения византийской жизни жития святых. Мы знаем также, какие интересные сведения о жизни крупных феодалов можно найти в эпосе Дигениса Акрита, исследование которого возобновил Грегуар, и в изобилующем сочными штрихами «Стратигиконе», где Кекавмен рассказал свои воспоминания и изложил довольно-таки утилитарные принципы практической морали.

Много вопросов еще предстоит решить в отношении условий собственности. Дельгер в своем превосходном отчете на конгрессе представителей исторической науки в Варшаве в 1933 г. прекрасно показал всю важность этой проблемы для понимания истории Византии. Особенно следует иметь в виду его пожелание не исходить в этих трудных вопросах из слишком общих положений экономической истории, но работать исключительно над анализом текстов, тщательно их интерпретировать и шаг за шагом подвигаться к разрешению этих проблем. Это указание сближается с тем, что по этому поводу говорил некогда Фюстель-де-Куланж: «История строится только на основе текстов, их нельзя заменять личными мнениями. Лучший историк тот, кто ближе всего придерживается текстов, кто пишет и думает только по ним. Смелые выводы не имеют ничего общего с наукой».

IV

Уже по этим не претендующим на полноту указаниям видно, сколько проблем еще стоит перед исследователями-византинистами. Следовало бы также выяснить причины падения Византийской империи и

исследовать роль Запада в этом падении. Следовало бы изучить социальные и интеллектуальные связи между Западом и Византией, особенно начиная с XII в., а также влияние византийской культуры на восточный мир и наоборот—влияние арабской культуры на Византию. Часто говорили, что в течение многих веков Византия была воспитательницей Востока. Следовало бы без напрасных и наивных предубеждений, связанных с национальным самолюбием, исследовать, что именно сохранили турки, греки и славянские народы из учреждений Византии, ее идей, нравов и что еще теперь остается от Византии в юго-восточной Европе, то есть все явления, о которых Иорга составил превосходный общий обзор в своей книге «*Byzance après Byzance*». Здесь перед историком встают важные и необычайно интересные проблемы, изучение которых раскрывает причины величия Византии. Именно они оправдывают исследование этой угасшей и все еще живой цивилизации.

История византийского искусства также выдвигает много проблем. Многие памятники этого искусства издавались и изучались: мозаика, живопись, миниатюры рукописей. Большая часть их, однако, еще недоступна для публики и даже еще не открыта. Вполне возможно, что в Константинополе под известковым слоем, покрывающим стены византийских церквей, преобразованных в мечети, можно найти мозаики и памятники живописи. В этом направлении в Кахриэ-Джами, Вефа-Джами и особенно в св. Софии уже сделаны открытия, оправдывающие надежды исследователей и побуждающие к новым поискам. С другой стороны, в церквях Сербии и Македонии сохранились фрески XIV и XV вв., представляющие исключительный интерес для изучения последнего возрождения византийского искусства; однако до настоящего времени они изданы лишь частично. Надо надеяться, что Милле (*Millet*) не замедлит познакомить нас с результатами его пяти или

шести экспедиций в Югославию. Наконец, многие неизданные рукописи ожидают опубликования украшающих их миниатюр. В качестве примера можно привести недавнюю публикацию сирийской рукописи XIII в., принадлежащей Ватиканской библиотеке. Это издание показывает, чего может ждать история византийского искусства от подобных публикации. Но больше всего заслуживают внимания общие проблемы, вокруг которых еще и сейчас ведутся оживленные дискуссии. В течение долгого времени говорили, что византийское искусство было лишь продолжением и упадком римского. В произшедшей сенсацию книге «Orient oder Rom» Стржиговский показал, что византийское искусство более обязано Востоку, чем Риму. Но это слово «Восток» носит слишком общий и расплывчатый характер. Есть греческий Восток, традиция классического искусства Греции, влияние которого на византийское искусство было велико, а в некоторые моменты всеильно. С другой стороны, есть Восток Сирии, Месопотамии, Персии, который оказывал не меньшее влияние на происхождение и развитие византийского искусства. От соединения этих двух элементов и родилось византийское искусство, и в различные эпохи преобладало то или другое из этих влияний. Необходимо точно установить, чем обязаны византийские памятники классическому греческому искусству и чем сирийскому, и какие различные формы в обоих случаях принимают эти памятники. Чтобы составить себе об этом представление, достаточно изучить живопись, украшающую церкви, расположенные в скалистых горах Каппадокии, и тогда станет ясно, что наиболее древние из них происходят из Сирии, а более новые испытывают влияние Константинополя, все возрастающее в Малой Азии. Все это имеет большое значение для определения происхождения и различных форм византийского искусства.

Имеются и другие не менее важные проблемы. Интересно было бы определить отношения между богатым и оригинальным искусством Армении и искусством Византии, установить, чем Византия обязана Армении, и, наоборот, какое влияние она оказала на армянское искусство. Много исследований еще придется провести по изучению византийской иконографии и ее последовательного развития. Надо изучить трудный вопрос об иконах, особенно усложненный отсутствием определенных данных для их датировки. Можно было бы умножить эти примеры, но и приведенных достаточно, чтобы показать разнообразие исследований, которые необходимо предпринять в области истории искусства. Для исследователей это необычайно интересный и привлекательный объект изучения. Предложенных здесь кратких указаний достаточно, чтобы пополнить список актуальных проблем византийской истории и показать, чего мы можем ожидать от внимательного изучения этой великой исчезнувшей культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение своего тысячелетнего существования Византийской империи пришлось решать немало проблем, имевших для нее жизненно важное значение. Некоторым из этих проблем Византия сумела найти удовлетворительные решения, составлявшие основу ее величия. Другие были решены менее удачно, особенно социальная и аграрная проблемы, и это было одной из серьезных причин упадка империи. С другой стороны, разложение военной организации, долго стоявшей на высоком уровне, но постепенно ослабевшей, постоянные финансовые трудности и непрерывная безудержная борьба честолюбивой тоже способствовали ее падению. Нельзя забывать, что церковный раскол, разделявший Византию и Рим, породил на Западе много предубеж-

дений и ненависти против империи. В последние века своего существования империя столкнулась с более молодыми и деятельными народами, стремившимися к гегемонии—болгарами, сербами, турками, венецианцами, генуэзцами, — с которыми она была не в силах бороться. Несмотря на эти трудности и недостатки, являвшиеся их причиной, Византия создала блестящую культуру, может быть, самую блестящую, какую только знали средние века, бесспорно единственную, которая до XI в. существовала в христианской Европе. Константинополь оставался в течение многих столетий единственным великим городом христианской Европы, не знавшим себе равных по великолепию. Своей литературой и искусством Византия оказывала значительное влияние на окружающие ее народы. Оставшиеся от нее памятники и величественные произведения искусства показывают нам весь блеск византийской культуры. Поэтому Византия занимала в истории средних веков значительное и, надо сказать, заслуженное место. И может быть, те, кто прочтет эту маленькую книжку, поймут, вопреки предрассудкам, еще существующим по отношению к этому исчезнувшему миру, почему именно это место было заслужено Византией

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

- Diehl, Histoire de l'empire byzantin, Paris, 1919, новое пересмотренное издание, 1934.
- Norman Baynes, The Byzantine Empire, London, 1925,
- Васильев, История Византии, Ленинград, 1925.
- Jorga, Histoire de la vie byzantine, Bucarest, 1933, 3 vol.
- Diehl, Histoire de l'empire byzantin (395—1081) (Histoire du moyen âge, v. III), Paris, 1936.
- Bailey, Byzance, Paris, 1939.
- Ostrogorsky, Geschichte des Byzantinischen Staates, München, 1940.
- Diehl, Byzance, grandeur et décadence, Paris, 1919.
- Cambridge medieval history, t. II, IV, London, 1913, 1923.

МОНОГРАФИИ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

- Bury, A history of the later Roman empire from Arcadius to Irene, London, 1889, 2 vol., второе издание, более пространное и останавливающееся на смерти Юстиниана, вышло в 2 томах в 1923 году.
- Diehl, Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle, Paris, 1901.

- Diehl, Theodora, Paris, 1904, 2 éd. 1937.
- Bréhier, La querelle des images, Paris, 1904.
- Lombard, Constantin V, empereur des Romains, Paris, 1902.
- Bury, A history of the Eastern Roman empire from the fall of Irene to the accession of Basil I, London, 1912.
- Васильев, Византия и арабы, политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии, Петербург, 1900, французский перевод, переработанный автором —
- Vasiliev, Byzance et les Arabes, v. I, la'dynastie d'Amorium (820—867), Bruxelles, 1935.
- Dvornik, Les Slaves, Byzance et Rome au IX-e siècle, Paris, 1926.
- Vogt, Basile I, Paris, 1908.
- Rambaud, L'empire grec au X siècle, Paris, 1870.
- Schlumberger, Nicéphore Phocas, Paris, 1890.
- Schlumberger, L'épopée byzantine à la fin du X siècle (969-1057), Paris, 1896—1905, 3 vol.
- Neumann. Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzigen, Leipzig, 1894, французский перевод Paris, 1905.
- Chalandon, Essai sur le règne d'Alexis I Comnène, Paris, 1900.
- Chalandon, Jean II Comnène et Manuel Comnène, Paris, 1912.
- Luchaire, Innocent III, la question d'Orient, Paris, 1907.
- Schlumberger, Le siège, la prise et la sac de Constantinople par les Turcs en 1453, Paris, 1914.
- Diehl, Figures byzantines, 2 vol., Paris, 1906, 1908.
- Diehl, Venise, une république patricienne, Paris. 1915.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

C a r g o i r e, L'Eglise byzantine (527—843), Paris, 1905.

Histoire de l'Eglise, под редакцией A. Fliche et V. Martin:
v. IV (Labriolle et Bréhier), Paris, 1937; v. V (Bréhier),
Paris, 1938; v. VI (Amann), Paris, 1937; v. VII (Arnann
et Dumas), Paris, 1940.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

R u n c i m a n, Byzantine civilisation, London 1932, француз-
ский перевод, Paris, 1934.

T u r c h i, La civiltà bizantina, Turin, 1915.

K r u m b a c h e r, Geschichte der Byzantinischen Literatur,
2 Aus., München, 1897.

D i e h l, Manuel d'art byzantin, 2 éd., Paris, 1925—1926.
2 vol.

D i e h l, La peinture byzantine, Paris, 1933.

B r é h i e r, L'art byzantin, Paris, 1924.

M i l l e t, L'art byzantin (Histoire de l'art d'André Michel, Paris,
v. I, 1905, III, 1908).

D i e h l, Constantinople, 2 éd., Paris, 1935.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава I	
МЕСТО ВИЗАНТИИ В ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ	21
Глава II	
ОСНОВАНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ЕЕ ГРА- НИЦЫ И НАСЕЛЕНИЕ	34
Глава III	
ПЕРИОДЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ	43
Глава IV	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	55
Глава V	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	61
Глава VI	
РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМА	69
Глава VII	
ВОЕННАЯ ПРОБЛЕМА	79
Глава VIII	
АДМИНИСТРАТИВНАЯ	91
ПРОБЛЕМА	91
Глава IX	
СОЦИАЛЬНАЯ	103
ПРОБЛЕМА	103
Глава X	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	112
I. АГРАРНЫЙ ВОПРОС	112
II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ	117
Глава XI	
ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	129
Глава XII	
ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО	148
I. ДУХОВНАЯ	148
ЖИЗНЬ	148
ВИЗАНТИИ	148
II. ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО	157
Глава XIII	
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
БИБЛИОГРАФИЯ	180

Художник *Г. Рифтин*

Редактор *И. М. Соболева*

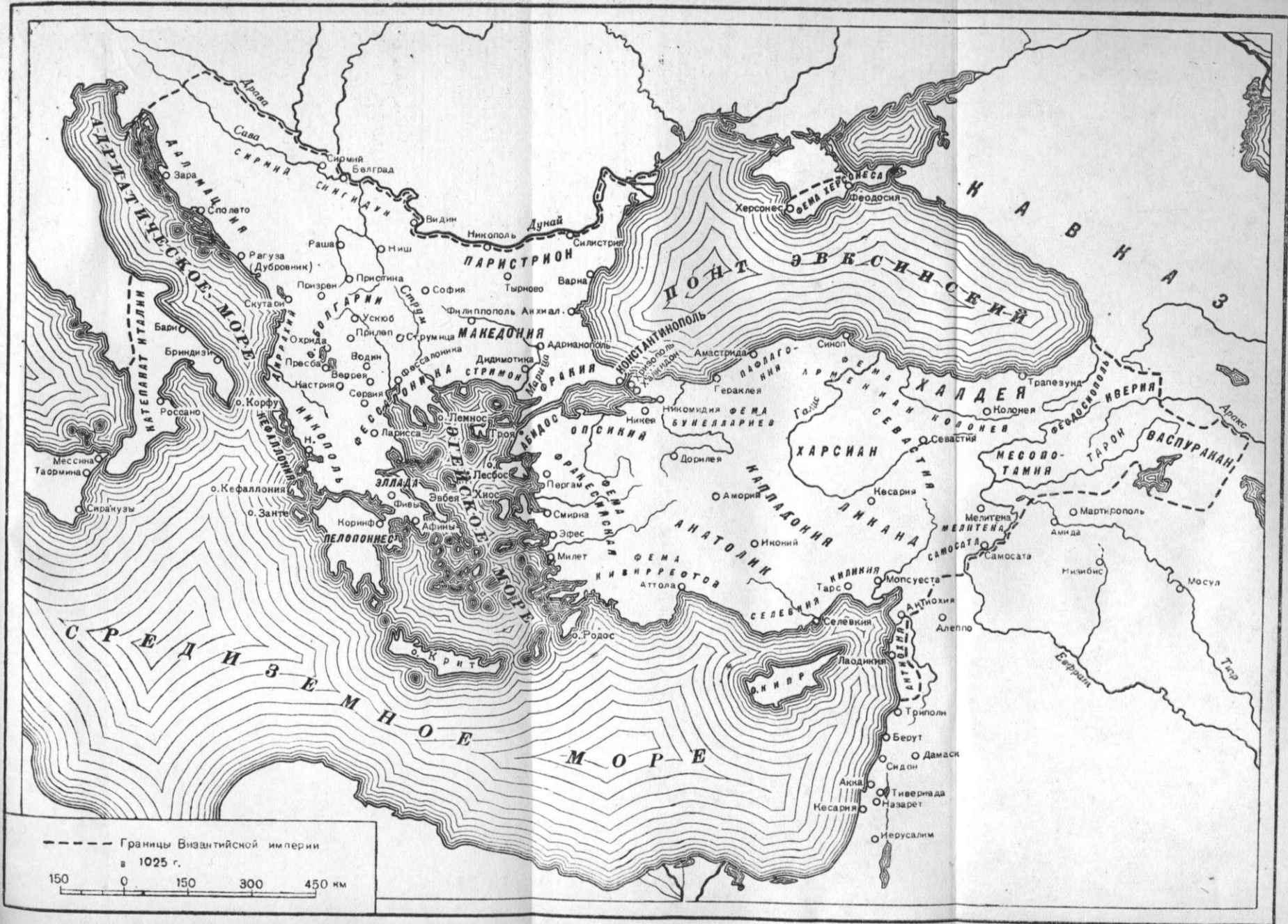
Техн. редактор *А. П. Дронов*

Корректор *А. М. Беньяминович*

*

Сдано в производство 1 2/III 1947 г.
Подписано к печати 31/V 1947 г.
А 00409, печ. л. 1 1/2, Уч.-Изд. Л. 7,8
Формат 84x108 1/32, изд. № 6/21.
Цена 9 руб. Зак. 167.

Набрано в 3-й типографии «Красный
пролетарий» треста «Полиграф-
книга» ОГИЗа при Совете Минист-
ров СССР. Москва, Краснопроле-
тарская, 16.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XI ВЕКЕ